

Дмитрий Бушуев

На кого похож Арлекин

Дмитрий Бушуев
На кого похож Арлекин

...Звонит телефон, но я, как и вчера, не поднимаю трубку – пусть отвечает автоответчик. Пусть за все в моей жизни отвечает автоответчик, а я отвечу только за тебя, Денис.

Денис, Денис, Денис. Имя давно превратилось в музыку. Представляешь, я до сих пор пишу тебе письма. Я пишу письма тебе, тебе, тебе, но ты никогда их не получишь. Длинные, звездные письма, как говорит Гелка. Наши созвездия сверкают морозными опалами и аметистами (октябрь и февраль: Либра и Аквариус), даже рояль Рафика покрылся инеем. Что осталось? Конфетные бумажки, программки канувших в Лету спектаклей, высохшие розы, кожаный жокейский хлыстик и сквозняки в комнатах. Еще кипа твоих школьных сочинений, но разве я смогу их перечитать?

Умоляю, отвяжись, отстань от меня, слишком ясный фантом провинциального школьника с потертым портфелем: Дождь на улице? Дождь в моих письмах, дождь в моих дневниках и аллеях, но это дождь сквозь солнце – настоящий теплый грибной дождь с радугой, с пузырями на лужах, с музыкой водосточных труб и подоконников.

Ты помнишь эту радугу в парке, куда мы забрели после уроков? Классически просто: «Учитель и ученик. Прогулки по парку» – так нестандартно можно озаглавить методическое пособие для восьмого класса по курсу русского языка. 8 – перевернутый знак бесконечности, поставленная с ног на голову твоя и моя жизнь, полная огня и трагических теней обитателей школьных коридоров. Итак, «Прогулки по парку. Введение.» Так или иначе, школьники поначалу сталкиваются с сопротивлением учебного материала, вызванным новой терминологией – удобнее всего сразу же завести словарь новых терминов, куда также можно вписывать правила и таблицы окончаний. Я немедленно заимел такой словарь и ворвался в твою четырнадцатую осень слишком шумно, сумасбродно, со свитой мифологических мальчишек, которые обезьянили и паясничали во всех зеркалах. О Боже! Все Антиной, Гавроши, Оливеры Твисты, Гекльберри Фины, Адонисы, Нарциссы, Себастьяны,

юные барабанщики и озорные Домби мелькали на каждом углу, подмигивали из окна автобуса, облизывали лимонное мороженое, капая себе на короткие шорты, катались на скейтбордах около фонтанов, выписывая такие баллоны, которые не снились даже Нижинскому. Мальчишки виляли на велосипедах, кокетничали, мерялись своими столбиками в душевых и раздевалках: а я как-то бездарно проморгал свою весну, разменял, разбазарил юношеские порывы в погоне за своим воздушным змеем. Зато моими стихами можно заклеить все небо.

Что было в тот день? Осень, которая покрыла меня легкой позолотой, золотая рыбка саксофона из школьного оркестра, что ныряла в полумраке сцены: Худосочный старшеклассник играл «Не плачь по мне, Аргентина» – играл отрывисто, безнадежно бойко, и Аргентина по нему явно не сокрушалась. Потом акробатический дуэт одно-яйцевых близнецов, вечные румба и танго, какой-то молдавский танец (на приднестровских гробах?), гимнастический этюд, школьный хор: все срывали искренние аплодисменты, поскольку публика была своя, домашняя и, стало быть, без особых претензий. Дежурная программа, дежурные гвоздики, и с этого вечернего перформанса я могу подарить вам только одну удачную открытку памяти (о радость-ненаглядность, где же этот снимок, пожелтевший, мягкий и осенний, размытый в близорукости зрителя восьмого, опять восьмого, ряда? Снимок, для которого все рамки будут тесны, а комментарии тусклы:). Дождь сквозь солнечную листву и твой шепот, оставшийся в гудящей океанской раковине. Тебя не было в числе выступающих в тот школьный вечер, ты просто помогал освещать сцену, манипулируя пушкой театрального прожектора, оставаясь в тени. Как и ты, световой зайчик был резвым и рассеянным, потому что часто убегал со сцены в зрительный зал или на потолок, пытаясь ослепить меня или поджечь мой шерстяной свитер: Ты ослепил меня, солнечный зайчик из восьмого «Б». С каких высот пролился ливень золотистого света, смешанный с масляными пузырями фонарей, с мерцанием Либры и Аквариуса, между

которыми миллионы лет?:И всего лишь восемь рядов зрительного зала! Так сумасшедший астроном не может оторваться от окуляров, безнадежно влюбленный в бездну и танцующие звезды, в наши лунные одинокие опалы и сумеречные аметисты, звенящие над крышей глупого мечтателя. Но что мне за дело до одержимого астронома и его космических призраков, если Денис уже возвратился домой и, надев бейсболку козырьком назад, убежал кататься на своих роликах... В тот вечер провинциальный учитель оставил характерный штрих в своем дневнике.

* * *

В школьные светлые коридоры меня занесло течением после окончания университета; я не то чтобы очень хотел пасти вертлявых головастика, но был загипнотизирован настоятельными приглашениями директора этой школы Карена Самуиловича, который восторгался моими уроками в течение трехмесячной студенческой практики. Тогда же я писал свою вторую повесть и, соответственно, жил в другой, более заслуживающей внимания реальности, не тратя свои силы и эмоции на поиски какой-то особенной экзотической работы. Как Ион из китова чрева, я был извергнут в школьные джунгли, где сразу же столкнулся со своей Пиковой Дамой. Поначалу мне казалось, что Алиса Матвеевна невзлюбила меня за дух университетского либерализма, который я принес с собой в ее заповедник, но оказалось, что не только за это. Судя по ее дневнику, она знала, что я гомосексуалист, и готовила мне фейерверк в своем стиле.

«Истинно говорю вам, если сами не будете как дети...» – эти слова я повесил бы в каждой учительской. Пространство школьника мифологически осмыслено, замкнуто в чудесной игре и ревниво оберегается от вторжения какой-нибудь Алисы Матвеевны с гадюкой в руке, бледной тенью надзирателя Макаренко за спиной и

нездоровым огоньком в глазах. Алиса сразу же почувствовала чуждый дух в своем гадюшнике и проницательно изучала меня, сверкая совиными полупустыми глазами в позолоченной оправе. Неприятие было взаимным, но она не спешила ставить мне палки в колеса, зная, что обласкан директором за свое новаторство и постмодернизм. В моей слишком легкой походке и даже в стиле одежды ей виделось отступление от канона, ее надпочечники выбрасывали критическую дозу адреналина, когда она смотрела на мои проклепанные полуковбойские ботинки, но более всего она охотилась за моим маскирующимся сексуальным двойником; она тут же придумала какой-то «Дружеский обмен опытом» и присутствовала на двух моих богослужениях в шестом классе. «Мы с вами литераторы, – говорила Алиса, – но прежде всего, мы педагоги, и как опытный учитель я советовала бы вам быть поскромнее...» Мне же хотелось запустить в надсмотрщицу своим португальским ботинком прямо на уроке. А сколько беглых моих конспектов прошло через цензуру старой фурии! Я нарочно писал их небрежно и неразборчиво, с понятными только мне и Богу сокращениями. Мне казалось, что даже мой организм стал вырабатывать противоядие с того момента, как ее дьявол почувствовал исходящий от меня серебряный холодок. Она учила меня наизусть, едва ли не подвергая фрейдистскому анализу каждую мою фразу. Впоследствии выяснилось, что Алиса делилась своими подозрениями по поводу моей сексуальной ориентации с коллегами, а та характеристика в ее дерьмовом дневнике давно уже была написана в моем небе огненными буквами. Но были побочные причины беспокойству заслуженной дуры – Алиса Матвеевна дико возревновала меня к своим зайчатам. Несмотря на эмоциональную тупость, она не могла не видеть, что дети безумно любят меня и что моя скромная персона стала занимать слишком много места в их сознании. На это она реагировала по-своему: «Я считаю, что вы, Андрей Владимирович, подкупаете ребят запрещенными приемами, слишком заигрываете с ними, стучите своими подковами по паркету, приезжаете в школу на

мотоцикле, да еще в кожаной куртке, точно вы восходящая рок-звезда, а не учитель. Поймите меня правильно, не обижайтесь, но со своим уставом в чужой монастырь не приходят. А если говорить по существу, то ваши свободные интерпретации учебного материала меня просто шокируют. Это что, плоды горбачевской перестройки или ваши субъективные переживания? – она щурилась и поджимала морщинистые губы. – Ну взять, к примеру, вчерашний урок по пушкинской „Капитанской дочке“. Что это за двусмысленный намек, „Гринев влюбился в Пугачева“? Как истолкуют это шестиклассники? Вы заметили, какое странное замешательство вы произвели?..» Вообще-то, я сказал, что Пугачев влюбился в Гринева, но черт меня подтолкнул ляпнуть эту фразу! Я так увлекся, что совсем забыл о моралистике. Я на крючке. Пахнет крысами. Но она еще оценит твой беллетристический талант, Найтов, когда все тайное станет явным.

Следует заметить, что на протяжении сотен лет дискриминаций и гонений сексуальные меньшинства выработали стойкий иммунитет к гомофобии. Господь бережно хранит свои создания, щедро награждая их талантами и мечтательностью. При лунном свете появляются эти цветы, которые в беспристрастном свете могут показаться бледными и слабыми, порой сорняками. Только ночные бабочки собирают тонкие яды, сладострастно вибрируя хоботками, только летучие мыши в расщелинах блаженно трепещут, почуяв наплывы обезоруживающего благоухания в осенних ветрах.

Я прекрасно понимал, что из-за моей старухи над головой у меня стали собираться грозовые тучи, и в фантасмагорических снах я в два хода избавлялся от черной королевы: сбивая ее мотоциклом в сыром осеннем переулке, быстро догоняя ее на мосту и бросая в реку этот мешок педофилической литературы, приходя к ней вечером в китайской маске и припиливая ее к креслу ржавой шпагой, а потом набрасывая яркий некролог в областную газету... Но в реальности мне было по-своему жаль одинокую Алису Матвеевну, одергивающую старую серую юбку, чтобы загородить заштопанный чулок, близоруко пересчитывающую мелочь в школьной столовой. Ту

бездетную Алису с детдомовским детством и коммунистическим воспитанием... Быть бы ей ночной няней в яслях или кассиршей в бане... Может быть, именно из чувства жалости я первым сделал шаг к взаимопониманию, пригласив Алису к себе в гости. Но улыбочка у меня вышла тошнотворной и кривой, когда я сбивчиво лепетал: «... Наши отношения мне видятся искренними и... хм... Вы мой куратор, в некотором роде, конечно... Почему бы нам не поговорить как-нибудь за чашкой чая... Ваш опыт... Завтра, после уроков, к примеру... Домой я вас провожу...» Я почему-то чувствовал себя мальчиком, спрятавшим дневник от родителей, а Алиса так сжимала классный журнал, что кончики ее пальцев побелели. Денис, я заботился не только о себе – я предчувствовал нашу любовь и знал, что моя мимикрия с Алисой нужна какому-то далекому человечку, прыгнувшему на роликовой доске в мою жизнь.

В ту пятницу я волновался как молодой актер перед премьерой, вернее, как провинциальный актеришка. Я раскрыл окно в классе и устроил сквозняк – ветер разметал листы с моего стола по всему кабинету, и черт так подгадал, что в этот момент в класс вошла Алиса – счет в ее пользу увеличился еще на пол-очка. Я безнадежно проигрывал эмоционально пред сушеной старой воблой. Все свои надежды я возлагал только за завтрашний спектакль. В тот день я не задержался в школе, как делал это обычно, чтобы поболтать с кем-нибудь из учеников после уроков, «по душам», но особенно не морализируя. Я выскочил из школы как ошпаренный, на ходу надевая шлем и застегивая летную куртку. Мой мотоцикл дрожал от волнения, и я прыгал на своей краснопузой саранчихе «Яве» по вечернему городу в поисках главного персонажа завтрашней премьеры. Мне была нужна рыжая Гелка для исполнения роли будущей спутницы моей жизни.

С Гелкой я познакомился на одном студенческом поэтическом вечере, перешедшем в бездарную пьянку с ординарной дракой и стриптизом. Тогда, в винном настроении, я впервые признался моим однокурсникам, что я голубой (тогда такие признания еще не вошли

в моду). Гелка завизжала от восторга и, помнится, прокомментировала: «Вот настоящий поэт, еще Мандельштам говорил, что лирический поэт – существо двуполое». Против Мандельштама выступить никто не решился. Потом Гелка перевелась на наш факультет из ленинградского университета, и мы как-то особенно подружились – доказательством этого служил тот факт, что рыжая доверяла мне читать свою тетрадь со стихами, а это было ее роковой тайной. Надо сказать, это осложняло нашу дружбу, потому что Гелка считала себя гениальной поэтессой, но стихи ее были слабыми и надуманными.

В нашем вечернем городе было совсем не трудно вычислить мою анонимную алкоголичку. Средой ее погружения был полубогемный провинциальный микроэтнос – дома она в такое время не сидит, а, наверное, уже гноит угол в артистической кафешке «Коломбина», где любят собираться непризнанные гении, романтические пьяницы, наркоманы и живописцы. Шел проливной дождь, и я завалился в этот хрупкий иллюзорный мирок в скрипящей коже и с мокрым шлемом в руках. От меня разило крепким табаком и бензином. Так и есть: сидит моя кошечка у камина, зализывает сердечные ранки и греет свою шкурку, потягивая – судя по цвету – коньячок или виски, разбавленные холеным жуликом-барменом. Рядом с ней обтирался прыщавый юноша с бульдожьим лицом, обращенным в розовые поэтические дали. Но, видимо, в этих далях ему ни одна звездочка не мерцала, и он набивал очередной джойнт алтайской травкой. Шелковый волнующий дымок плыл над асбестовыми абажурами, привлекая космических призраков, спектральных двойников и вампиров. Тени усопших плавали между столиками и колдовали над узкими бокалами, призраки детей играли с китайскими колокольчиками, напевали страшные песенки, причитали и показывали кривые зубки. Спившийся актер у окна никогда не сыграет свою звездную роль, прыщавый юноша не напишет текста своей жизни; у Гелки опадут рыжие локоны, и даже жулик-бармен не

подозревает о маленькой, только что образовавшейся опухоли Пейсона в его левом легком.

Гелка, увидев меня, как-то разволновалась и спрятала под стол свои лапки с облупившимся маникюром. Она явно скучала с бледным анашистом и подпольным дрочилой, поэтому схватилась за меня как за спасательный круг:

– Ой, Андрюшка, привет, ты все молодеешь... Поделись секретом молодости, а то, бля, скоро начнут падать листья...

– Привет, сестренка, – ответил я, вешая на оленьи рога свой шлем, – секрет прост: мой дедушка – тибетский монах, он присылает мне цветные бутылки с чудесным эликсиром. Осталась последняя бутылка, но я берегу ее для тебя... Очень нужна твоя помощь. Покатались ко мне, а?

– А бутылка не мифическая? – Гелка еще более оживилась. – В такой ливень хочется выпить по-настоящему, ведь персонаж за стойкой капает мне в рюмку как гомеопат...

– Погнали, одевайся!

Мы оседлали саранчиху и на скорости слились с симфонией для скрипки, дождя и осеннего города. Поддатая всадница в высоких сапогах дышала спиртами и шоколадом и шептала пастернаковские строчки: «Не тот это город, и полночь не та, и ты заблудился, ее вестовой...» Гелка была иногда не чужда фривольных эскапад и спросила меня сквозь ветер: «Как поживают твои педерасты? Ты все еще трахаешься с Рафиком или нашел новую задницу?» В ответ я прибавил газу и опрометчиво налетел на трамвайные рельсы. Мы подпрыгнули. Гелка завизжала и вцепилась в мою кожаную куртку мертвой хваткой. Я крикнул всаднице: «Гелла, а не проехать ли нам сквозь витрину, все равно все потеряно, пушечное мы мясо перестройки!» Я представил, как загулявший байк разносит дисплей антикварного магазина, шарахаются в ужасе манекены, трещат кресла и пыльный скарб... Брызги крови на китайской ширме, немного дыма и пыли, струйка теплого бензина... А ночные всадники уже выжимают газ из небесного «Харлея» в созвездии Либра и мчат

по млечному пути к Аквариусу тысячи, тысячи лет... Мои опалы. Мои аметисты...

Я поехал окружной дорогой, чтобы насладиться скоростью и непогодой, а заодно немного проветрить спутницу. Ливень не прекращался. Я начинал всерьез думать о втором всемирном потопе и обнаружил, что воспринял бы это известие с некоторой радостью. Сны на вариации голокоста стали повторяться в странной последовательности, и вот совсем недавний. Припарковав мотоцикл на стоянке супермаркета «Сайнсборис», я взял тролли и решил запастись на всю неделю: авокадо, ананас, французский батон, минеральная вода, веллингтонский биф, бекон, пэшн-фрут, спагетти, цыпленок по-киевски, лазанья, копченая спинка лосося, вейл для шницелей, клубника, несколько банок консервированного супа, томатный сок, бутылка виски, пиво «Гиннес»... Но когда уже покатил тележку к кассе, вдруг погас свет; за витриной мерцало пасмурное небо и как будто бы звук далекой-далекой трубы... Стало быстро темнеть. Случилась очень странная паника, потому что кассиры убежали, а люди стали опустошать прилавки, толкаясь во тьме... Я закричал в ужасе, что это конец света, но никто не слушал меня. Выбежав на улицу, я вдруг увидел своего опечаленного ангела-хранителя, который вымолвил: «Оставь человекоугодие. Подумай о своей душе». Меня обуял еще больший, просто животный ужас, но на дне сознания теплилась, как маленькая свеча, мысль... нет, надежда на спасение. Обнаружив, что я потерял ключи от мотоцикла, я подбежал к пожилому господину за рулем «БМВ» и стал его уговаривать срочно ехать в церковь, но он вышел из машины, протянул мне ключи зажигания и произнес: «Поезжайте один. Я уже приехал»... Черный «БМВ» стал вдруг белым, и я мчал по булыжным улочкам, а ангел летел впереди по огненной дорожке...

Наконец-то я привез свою актрису к себе, в пещеру неисправимого мечтателя и затворника, в зону одиночества и звездного холода, где нас встречал единственный поверенный всех моих душевных тайн, мой египетский божок – полусиаамский кот Мур.

Я любил его за вздорный нрав и гипертрофированную ревность. Мне было приятно, что всех моих друзей он высокомерно игнорировал в неподражаемом кошачьем стиле. Но со мной он был фантастически нежен – мускулистый и поджарый, с загнутым хвостом, на который я иногда надевал масонский перстень. Мур надменно смотрел на дрожащую и вымокшую гостью, помахивая крысиным хвостом.

Гелка сбросила сапоги, мягко прошла по ковру и провалилась в викторианское кресло. Я принес ей фен и полотенце, включил камин. Пока она листала журнал, я подогревал котлеты, приготовил салат и принялся сервировать стол. Мне нравится стелить с хрустом открахмаленную льняную скатерть, складывать салфетки и сверкать серебряными приборами; мне уже в детстве хотелось быть официантом или барменом на большом океанском лайнере (может быть, это память прошлой жизни, и тот, кто стал Андреем Найтовым, утонул в двенадцатом году на «Титанике»?). Я зажег мускусные палочки, поставил компакт единственной и неповторимой Джуди Гарланд, принес запотевшую, чистую как слеза бутылку «Столичной».

Алкольная эстафета моей собеседницы имела свои странности, и при виде бутылки Гелка поморщилась: «Сними этикетку или перелей в графин. Не могу больше смотреть на этикетки. Тошнит». Старинный зеленый графин сменил бутылку-лесбиянку, заигрывающую с рюмками. Графин грубо и по-мужски заполнял их до краев. Мы выпили за встречу во времени и пространстве, зазвенели вилками и ножами. Только сейчас я рассмотрел эту худенькую золушку со смарагдовым колечком, провинциальную поэтессу с газовыми синячками под глазами, охрипшую алкоголизированную птичку, показавшуюся мне фригидной и беззащитной.

Гелка повеселела, отогрелась. Ожидаю. Пока она не впала в лирический транс и не начала читать стихи, я быстро изложил фабулу завтрашней комедии. Я начал осторожно:

– Гелла, ты знаешь, что я гомосексуалист и живу, можно сказать, вне закона? И теперь я на крючке у старой девы. – Гелка поперхнулась и расхохоталась. Я продолжал: – Конечно, это смешно,

и мои проблемы, может быть, покажутся тебе слишком надуманными, но старая крыса в нашем гадюшнике, кажется, готовит мне фейерверк. Про меня много сплетен по городу гуляет, ты знаешь. Но я в последнее время очень осторожен – после того как Александра посадили. Вот. Я хочу гетеросексуальный имидж в школе. Нет, я не о работе беспокоюсь, нет, просто не хочу скандала. Пожалуйста, побудь несколько часов в роли моей будущей жены – я познакомлю тебя с Алисой Матвеевной.

Гелка, конечно, согласилась немного поиграть, но попыталась взять за это странную цену, начав канючить:

– Андрей, ангел, а может быть, ты и вправду эту ночь со мной проведешь, а? Ну хотя бы одну ночь. Одну ночь, прошу! Вдруг у нас что-нибудь получится? Неужели ты совершенно равнодушен к бабам? Давай я вылечу тебя...

Я раздраженно спросил:

– Ты этого искренне хочешь или решила заняться сексуальной благотворительностью?

Гелка, заикаясь, почти призналась мне в любви:

– Ты мне нравишься, Андрюшка. Я люблю все твои мальчишеские повадки, твои блядские глаза... легкую походку... милую картавость и всю твою резвость, всех твоих арлекинов, за которыми прячется смерть. Да-да, смерть, я почему-то так чувствую. Ты весь какой-то ночной театрик смерти... Ты знаешь, я думала, что сегодня мы разобьемся вдребезги, и даже была готова к этому...

– Еще водки?

Раскрасневшаяся Гелка заглатывала стопки и лихорадочно курила. Я открыл окно: ветер принес в мой бункер запах мокрых берез, теплого асфальта и сырой земли, опаловые капли на можжевелевом кусте, последние хризантемы на помятой клумбе. Декорации. На середине сцены, под фонарем, стояла еще горячая стреноженная «Ява», где-то далеко стонала сирена пожарной машины или «скорой помощи», или это вострубил последний ангел? Да-да, летит мой промокший ангел с полицейской мигалкой над осенним маленьким

городом – у ангела были твои глаза. Денис. Мне показалось, что в отсветах стекла мелькнула тень мальчика. Эй, мои ночные арлекины, садитесь на своих взыгравшихся дельфинов, мчитесь по облакам – к нам, сюда, сюда скорей, на свет бумажной китайской лампы, на запах тлеющей розы, будет вам грустить в пещерах, где только лунные сталактиты и искалеченные рояли бредят марсовой инфлюэнцей, где отроки на гигантских стрекозах играют на тростниковых флейтах... Взгляните, как тепла и благодатна русская осень, как темны и сочны наши рощи, сады и парки, как свежи наши плоды! Взгляните, как мы одиноки и заброшены: дети не рождаются, и в светильниках умалается масло...

Гелка основательно напилась и таяла как мороженое. Она превращается в похотливую пьяную бабу с немотивированными желаниями. Блудница после золотой критической дозы начинает плодить чертей, и ее рыжие гаденыши уже скачут по моей комнате, путаются под ногами, трубят в пионерские горны: «Взвейтесь кострами, синие ночи...» Гелка лежит на диване, запрокинув голову, расставляет ноги в стороны и хрипит: «Давай я заточу твой карандаш, Педрила Македонский! Выеби меня... Выеби!.. Оплодотвори мою пустыню, голубой ангел: я парень, я парень, я голубица...» Она смешно морщила лоб и была похожа на маленькую вспотевшую обезьянку, которую я видел в мюнхенском зоомагазине – тот зверек схватил меня влажной ладошкой за шелковый галстук и не хотел его отпускать, пока в наше единоборство не вмешался ассистент. От моего нового галстука стало разить мочой и апельсинами, и я выбросил его на улице...

Между тем моя будущая «жена» дошла до таких художественных высот, что разорвала на себе паутину колготок, сбросила юбку и расстегнула блузу, обнажив бледные, почти детские груди с воспаленными сосками. Зрелища ужаснее я еще не видел, даже наэлектризованный Мур выбежал из гостиной. Гелка неистовствовала – рыжая, покрасневшая, сущая библейская блудница, мать всех мерзостей земных. Я решил не упускать момента

и сделал несколько снимков в свой провокационный альбом. Скотина Найтов. Грозовые вспышки «Минольты» немного отрезвили стриптизерку. Она даже пыталась позировать, но была полужидкой, окончательно растаявшей медузой. Через несколько минут она с удовлетворением блевала в ванной, мочила волосы и дрожала слабеньким телом. Блевала кислятиной жизни, чернобыльским мясом, суррогатными спиртами, нитратами и пестицидами, противозачаточными таблетками – блевала щедро, от глубины души. Тошнит! Блевать от сучьей жизни, блевать на мифические законы и деревянные деньги, верни им их же гадость, мерзость и мертвечину, чистая грешница, летаргический ангел бездарной страны: Гелка вышла из ванной мокрая и бледная, синева под глазами просвечивала еще больше, тушь потекла. Гелка прохрипела: «Тошнит, Андрюшка, опять икру метала».

* * *

Богодухновенное твое пробуждение, возвращение из ночных вольных странствий – скорей, скорей, сквозь молочное утро, протри запотевшее окно: мальчик спит, вот-вот проснется. Призраки давно покинули комнату, солнечные шары взрываются в зеркалах, начинается кухонная какофония: свистящий чайник, перемеливающиеся кофейные зерна, звон чашек и ложек, жирное шипение яичницы с беконом. Денис по-воровски быстро прошмыгнул в ванную, потому что его член был еще в напряжении, как это часто бывает у подростков при утреннем пробуждении. В ванной он поиграл своим хозяйством, встал под горячий душ, намылил голову ромашковым шампунем. Мать постучала в дверь: «Чистюля, в школу не опоздай. Я на работу. Завтрак на столе...» Денис смотрел на зыбкое отражение в запотевшем зеркале – и там, за амальгамой стекла, тысячи радужных лососей брачно играли в мраморных каналах, юноши в туниках бежали по площади,

вздрагивали пинии в теплых ветрах, и смуглая девочка в повязке продавала виноград из корзины. Мышцы перекачивались в падающих тяжелых каплях. Пахнуло морской зеленью, загудели раковины, жемчуг покатился по каменному полу, и Денис чувствовал, как всполохи золотого и синего огня окружают его тело. Он глубоко вдохнул эту свежесть и увидел, как грубые паруса напряглись в потоках мощного ветра. Над палубой кружили чайки, негры стучали в барабаны, арапчонок танцевал на травяном ковре, подпрыгивая и сверкая пятками. Два лиловых негра внесли на скрещенных руках старика с иссохшими ногами и посадили его в плетеное кресло. На деревянной скамье у борта бритоголовый мужчина растирал юношу укропным маслом. Голый Денис прошлепал на кухню, оставляя мокрые следы на линолеуме (присутствующий призрак Андрея Владимировича не очень удивился бы, если бы его ученик вышел из ванной в ластах и маске, с морской звездой в руке и с тинной на выгоревшей челке). Нарцисс возвратился в комнату, обклеенную журнальными плакатами, надел зеленые слипы с вышитым сбоку оранжевым крокодилчиком и посмотрелся в зеркало – юношеский бугорок смотрелся очень аппетитно. Школьные брюки были немного узки, но они подчеркивали выделяющиеся ягодички. Денис быстро оделся и с потертым кожаным портфелем резво выскочил на шуршащую осеннюю улицу, поздоровался с местным придурковатым почтальоном, купил жвачку в ларьке и запрыгнул в звенящий трамвай...

Даже с неглубокого похмелья мне всегда было страшно братья за руль, и в этот судьбоносный день я решил не мучить саранчиху. Мертвенно бледная Гелка все еще изволила поживать, и я оставил ей записку: «Доброе утро, котенок! Надеюсь, выучила роль. Будь готова как пионерка. Любящий муж».

Утренняя сигарета показалась тошнотворной. В легком похмельном страхе я боялся перейти через дорогу, шарахался от прохожих, а несколько остановок в битком набитом троллейбусе показались вечными. Лица сограждан – тусклые и скучные, слишком

скучные. Люди перестали улыбаться. Экспериментальные граждане экспериментальной страны говорили об очередном повышении цен, замораживании банковских счетов и еще о каком-то замораживании... О, положите побольше льда в мой портфель, приложите снег к горячему лбу, к моим покрасневшим от стыда щекам. От стыда за ту старуху с дрожащими руками, у которой дома нечего украсть, кроме трудовых грамот. Стыдно за державу, за измотанных женщин и не по возрасту серьезных детей... Доколе, Господи? Не хочу и не могу смотреть на это. Денис, я увезу тебя отсюда, увезу на своей разболтанной «Яве» к нашим созвездиям, к нашим опалам, хочу спасти тебя от еще больших извращенцев... Красная рожа с кокардой склоняется над моей взмыленной постелью: «Пиздец тебе, петух гамбургский! Устроим тебе красную свадьбу».

Как обложку новой захватывающей книги я раскрыл сегодня прозрачную школьную дверь и превратился в скромного рассеянного учителя. Тот мальчик, освещавший сцену на школьном вечере, прошел мимо меня по коридору... Потертый портфель. Выгоревшая челка. Белые носки. Старенькие кеды. Я мысленно приказал ему оглянуться – Денис обернулся! О мои выдающие привычки, моторное подсознание – я подмигнул ему! Мальчишка как-то замешкался и улыбнулся. Представляю себе свое гейистическое подмигивание – тут и кошке было бы понятно, что парень что-то слишком загадочный. Я почувствовал, что начинаю краснеть, быстро прошел в учительскую, взял вспотевшими руками классный журнал и мысленно воспроизвел мизансцену... Голубое отродье, веселый мой бесенок, доколе будешь искушать меня?

Алиса была сегодня в веселом траурном платье, благоухавшем нафталином и духами «Красная Москва», тяжелая металлическая брошь с кельтским орнаментом смыкала необъятные груди. Я представил сову раздетой и едва сдержал смех – вот идет она грузная, прихрамывающая, в розовых панталонах по школьному коридору, сверкает очками. Глядя на нее, я иногда вспоминал глупую

старуху Крупскую в пионерском галстуке и с ворохом, как она выражалась, «ребячьих» писем. Но я низко кланяюсь ленинской супруге за один только параграф в «Правилах поведения пионеров» двадцатых годов: «...Пионер всегда готов. Пионеры не держат руки в карманах, потому что держащий руки в карманах не всегда готов». Я долго размышлял над этим маразматическим пассажем и нашел его весьма интересным с точки зрения людей моего типа.

Уроки пролетели быстро, расплавились в горячем металле школьных звонков. Дети разбежались солнечными зайчиками. Интересно, какой штрих в их судьбе оставит этот странный учитель? Да и имею ли я право пасти этих ушастиков со своим разрушенным восприятием, выгребной ямой жуткого подсознания? Надо ли говорить, что я не представитель чистого разума Вселенной и закатился в школьный зверинец слепым бильярдным шаром? В коллективе я чувствовал свое «эго» экзотическим вирусом с разрушительной программой, и каждое скрижальное изречение Андрея Найтова приправлено тонкими ядами адских лабораторий. Призрак дикого мальчика шел за мной по пятам, и ангел-хранитель возревновал к нему. Не идолам ли служу? Не иду ли в огонь? Жарко.

Сову я выловил в гардеробе. Она сделала вид, что уже собирается уходить, и стала путаться со своим каракулевым пальто. Я подскочил как ловкий швейцар и помог ей облачиться.

Шли мы медленно, в суровом молчании. Я вспотел от внутреннего напряжения, точно тащил на буксире крейсер с пробоиной. Рыжий чертенок шептал мне в ухо: «И не стыдно вам, Андрей Владимирович, разыгрывать пожилых женщин?..» «Подождите, я устала, у меня венозные ноги, давайте присядем в сквере,» – взмолилась Алиса таким растерянным голосом, точно убийца вел ее в западню и жертва пыталась протянуть время. Я стряхнул со скамейки сухие листья. Сова тяжело отдышалась и положила под язык таблетку валидола: «Сейчас переведу дыхание. Голова кружится. Этот восьмой класс, знаете ли... И сердце сегодня схватило». Я взглянул на часы и понял, что Гелка давно уже бесится,

если только, не дай Бог, не проверила содержимое холодильника и не нашла эстафетную бутылку...

Кое-как, на третьей скорости мы доплелись до бункера, выйдя живыми из троллейбусной давки. Волнуясь, я позвонил в дверь. Рыжая актриса долго не открывала, я нервно искал в карманах куртки ключи, Алиса заметно недоумевала и осторожно спросила: «Разве вы живете не один, Андрей?» Тут я торжественно приклеил ей на лоб свой фальшивый козырь: «Сейчас я познакомлю вас со своей будущей женой! У меня фантастическая жена!» На лице Алисы читалось крайнее удивление и любопытство. Она поправила очки и приосанилась. Вдруг щелкнули замки, зазвенела цепочка и показалась испуганная мордочка рыжей хулиганки: «Привет!»

В гостиной еще витал провокационный дух вчерашних возлияний, но, слава Богу, Гелка догадалась убрать со стола (представляю, скольких сил ей это стоило). Только когда мы расселись в молчании в разных углах комнаты, я понял всю абсурдность и фальшь ситуации – сошлись на моей территории трое по-своему несчастных, скорее всего, психически нездоровых людей, да и к тому же экстремально одиноких. Кому, что нужно было доказывать? К чему все это?

Гелка пыталась разрядить молчание, поджала накрашенные губки и кротко, как овечка, спросила:

– Ну как прошел сегодня день, дорогой?

У меня волосы встали дыбом от такого выпада, но я равнодушно ответил:

– Ну как тебе сказать? Новая тема, конечно, очень трудная, деепричастия для шестиклассников сложная тема. Но я... люблю детей. Ты знаешь, как я люблю детей...

– И я люблю детей! – радостно заявила Гелка. – Кстати, забыла тебе сказать... У нас будет ребенок! Славно, правда?

Меня прошиб холодный пот. Я понял, что рыжая дура поддала и нарочно издевается. Сова моргала и не могла понять – то ли ее разыгрывают, то ли она попала в общество двух полных и законченных идиотов. У меня запрыгало сердце, а Гелка продолжала:

– Ты кого хочешь, мальчика или девочку? Или, хи-хи-хи, пингвинчика или чебурашку? А?

Мне ничего не оставалось делать как отвечать на дурацкие вопросы. Я старался сдержать дрожь в голосе:

– Конечно, девочку. Зачем нам в доме мальчишки? – сказал я сквозь зубы и понял, что сморозил глупость. Гелка расхохоталась:

– Ой, какие мы агрессивные! А я рожу тебе, Андрюшка, богатыря! Кстати, может быть, чаю выпить? Бабушка любит чай? А?

Сова побледнела и сурово отрезала:

– Я не бабушка. Я заслуженная учительницы России.

Гелка сделала вид, что не расслышала этой фразы, и стала вести себя еще более отстегнуто:

– Да что уж этот мутный чай пить? Пусть пьют его китайцы, да? Давайте-ка хлопнем чего-нибудь покрепче, а? Выпьемте, добрая старушка...

Я недооценил степень опьянения Гелки. Моя рыжая была решительно пьяна, пьяна в жопу. Это был полный провал. Гелка убежала на кухню и вернулась с бомбой армянского коньяка:

– Что ты так смотришь на меня, Андрюша, блядь? Что, опять я не права? Что, я не могу выпить по-настоящему? Это занятие мне искренне нравится. Единственно достойное занятие в эпоху всеобщего национального невроза. Я опять не права, да? Выпей со мной, дурак, лучше будет! И бабушка выпьет с нами рюмочку, правда?

К моему глубокому удивлению, Алиса как будто получала удовольствие от мерзкого фарса: она смотрела на меня с видом победительницы, точно говорила: «Я всегда знала, что вы клоун. Посмотрим, что будет дальше, сударь...» Она изобразила улыбку и менторским тоном обратилась к рыжей:

– Почему бы и не выпить рюмочку в хорошей компании, милочка: Но как же ваш будущий ребенок?

В ответ Гелка оседлала своего черта:

– А я хочу родить дебила, кретина, гермафродита, продолжая традиции русского генофонда. По крайней мере, он будет счастлив в стране дураков! Маленькие ласковые дауны, ручные плюшевые зверьки, детоньки мои! Не выскабливайте зародышей, непутевые мамы, достойному правительству оставьте на попечение своих достойных детишек: Бр-р-р:

Я ничего не мог поделать, это говорило вино. Вино, столь долго молчавшее в тесных дубовых бочках и наконец выпущенное на свободу. Солнечный дикий виноград был вплетен в рыжие волосы дьяволицы, и Гелка продолжала беситься на своем медленном огне. Она всегда отличалась яркими импровизациями. Мне хотелось провалиться на месте, но, стараясь казаться невозмутимым, я хлопнул стопку и закусил долькой лимона:

– Нам надо посекретничать, ты немного отдохни, Гелла.

Я развязно взял Сову под локоть, и два педагога переместились в спальню. Лицо Алисы в свете синего абажура казалось опухшим и мертвым, она глотала воздух, как рыба, выброшенная на песок, но смотрела на меня насмешливо, с язвительным прищуром.

– У вас действительно фантастическая жена, Андрей. Трудно вам с ней будет... Эти современные девушки...

Она не закончила фразу и стала испуганно вертеть головой по сторонам.

– Ну и что? Кто из вас первым вступил в дерьмо? Почему так разит дерьмом от всех? Я даже душ принимать брезгую в этом доме. Вы видите, бабуля, что мой муж – обыкновенный педераст. Пе-де-раст! Самой высокой марки. Смердненький, но ужасно милый грешник. Мне кажется, он меня уже заразил СПИДом... Но я все равно его люблю. Люблю безумно голубую сволочь...

Алиса спросила:

– Это правда, Андрей?

– Это... это... похоже на правду, дорогая Алиса Матвеевна. Это было бы правдой...

Сдаваться надо было красиво, но Гелка вдруг бросилась целовать меня, повалила на кровать, так рванула мою шелковую рубашку, что пуговицы полетели во все стороны. Я в ярости оттолкнул агрессивную дуру – она как-то безвольно упала с кровати, как тряпичная кукла, опрокинув торшер и туалетный столик: Мой мир, мирок рушился на глазах, по комнате прыгали бесы, и, пока она не позвала на представление самого хозяина тьмы, я вновь попытался овладеть ситуацией, только чего уж там! Алиса была в шоке. Гелка притихла в углу, обняв колени. Только сейчас я заметил, что она одела мои старые джинсы с разорванными коленками. Где-то наверху бренчало пианино. Стравинский. «Весна священная». Поистине разрушительные ритмы любимого балета, и очень кстати. Я связал концы рубашки крепким узлом, неторопливо закурил и произнес чужим, изломанным голосом:

– Еще раз извините за малохудожественный спектакль, Алиса Матвеевна. Уже темно, я вызову вам такси.

– Будьте так любезны, Андрей Владимирович. Вы будете в школе в понедельник?

Я почему-то пожал плечами.

Такси приехало на удивление быстро. Алиса брезгливо отказалась от моих денег. Дверь машины хлопнула так, что екнуло сердце. Я чувствовал себя опустошенным, выжатым как лимон. Рубашка прилипла ко взмокшей спине. В спальне рыжая опять присосалась к бутылке – провинившаяся кошка, исчадие ада, чудовище...

– Ты чудовище, Гелка. Ты просто огромное рыжее чудовище. Скотобаза.

– Прости, я, кажется, перегнула палку:

Я хлебнул коньяку. А что, собственно, произошло? Ничего не свойственного нам как людям случиться не может: Подумаешь, маленький бардак в большом бардаке. Ну не буду я работать в школе – Бог с ними, с копейками. А не посадят ли меня в тюрьму? За что? Я не насильник. Сплетни? Хуй с ними, я и так уже оброс легендами.

Я откупорил другую бутылку и налил себе полный стакан:

– Питие. Бытие. Забытие. Твое здоровье, гаденыш: Тебе плеснуть в лампадку?

Мы крепко, красочно напились. Гелка с рассеченной губой и в моих сексуальных штанах была похожа на мальчика и даже показалась мне привлекательной. Я и сам разделся до плавок и врубил музыку. Мы стали прыгать по комнате. Рыжая нашла где-то вибратор, приставляла его к чреслам и кричала: «Я тебя трахну!..» Мы так резво разыгрались, что решили не открывать дверь, когда раздался настойчивый звонок. Наверное, соседей оглушили музыкой: Гелка помахала вибратором: «Да, таким хуем хорошо глушить соседей. И чертей». Но звонок не унимался, звенел в воспаленной голове, слабый ток пропускали по нервам, брызгали расплавленным металлом, тысячи детей жевали толченное стекло. Звонок не унимался...

Я быстро накинул халат, нетвердой походкой подошел к двери и резко отворил ее... Неприятливая, растерянная и породистая морда ночного визитера. Секундное молчание. Оживление:

– Я... Я таксист...

– Очень приятно, а я как будто учитель. Действительно, от вас разит бензином. Я очень сожалею, но мы не заказывали такси...

Гелка за моей спиной крикнула: «Мы катер вызывали!»

– Слушай, командир, мне не до шуток, – отрезал таксист, – вам, я вижу, весело, но что с бабулей-то делать?

У таксиста руки ходили ходуном. Я никак не мог трезво оценить ситуацию, но последующая его реплика оказалась нокаутирующей:

– Довез ее исправно за полтинник, понимаешь, а она из машины не выходит... Глянул в зеркало – голова набок у бабули. Вот дело-то какое: Думал в больницу гнать, а у ней уж и руки холодные. Чего делать-то, командир?

Сначала это было как серпом по яйцам, но постепенно мой шок стал приобретать оттенок ликования. Я кристально протрезвел во мгновение ока, быстро запрыгнул в джинсы, набросил кожанку. Мы

выбежали к машине. Модернизированный гроб «Газ-24» дразнился мигающими катафотами, блестел черным лаком, луна гуляла по ветровому стеклу. Грузное тело Алисы мертвело на заднем сиденье – я открыл дверь и замерев долго смотрел на римский величественный профиль мертвой учительницы: она крепко сжимала на коленях дамскую сумочку, лицо ее было совсем чужим, подбородок со старческими волосками отвис, а стеклянные глаза все еще смотрели на щелкающий счетчик. Разило мочой. Мертвое тело в ночной машине. Какой ужас. Она приехала ко мне обратно, побежденная собственной победой, моя дорогая Алиса Матвеевна... Растерянный толстозадый таксист ходил вокруг машины и причитал: «Во угораздило! Как чувствовал сегодня, не хотел выезжать в ночную смену. Чего делать-то, командир? Забери ее, а?» Я попытался мрачно поиграть: «Куда я ее заберу? Она мне не родственница, но ваша пассажирка. Умерла на вашей территории, вот и везите куда хотите», но тут же похлопал ошарашенного водилу по плечу и ободрил: «Ничего, шеф, сейчас разберемся... Садись за баранку, дуем к ближайшей больнице, это их работа и милиции – надо подтвердить факт смерти, опознать тело, составить протокол, сделать экспертизу, обмыть, одеть и все такое прочее. За издержки заплачу».

Алиса совершала последнее путешествие по родному городу. Моросил мелкий дождик. Сладко горели фонари. Мы делали своего рода круг почета – проехали мимо школы, потом по мосту. Шины шуршали по заваленной листьями аллее, лодка Харона ныряла в старинные булыжные переулки, качалась на волнах работающего радиоприемника, где депутатик рассуждал о растущей инфляции. Таксист покачал головой и спокойно, по-хозяйски отреагировал: «Да, растут цены, командир. Вот бензин подорожает, совсем без работы останемся...»

Миновав бесконечную серую стену военного госпиталя, мы проехали сквозь ржавые ворота городской больницы, где мне предстояло пройти вместе с душой провинциальной учительницы серию изощренных мытарств и привычных унижений. Дежурный

санитар развел руками, вышел посмотреть на тело, точно я возил по городу восковую скульптуру из музея мадам Тюссо и всем показывал ее за деньги. Выбежали две мокрые курицы в белых халатах, с болезненным любопытством глазели то на меня, то на труп, явно подозревая меня в убийстве. Воскрес какой-то заспанный доктор и поразил фразой: «Мы имеем дело с живым материалом, а мертвым материалом занимается милиция. В любом случае, вам придется везти ее в другое место, наш морг переполнен...» Милиция приехала через час, два лейтенанта грубо затолкали нас в больничную приемную для составления протокола. За перегородкой раздавался настойчивый бас, точно голос диктора за кадром кошмарного сна: «Я же сказал, что у меня даже ключей от морга нет...» Прояснив ситуацию, менты заставили нас же перенести тело в их воронок на невесть откуда взявшемся сыром брезенте, хлопнули дверцей и умчались в неизвестном направлении.

Повеселевший таксист подбросил меня до дома, где забылась в своих тревожных сновидениях моя Гелка, где сквозь шторы уже брезжило невыносимое похмельное утро. Рыжая спала прямо на полу. Я осторожно перенес ее на кровать, укрыл пледом, заглотал остатки коньяка и в смертельной усталости рухнул рядом.

Мне снилось очередное светопреставление: наша широкая кровать стоит посредине городской площади, мы невозмутимо, как сторонние зрители, смотрим в военное ночное небо, где взрываются самолеты, перекрещиваются пучки прожекторов и висят меланхолические иллюминированные дирижабли. Горят здания, люди бегут в укрытия, но посреди всей паники на площадных подмостках красивый юноша в белой рубашке поет святотатственную песню, начинающуюся фразой: «Иисус Христос, помолись на меня...» Хор мальчиков подхватывает рефрен: «Иисус Христос, помолись на него...» Я помню даже бравурную, дьявольски зажигательную мелодию. В другом эпизоде я нахожу в школьном кабинете зоологии заспиртованную в банке голову Алисы, пытаюсь прочитать латинскую табличку, но тут в кабинет заходит

привлекательный подросток и с безумной страстью начинает целовать меня и хватать за член. Я разрываю его школьные брюки. Мальчишка ложится на парту, закидывает ноги в белых носках на мои плечи и стонет, закусив до крови нижнюю губу. Я отдал бы все богатства Индии за звезды и стоны, за пульсирующую у виска голубую жилку и воробьиное сердцебиение. Ты моя смерть и жизнь. Опалы. Аметисты.

Сумасшедший алхимик Андрей Найтов вырастил в пробирке нужного человечка, гомункул уже умеет говорить и смеяться – попробуйте сказать, что я не имею права на свое создание! Он вышел из пекла моих одиноких ночей, моих звездных войн. А может быть, мне привезли его в подарок из морского путешествия, подарили как дикого зверька, который ненароком потерялся в ночных огнях большого города? Я ищу его. У него выгоревшая челка, шрам на месте аппендикса в семь швов, родинка на левом плече. У него флейта в потертом портфеле и упаковка презервативов. (Нет, презервативы у меня в верхнем кармане куртки вместе с заграничным паспортом и снотворными таблетками «Родедорм». Вон он в цветном развевающемся шарфике прокатил на роликах, вон он стоит на трамплине за прозрачной стеной зимнего бассейна, вон он в костюме Пьеро улетает в весеннее небо со связкой ярких шаров, и мокрая акварель брызжет мне в лицо.) Если бы ты был только вымыслом, только романтическим героем в типических обстоятельствах! Но ты спокойно и свободно существуешь рядом, дразнишься веснушками, играешь в компьютерные игры, облизываешь подтаявшее мороженое и тайком листаешь порнографические журналы, растрачивая терпкое семя, живую росу наших созвездий.

:Пробуждение было тяжким. Я долго не мог отыскать дверь или хотя бы старую калитку в этот мир. Мир не впускал меня, как хозяин не впускает в дом непрошеного подозрительного гостя, ибо всякий проходящий незнакомец должен знать условный пароль. Я забыл свой пароль, но это имя появится позже, и имя это – Денис. Альфа и

Омега. Начало и конец. Разбудил меня ангел-хранитель, и «ото сна восстав, благодарю Тебя, Господи...» Первое, что я увидел – свежие, обалденные белые розы на письменном столе, коробка шоколадных конфет «Черная магия» и бутылка «Советского» шампанского. В комнату вошла розовая Гелка и поцеловала меня в пересохшие губы: «Немного подкрепиться? Как тебе мой натюрморт?» Глядя на запотевшую бомбу ледяного шампанского, я чувствовал себя рыбой на горячем песке. Не произнося ни слова, я идиотски улыбался, показывая пальцем на бутылку, и издавал странные звуки. Гелка откупоривала бутылку целую вечность и явно дразнила разбитого, побежденного и безвольного писателя. Наконец стрельнула пробка, и полный богемский бокал, покачиваясь, поплыл к жаждущему человеку, потерявшемуся в суровых пустынях бытия. Наверное, так безумный весенний соловей полощет горло звуками от полноты рассветного счастья, как я выпивал виноградную влагу, полную солнца, дождя, свежей зелени, мальчишеских улыбок, танцующих звезд, южных ночей, жемчужин и музыки. Искристая терпкость вдохновенья разливалась по теплым венам, в голове потихоньку зажигались огоньки, и я вдруг понял, что прошлого не существует! Это было, но прошло как прошлогодний снег. Не было моих надуманных фобий, не было никакого мертвого тела в ночном такси, все это осталось в дневнике провинциального посредственного актера, который давно уже умер от передозировки, не оставив следа даже в кратких газетных рецензиях. Только старый театральный гардеробщик и вспоминает его, потому что имел слабость быть любовником покойного...

Нетрудно догадаться, что Гелка побежала и за второй, и за третьей бутылкой, пока в моем бумажнике не осталась жалкая мелочь, которой хватило бы только на льготный билет в ад для Андрея Найтова и его карнавальной спутницы. Пусть это звучит оскорбительно, но мы устроили настоящие танцы на гробу Алисы, которая только вчера предвкушала скандал вокруг моего честнейшего имени, а сегодня лежит где-нибудь голая на грязном

кафеле битком набитого морга. Тело наверняка уже окостенело, руки на груди связаны веревочкой, кровоточит грубый шов во весь живот, лицо накрыто тряпкой, бирка на щиколотке, а рядом резиновые перчатки и длинный кривой нож. Протокол вскрытия под синей лампой испещрен безумным, летящим в небытие почерком: «Покойник – учительница. Земной возраст неизвестен. Созвездие, видимо, Скорпион. На груди крестик из желтого металла. Облупившийся красный лак на ногтях. Вскрытие произведено в октябрьскую ночь, при полной луне, в присутствии невидимых свидетелей четвертой фазы Сириуса. Видимо, слетелись птеродактили (было слышно хлопанье крыльев). За окном шумело море. Покойная периодически издавала глубокие сиплые вздохи и пыталась согнуть в колене правую ногу. Внутренние органы – без видимой патологии, но крупная фиолетовая жемчужина найдена в сердце (запечатана в футляр и отправлена Великому Ювелиру). В левом полушарии мозга найден радиопередатчик размером с ячменное зерно, настроенный на волну КГБ 1974 года. Профессиональная высокохудожественная татуировка на правой ягодице: профиль педагога Макаренко (см. фото). Матка деформирована, в ней найден мертвый зародыш песчаной зеленой ящерицы, занесенной в Красную Книгу СССР в 1992 году. Вскрытие осуществлялось в сопровождении скрипки и австралийского диджериду. Писать трудно, потому что кто-то постоянно стучит в дверь и смеется: Друзья мои, друзья мои, времени осталось столь мало, что вы не поверили бы, если бы кто открыл вам сроки. Уходите в горы. Красный арлекин...» Я представил, как бледный патологоанатом целует Алису в холодные губы и стрекочет ей в ухо что-то жутко гениальное на дельфиньем языке. Хичкоковские ужасы пульсировали и разрастались, пока я не погасил этот пожар стаканом смирновской водки. Водку мне хотелось пить именно из граненого стакана, залпом, безо льда и закуски. Полуживая Гелка сидела в кресле, ее губы и щеки были вымазаны шоколадом. Разве она виновата, что коммунисты делят приватизированную собственность,

депутатики делят заграничные командировки, а президент любит играть в теннис? Я никогда не интересовался свинской политикой и ее творцами, но тонко чувствовал вибрацию времени, особенно, когда приезжал из сонной провинции в мегаполис Москвы, уже замутненной черной энергией митингов. Вся эта тяжесть оседала в подземных переходах, в засоренном эфире болела голова. Лица москвичей закрыты, глаза зашторены, о великой эпохе напоминали только станции лучшего в мире метро. Где вы, москвичи? Где Москва моего детства, где мои воздушные шары, бескозырка и мороженое «Бородино»? Почему люди больше не улыбаются? Почему живописные столичные дворики так захламлены и пустынные? Почему разрушается даже камень исторических особнячков? Миллионы невидимых упырей в смертельной тоске слоняются по улицам, сидят на скамейках Александровского сада, иногда присасываясь к гражданам для энергетической подпитки. Идет борьба уже не человеческих, но вселенских сил, и, чтобы не сойти с ума от составляющих мифологемы «Ад», русские люди выпивают астрономическое количество алкоголя. Кто знает, может быть, водка иногда и спасала Россию – аллилуйя чистой как слеза, как поцелуй на морозе бутылке! Может быть, уберегла, хотя бы от подлости... Однажды июньским полднем я увидел, как бабочка-капустница села на сверкающий штык часового у дверей ленинского мавзолея. Это был добрый знак.

Москва была городом моей третьей великой любви. Я, чистый провинциальный юноша, приезжал на семинары литературного института, внимал своему мэтру, поэту Юрию Левитанскому, который и представить не мог, что через два часа я буду целоваться в знаменитом сквере литинститута с милым стройным панком Бертиком, поглаживая его колючий оранжевый ирокез. Бертику было шестнадцать, он чем-то был похож на врубелевского Демона. Свою гомосексуальность он старался держать в тайне, иначе грубые панки исторгли бы моего зайчика из своей среды. Я до сих пор не понимаю, зачем он панковал – видимо, его сверхчувствительность,

нежность и подростковая гиперсексуальность нуждалась в такой защитной мимикрии. Я не могу вспоминать без улыбки наши первые, неопытные любовные игры: Бертик долго не соглашался на пассивную роль – не то чтобы он не хотел этого, но в таком возрасте особенно находишься во власти комплексов и ветхой морали с генетическими родовыми запретами. Вы и сами знаете, наши мальчики в первый раз всегда колеблются, краснеют как девочки. Я терпеливо ждал и не требовал «этого» от моего принца. Наконец вулкан проснулся после вечеринки с вином и травкой в одном подмосковном гнездышке... Как талантливо он отдавал себя! Ему было больно. Какие стройные, мускулистые и загорелые ноги бились в экстазе! Так работает пловец на длинной дистанции: кроль, брасс, баттерфляй, опять кроль... Терпкий пот, взмыленная постель, играющие бедра и мускулы. Бертик был ненасытен, и я трахнул его шесть раз в ту ночь. Бледные, изможденные, с кругами под глазами, но безнадежно влюбленные и счастливые, мы отпраздновали на следующий день нашу брачную ночь в ресторане «Арагви» (накануне я как раз получил денежную премию журнала «Юность» за лучшую поэтическую публикацию того года). Выйдя из кабака, мы надули презервативы и шагали взявшись за руки с этими фаллическими воздушными шарами по ночному Арбату, декламируя лозунг «Свободу сексуальным меньшинствам!» К счастью, нам никто не набил морду. Я думаю, что в нашей экспериментальной стране это была первая незарегистрированная демонстрация гомосексуалистов. Где ты теперь, мой Бертик? Кто целует тебя? Сейчас я еще немного выпью и достану из верхнего ящика стола твою фотографию, присланную из Израиля, куда ты уехал с лысым папашей-ювелиром и ушастой предпубертатной сестрой в общенациональной панике, попутно уклоняясь от военной службы в советской армии. Коротко на обороте: «Привет с обетованной земли. Люблю.» Горячие и скупые слезы я глотал вместе с водкой. Гелка выхватила фото из моих рук и заметила: «Вот это глазищи! Какой милый звереныш...»

Меня колотил нервный озноб, и эмоциональные потери последних безумных дней обернулись столетней усталостью. Я вступал в полосу отчуждения, и, чтобы снять остатки ненужного опьянения, принял ванну с минеральной солью. В этот вечер я даже забыл накормить любимого Мура. Спешу отчитаться в очередном ночном кошмаре: в комнату входят два санитар с пустыми носилками и говорят: «Идите и забирайте ее».

Ранним утром я напоил своего апокалипсического коня бензином и, рассеивая туман желтой фарой, помчался по просыпающемуся городу. Тонкий лед на лужах хрустит под протекторами шин. Смолистая терпкая осень превращается в янтарь, ночные арлекины и клоуны покинули город, оставив конфетные бумажки и серпантин на тротуарах, на ветровых стеклах припаркованных автомобилей застыл яичный желток, точно накануне прошумела вальпургиева ночь Хэллуина – действительно, иначе как разгулом темных сил не назовешь события последних суток. Я смотрю на часы и поддаю газу. Мой мускулистый кузнечик резво разогревается, ныряет узкими улочками, лавируя в непроходимом траффике. Я люблю утренний город, когда моют витрины, раскрывают магазины, когда от скандальных газет еще пахнет свежей типографской краской. В моем похмельном сознании цветочный ларек похож сегодня на свежую могилу в венках; мясник развешивает освеженные туши за стеклом гастронома, и мне кажется, что сейчас он подвесит рядом с забитым ягненком тело Алисы Матвеевны с обрубленными конечностями; в каждом встречном такси мне мерещится алая пивная рожа знакомого водителя... Я давно заметил, что люди одинаковых профессий всегда бывают чем-то похожи друг на друга. Вот мясники, к примеру, всегда розовощеки.

Черным вороном лечу я в свой заповедник с известием о скоропостижной, странной смерти старейшего заслуженного педагога. Наверное, я давно уже должен был оповестить об этом коллег хотя бы по телефону, но в продолжении алкогольной

эстафеты ни о каких мотивированных действиях не могло быть и речи.

В учительской за две минуты до звонка я застал трагикомическую компанию щебечущих учителей: мумифицированная тощая историчка с просвечивающим сквозь ржавые волосы черепом (череп ее тоже, в некотором роде, был уникальным – такие деформированные горшки с вытянутой затылочной областью встречались у жрецов древней цивилизации инков), необъятная цветущая математическая матрона близоруко склонилась над классным журналом, и ее водянистое тело приняло очертание стула, на котором она странным образом уместалась; молодой преподаватель английского Костик, одетый как лондонский денди, вслух осуждал какого-то мелкого пакостника, пририсовавшего усы к портрету Ельцина, портрет был тут же продемонстрирован. Здесь же находилась преподавательница этики и психологии семейной жизни – вертлявая болтливая обезьянка, заядлая курильщица с капитальной штукатуркой макияжа на увядающем лице, семейная жизнь которой, по слухам, сама по себе была сплошной этикой и психологией. Слава Богу, тут же был директор Карен Самуилович, происхождением, видимо, из кавказских евреев и, по определениям наших глупых наседок, – «импозантный и очень представительный мужчина» с вывалившимся наружу животом и циррозной печенью. Он дружески похлопал меня по плечу, осведомившись о моем настроении, но, не дождавшись ответа, посмотрел на часы и озабоченно пробормотал: «Что-то нет пунктуальной Алисы, у нее сочинение в девятом...»

Тут прозвенел пронзительный звонок, но я нарочно встал у двери, собрался с духом и произнес глухим голосом: «Друзья мои, я должен сообщить вам, что вчера вечером умерла Алиса Матвеевна Калинкина. Вот...» Напряженное молчание. Кто-то вскрикнул. За окном щебетали птицы, где-то вдалеке прозвенел трамвай. Этот момент был не лишен некоторой торжественности. Когда дикторы вещают о смерти выдающихся людей или государственных деятелей,

их поставленный голос вдруг начинает фальшивить – фальшивая глубина, почти актерский трагизм. Даже скорбящие изваяния ангелов на отеческих надгробьях в некрополе чаще всего закрывают лицо ладонями, чтобы посторонние не увидели лукавую улыбку или усмешку, или просто печать равнодушия. Ну уж мой-то ангел спрячет лицо просто от жгучего стыда и полной беспомощности перед бездарным фарсом, который назывался личной жизнью Андрея Найтова. Меня знобит сейчас от этой мысли – арлекин, видимо, уже пьет шампанское на том месте, где будет зарыт мой бутафорский ящик. Да вы только представьте сейчас, что уже где-то растет дерево, из которого будет сколочен ваш гроб! Смерть надевает маски, играет с нами на расстоянии вытянутой руки и смотрит глазами любимых людей. Какие фотографии памяти я буду лихорадочно сжигать в ослепительных вспышках угасающего сознания? Вот одна из любимых. На даче Рафика ты сидишь на ступеньках разохшейся деревянной лестницы, ведущей от пристани на горку – к полуразрушенному храму. Отцветающий белый шиповник перекинулся через темные жерди перил. Вот подул ветер, и лепестки облетели на мокрые ступеньки (с тех пор это ощущение хрупкости, недолговечности и незащищенности мира не покидает меня). Ты смотришь вдаль, по Волге плывет пароходик, у самой воды несколько перевернутых лодок. Старенькие джинсы. Обветренные губы: А вот я, восьмилетний, бегу по откосу в бескозырке, с бумажным змеем. Стрекозы над вечерним прудом. Ласточки низко пред грозой. Кукла арлекина из разноцветных лоскутков в детской спальне.

Признаться, я ожидал большего эффекта от мрачного известия. Я не хочу подозревать сослуживцев в эмоциональной черствости, но не у всех сострадание получилось искренним, не у всех. Вначале это было нечто вроде всеобщей растерянности не перед самим фактом смерти конкретного человека, но перед величием смерти вообще, затем растерянность конкретизировалась и стала приобретать совиные очертания покойной. Я чувствовал, что ее одичавшая от

беспомощности душа металась рядом, недоумевая перед грубой фактурой материального мира. Невидимые небесные арлекины не подпускали ко мне вампирический сгусток того, кто был на этой земле Алисой Матвеевной. Я почти уверен, что и с того света она продолжала ставить мне мелкие капканы, читала вместе со мной мои глубоко личные письма, толкала под руку, мешала водить мотоцикл. Впоследствии я иногда чувствовал наплывы бледной немочи, энергетической опустошенности, ночами стала прокручиваться одна и та же кассета черно-белого сна из адской видеотеки, явно подброшенная старой совой – в этом сновидении она неизбежно побеждала моих арлекинов, сбрасывала их с лестниц, крутила в центрифуге ржавой стиральной машины, заспиртовывала в мутно-зеленых огромных бутылках, истыкивала иголками и булавками, вешала в сумерках на березах, толкала под черные автомобили с безумными красными фарами... Только какой вред можно причинить обыкновенным тряпичным куклам? Хозяин их бережно заштопает, подкрасит и опять положит в свой дорожный чемодан или подбросит в знакомый школьный портфель.

На экстренном совещании, устроенном директором, коллеги подвергли меня пристрастному допросу. Я выглядел уставшим, но внутреннее напряжение было на пределе. «Да, так оно и было. Знаете, двум литераторам есть о чем поговорить, поделиться опытом, тем более, у меня были некоторые вопросы по новому материалу, а вот тут как раз случай представился познакомиться поближе, подомашнему. Все было так славно: И вдруг: Так неожиданно: Вернулась ко мне через полчаса:» Специалистка по семейной жизни разрыдалась, размазала тушь вокруг воспаленных глаз. Карен резонно поинтересовался, где же сейчас тело Алисы: Костик рассмеялся, но тут же смутился и покраснел. Очередная маленькая нелепость, несуразица и неразбериха во всеобщем российском бардаке надвигалась на меня – я действительно не знал, где ее тело! Правда, долго искать не пришлось – дежурный одного из милицейских отделений ответил по телефону, что «действительно,

наша бригада отвезла тело неопознанной пожилой женщины позапрошлой ночью в анатомический театр военного госпиталя № 14». Боже мой, в какой еще театр? Почему неопознанной? Мы же какой-то протокол составляли!..

Мы прикатили в этот таинственный госпиталь на оранжевом школьном автобусе – я, Карен, Костик и математичка с золотыми зубами. Нам явно недоставало букетов и воздушных шаров по такому случаю. Дежурный в проходной требовал пропуск и после наших объяснений вызвал офицера, который оказался главным врачом. Этот рыжий бледный уродец начал демонстрировать свои военные замашки, грозил Карену забинтованным пальцем и лаял дискантом: «Профессор Павлинова уже ушла, а у меня ключей от патологического отделения нет. Приезжайте завтра утром: Кстати, пропуск выпишу только на одного – у нас военная зона». Господи, почему ни у кого нет ключей от моргов? Или в целях особой секретности этот рыжий вояка проглатывает заветный ключ каждый вечер, чтобы утром торжественно выудить его из накрытого маскировочной сеткой унитаза? Рыжий ветеринар нацарапал как курица лапой пропуск на мое имя: «Гражданину Найтову А. В. разрешен единовременный проход на территорию спецгоспиталя № 14 и в его патологоанатомическое отделение с целью опознания тела женского рода». Подпись. Треугольный штамп. Все как полагается, но я стал серьезно опасаться – вход разрешен, но разрешен ли выход из секретного зоопарка? Как знакомое «тело женского рода» попало сюда без такого пропуска?

Быстро темнело. Бильярдный шар полной луны был подвешен над старым госпиталем, на колючей проволоке искрился иней. Вся Россия похожа на необъятную спецзону с ледяными равнинами, вышками, бараками и поруганными храмами. Забытые железнодорожные станции мигают в глуши слепыми фонариками, пьяные стрелочники не переводят рельсы, только волки воют на луну, и везде слышно, как бьют часы Спасской башни московского Кремля. Странно, но кажется, что былое величие моей страны

заморожено только на время. Но какое сейчас безвременье, какой крепкий наркоз! Ностальгия моя. Лета. Летаргия. Россия.

Тень Алисы продолжала водить меня по мытарствам. После бессонной ночи я, забыв даже побриться, кое-как в утренней транспортной давке доехал до ее последнего приюта. Утром он уже не казался таким мрачным, и заиндевевшая колючая проволока над стенами блестела как новогодняя гирлянда. Красивый румяный лейтенантик, совсем еще мальчишка с нежным пушком над верхней губой, сопровождал меня по подземному переходу, стены которого были выкрашены красным. Парнишка шел впереди, и я любовался его стройной фигурой, легкой балетной походкой. Он даже грациозно покачивал бедрами. Странно. Разило гуталином, которым были начищены до зеркального блеска его яловые сапоги. С радостью продам идею для фотографа: стройный юноша в военной форме, но вместо тяжелых сапог – балетные пуанты! Мне нравятся мужчины в униформе. Военная форма вообще действует на меня как красная тряпка на быка. Один мой знакомый, Сашка, студент мединститута, использовал эту слабость Найтова, когда я стал заметно охладевать к нему – как-то летним вечером он завалился в мой бункер в парадной черной форме морского офицера. Чисто выбрит, сапоги скрипят, обтянутые стройные ножки, кожаный ремень. Массивная пряжка с якорем. Сашка любил мазохистские игры, и уже через несколько минут его задница краснела горячими отпечатками этих якорей. К слову сказать, этого симпатичного Сашку год назад зарезали в гостиничном номере в Ялте, куда он приехал развлекаться на каникулы. Я подозреваю, что он ошибся в выборе партнера. Деньги в его бумажнике были в целости и сохранности, как и золотой браслет на левом запястье. Убийцу не нашли.

Красный сюрреалистический коридор оказался бесконечным. На противопожарном щите висели огнетушители и какие-то адские крючья, горели синие лампы над множеством герметических дверей. Это пространство действительно было настоящей моделью ада. Наши шаги тревожно стучали в замкнутом подземелье, и с каждым

шагом тревога нарастала. Я спросил прекрасного спутника, будет ли когда-нибудь конец бредовому коридору и какой безумный архитектор запланировал такую преисподнюю. Он ответил, что это бомбоубежище и что в морг можно войти и с другого входа, но та часть здания сейчас ремонтируется. Коридор был также моделью того знаменитого тоннеля, свет в конце которого приветствует всех новоприбывших. Я представил, что Алиса может выйти сейчас ко мне навстречу в своем темном платье, скромно улыбаясь и лукаво грозя пальцем. Воистину «анатомический театр».

Пахло формалином, и этот сладкий дурманящий поток усиливался. Мы остановились перед обитой жестью дверью, за которой был слышен плеск воды. Мой вожатый нажал на кнопку звонка, и этот умопомрачительный звук наверняка разбудил всех покойников. Щелкнул замок, и в беспристрастном свете люминесцентных ламп нас встретила женщина неопределенного возраста с бесцветным лицом: халат забрызган ржавыми пятнами, седоватые волосы собраны в пучок на затылке. Глаза мышиные и бегающие. Она держала кривой карцанг с зажатым тампоном и так пристально посмотрела мне в глаза, что стало как-то не по себе. Лейтенант разрядил паузу: «Познакомьтесь, это профессор Павлинова-Ширман. Вы, Изольда Моисеевна, покажите товарищу неопознанную:» Тела пухли на цинковых столах, прикрытые клеенками. Здесь же суежилась молодая ассистентка, обмывающая из резинового шланга тело бородатого мужчины – вода с кровью и сбритыми волосами стекала почему-то не напрямую в канализацию, а в подставленный под стол пластмассовый зеленый таз. У трупа был рваный шов во весь живот и синяки на лице. На подоконнике лежали пироги и бутерброды с колбасой. Меня замутило. Ассистентка дебилно улыбалась и делала свою работу с каким-то патологическим удовольствием, а бесцветная моль: как ее: Бромбель, Шуман-Павлинова или: Ширман-Скорпионова торжественно откинула одну из клеенок. Это была Алиса. Странно помолодевшая, прозрачная, ненастоящая. Профессор Ширман сухо произнесла: «Забирайте ее

быстрее, у нас своих хватает. Одевать сами будете?» Я в недоумении посмотрел на нее, потом на лейтенанта, но тот опустил глаза и вышел в коридор. Я понял, что за дополнительные услуги нужно платить, и твердо заявил: «Я заплачу сколько потребуется. И даже больше:» Павлинова заметно повеселела и стала бодро рекламировать возможный сервис: «Заморозить? Цинковый раствор в вены? Обтереть спиртом? Одеть-обуть? Полную обработку будем делать?» «Да-да, самую полную, пожалуйста, все, что вы можете,» – пробормотал я и, пятась к выходу, запнулся о ржавое ведро с какой-то мутью. Вся липкая мерзость разлилась по кафелю, специфически благоухая. Ассистентка идиотски расхохоталась и, даже не надев перчаток, стала размазывать это амброзию по всему полу. Я поспешил побыстрее проститься с двумя безумными таксидермистками и в сопровождении армейского Адониса наконец-то вышел на свежий воздух.

В больничном саду сидели на скамейках коротко остриженные казарменные пациенты и с любопытством смотрели на человека в гражданском (точно так же больные звери в зоопарке смотрят на беспечную публику). На них были зимние больничные халаты – длиннополые, черные и нелепые, так что можно было подумать, что на скамейках сидят молодые монахи, недавно принявшие постриг. Да и сам ложноклассический фасад госпиталя вполне подходил для богадельни. Почему-то было ужасно много ворон в холодном голом саду, и черные твари злорадно каркали на наши головы. В дополнение ко всем прекрасным впечатлениям я увидел дохлую мокрую кошку и лежащий рядом с ней кирпич, бывший, вероятно, орудием дебильного садиста.

Смерть Алисы как-то сблизила нас, смешных провинциальных учителей. Может быть, мы впервые по-новому посмотрели друг на друга – с неосознанным чувством вины и беспомощности. Похоронные хлопоты всегда сближают людей, напоминая о недолговечности существования и иллюзиях материальности. Забудем мелочные обиды, друзья, возьмемся за руки! Как приятно

встретить вас, дураков, на короткий миг в этом мире, в котором нет случайностей. Давайте соберемся по этому поводу в хорошем ресторане и просто так отметим великолепную встречу во времени и пространстве!

Но почему-то все похоронные заботы легли на мои плечи, точно я был самым близким другом или родственником покойной. Но мне все больше и больше было жаль бедную Сову, особенно после того, как мы с участковым милиционером и понятыми буквально взломали дверь ее опечатанной квартиры, чтобы описать имущество и выбрать что-нибудь из одежды в ее последнюю дорогу. Поверите ли, у старой учительки нечего было украсть! Экстремально одинокая, без дальних родственников, она не оставила никакого завещания. Да и что было завещать? На счете в банке – жалкие гроши, в квартире хоть – шаром покати.

Странные чувства испытываешь в доме покойника: все вещи предстают в новом свете, скорбят о владельце. Тяжелые пионы в вазе облетают на желтоватую застиранную скатерть. Громоздкий комод, который не вписывается даже в эту страницу – куда его денешь? Только я один знаю, что пропели мне ржавые пружины, когда я сел рядом с плюшевым мишкой на старый зеленый диван. Я посадил этого несуразного медведя преклонного возраста к себе на колени и прошептал в потертое рваное ухо: «Прости меня, лохматый, прости». Уж он-то все понял. Оглядев комнату, я отметил, что у Алисы не было даже телевизора, зато домашней библиотеке кое-кто мог бы и позавидовать.

Впрочем, это были, в основном, кастрированные, выхолощенные классические издания сталинской эпохи – тенденциозные хрестоматии, многотомные чернышевские, добролюбовы, разночинцы в грязных сапогах, народовольцы и прочие чудики, не говоря уж о педофилической макулатуре. Комната стеснялась своей наготы и безвкусицы, и фарфоровая фигурка меланхолического клоуна с зонтиком была единственной изящной вещицей в холодном совином дупле. Я попросил двух соседок выбрать из

шкафа что-нибудь из одежды для покойной, но выбирать было явно не из чего – так и пришлось Алисе в нарушение русского обычая предстать перед Судией в ее повседневном поплиновом платье, в потертых белых туфлях и с фальшивым жемчужным ожерельем на шее.

Наглые непрошеные гости пересматривали вещи, ментяра копался в ящиках стола и вытряхнул на пол пачку пожелтевших писем, которую я с равнодушного его разрешения бросил в свой кейс. Вообще, страсть к чтению чужих писем не просто праздное любопытство, но своего рода тонкое извращение, совокупление с тенями, и двойная энергия этого акта – лучшее лакомство для обитателей низших миров. В этот же вечер я с избытком кормил мелких бесов и изливал свое семя на алтарь Сатаны. Это были письма отца Алисы, капитана Калинкина, отправленные с фронта в детскую коммуну имени Н. К. Крупской, где их с нетерпением ждал нескладный лягушонок – самая идейная комсомолка Алиса с туберкулезным румянцем. Два фронтовых послания можно привести безо всяких комментариев.

«Здравствуй, мой зайчонок! Большой тебе коммунистический привет из горящей Германии!

Добиваем фрицев, скоро приеду, и мы будем вместе лопать эскимо на Красной площади. Жаль, мама наша не дожила до дней Великой победы русского народа над фашистской Германией. Здесь весна вовсю, цветут берлинские вишни, в освобожденном голубом небе – наша авиация!

Наш повар подкармливает местное население пшенной кашей, встают в очередь с мисками, но как волчата на нас смотрят. А вообще-то, такие же люди как и мы, просто их гадина Гитлер обманул.

Какие-то провокаторы выпустили в город голодных зверей из зоопарка, вот вчера пристрелил двух медведей и обезьяну. Наши ребята надели на эту гориллу немецкую шинель и каску, и мы ее повесили над фасадом городской ратуши для устрашения. Скоро

пришлю тебе фотку, где я сижу в обнимку с мертвой немецкой обезьяной – она и вправду чем-то на Гитлера похожа!

Ты там не скучай, зайчика, читай хорошие книжки, стране скоро понадобятся сильные, образованные люди. Еще раз пламенный привет. Папа.»

Занимательно, правда? А это вот последнее письмо, из которого выпала сухая незабудка:

«Зайчонок, здравствуй!

Не вешай уши, скоро приеду к тебе в орденах и медалях, будешь гордиться своим папкой!

Ты пишешь, что жалко тебе обезьянку – право, смешная ты какая, глупышка еще, хотя и взрослая девчонка: Это же была немецкая, вражеская обезьяна! А вот вчера, например, по приказу командира мы с боевым товарищем расстреляли пятерых подростков из „Гитлер Югент“ – мальчишки совсем, но держались крепко, поганцы, строчили из автоматов с костела св. Павла. Мы быстро этих змеенышей взяли. Одного из этих мальчишек очень долго сам командир допрашивал, а потом загнали мы их голых под фонтан и под музыку ихнего Бетховена из трофейного патефона такую фугу из Калашниковых сыграли!!! На следующий день, гляжу, какая-то бабуля в чепце цветы у фонтана оставила, точно не нарочно: Мы и эту старую ведьму списали:

Я все это пишу тебе, чтобы ты знала, что война – не карнавал с фейерверками, а жестокая и трудная работа. По приказу Родины, за наших детей и матерей, за светлое имя Сталина я готов отдать жизнь. Вот так, зайчонок... А приеду я с подарками. Целую лапки. Твой папа:»

Интересно, как красный командир допрашивал немецкого юношу? Пытал, наверное, досыта напился крови, семени и пота, а потом еще долго вручную утолял свое горение. Я чувствую боль. Глубокую боль за тех мальчишек, отроков новой Библии, если таковую еще кто-то продолжит писать.

Алису похоронили поспешно. Тело выносили из школы. Школьный автобус долго не заводился. Я залил слишком много водки на

поминальном обеде и настойчиво приглашал англичанина Костика к себе в гости, чтобы, как я выразился, «продолжить чудесные поминки». Слава Богу, он не разделил мои порывы. Красная морозная луна по дороге домой, жалкие ржавые листья. В автобусе я не отводил взора от симпатичного подростка, который краснел под моим блядским обстрелом и застенчиво опускал глаза. Вслед за ним я вышел на остановку раньше, но мальчишка испугался и нырнул в какой-то темный переулок. Пошел мелкий дождь, на душе стало погано, и даже четыре кружки пива в заблеванном пивбаре «Колос» не отсрочили меланхолию – наоборот, стало еще поганее. В желтом тумане я плыл домой. Меня заносило на поворотах, и редкие прохожие шарахались от моей тени. Я дошел до бункера на автопилоте, врубил «Шестую Патетическую», улегся на пол в мокрой куртке и стал перелистывать альбом со своими детскими фотографиями.

Детство. Мое детство. Наверное, мы начинаем играть самих себя, когда забываем о детстве. Я был царственным ребенком! Вот мальчик в клетчатом костюме, белобрысый (Господи, я же был блондином!), танцует с какой-то «снежинкой» на рождественском балу; вот принимают меня в пионеры, а вот школьная футбольная команда, мальчишеское братство, я обнял за плечо своего друга Егора Потемкина, в которого был влюблен: Как-то в восьмом классе мы отдыхали с ним в летнем спортивном лагере в приозерном божественном местечке, лето было просто Господне, полное тепла, благодати и грибных дождей, птиц и, конечно, любви. Мы покупали парное молоко в деревне, плавали на виндсерфингах, загорали, собирались вечером у костра. В общем, просто сказочное было лето. Если бы даже и с погодой не повезло, я все равно был бы счастлив, потому что рядом дышал мой Егор. Солнечные зайчики тех счастливых дней уже запрыгали по моей комнате. Мы резвились тем летом как два молодых дельфина в заветной лагуне – как беспокойный ребенок не может спать без своих сосок и погремушек, без старого любимого медвежонка, которым играла еще маленькая

мама. От Егора почему-то всегда пахло молоком, лесом и потом. Он обильно потел на футбольном поле, но иногда я упрашивал его не принимать душ после тренировки – мне нравилось играть с Егором именно на потной постели, чувствуя особую остроту и терпкость запаха любимого человечка. Я просто схожу с ума от терпкого подросткового пота. Мы трахались с Егором каждую ночь, и перед извержением я нередко делал ему массаж: снимал шерстяные белые гетры с его загорелых икр, разминал ступни (он смеялся, брыкался как жеребенок), потом бросал на пол потную футболку, массировал мускулистую, почти мужскую спину и щеглиную шею. На десерт мне остается его спортивная попка, обтянутая боксерскими трусами. Я выключаю свет, мы долго обнимаемся и целуемся, переплетаются наши руки, ноги, судьбы, звезды, поднимаются вверх все шлагбаумы, взлетают все ракеты, брызжут фонтаны, стреляют фейерверки и хлопушки, вылетает пробка из бутылки теплого шампанского: Живая пена хлынула Егору на ягодицы. Моему мальчику больно. Чтобы не кричать, он сжимает зубами угол подушки – соседи за стеной. Наконец наша космическая война с ядерными боеголовками завершается, взрываются последние звезды. Мы засыпаем в объятиях, смотря свои детские сны. Правда, тренер по художественной гимнастике, гноющая за стеной свой угол, явно что-то заподозрила и как-то утром спросила Егора: «Вы что там с Андреем, на роликах по ночам катаетесь?..»

Неожиданно мы открыли мерцающий мир ночных купаний – в теплые ночи двое юношей спускались к озеру, бросали свои полотенца и одежды на старые мостики и ныряли в темноту и звезды, в черное зеркало космоса, в вечность и покой. Я еще никогда не думал, что приозерная тишина может быть так музыкальна. Немного жутко. Таинственно вокруг. Пригоршни звезд, летучая мышь в лунной дорожке. Все вокруг живет и звучит, какая еще есть на земле ненаписанная музыка! Все творения композиторов – только малый отзвук симфонии сфер. Ты выходишь из воды, немного дрожишь, я ловлю тебя полотенцем, мокрого утенка, растираю, и мы

возвращаемся к домику – на свет синего ночника, оставленного специально, чтобы веселее было возвращаться. Греться, в постель. Снова и снова мы празднуем не только брачную ночь, но и соитие с природой, как дети лесника. А утром – все еще влажная желтая кувшинка на подоконнике. Твой цветок, Егор:

Зазвонил телефон. Я долго определял свое местонахождение во времени и пространстве, Мур сидел на письменном столе и как будто перечитывал фронтовые треугольники полевой почты, нервно помахивая хвостом. Мне стоило немалых трудов твердо встать на глиняные ноги и взять телефонную трубку. Она показалась фантастически тяжелой. Звонил мой пропавший приятель Рафик, работающий тапером в ресторане «Сказка», где грубо пируют по вечерам мелкие криминальные элементы и вокзальные шалашовки. Он деликатно напрашивался в гости, а проще говоря, хотел провести со мной ночь. В другой раз я непременно бы отказал в гостеприимстве, но сегодня был рад любому существу, согласному разделить мое одиночество – так утопающий хватается за каждую соломинку – только бы не остаться наедине с самим собой, жутким чудовищем Андреем Найтовым: Рафик уже через полчаса сидел в моей гостиной, протянув ноги к камину. Как обычно, поддавший после рабочего дня, розовый и благодатный, в узких полосатых брюках, в белом пиджаке, красная рубашка с бабочкой: Он благоухал ресторанными испарениями, и карманы его были набиты мятыми банкнотами (количество его чаевых точно отражало рост российской инфляции). Раф притащил с собой сумку с остатками пиршества кавказской свадьбы, которую он обслуживал. Мы выпили водки, закусили холодными ромштексами и ударились в воспоминания о бурных мужских сатурналиях на лодочной станции прошлым летом.

Те сборища носили криминальный характер, поскольку за мужскую любовь можно было запросто угодить за решетку или в психушку. Мы чувствовали удары гомофобии, но тем доверительнее были наши отношения в субкультурном братстве, в шутку

нареченном «Клубом Сталина» – во времена диктатора сексуальное инакомыслие приравнялось к политическому, и именно кремлевский горец внес в закон пресловутую 121 статью. Компания на лодочной станции собиралась разношерстная – актеры, музыканты, адвокаты, врачи, водители трамвая, просто безработные и даже священник. Все друг друга знают в маленьком городе, а это была модель настоящего равенства.

Как-то к нам на огонек пьяный Рафик притащил ответственного работника городской мэрии, и расслабившийся чиновник набросился на меня как медведь со словами: «Я тебя хочу!» Позже мы встретились в более официальной обстановке на вечере городской интеллигенции, и он не признал меня, повернулся спиной – я еще никогда не встречал таких рекордных задниц, можно было подумать, что в штанах спрятана пуховая подушка.

Уставшие от игры в прятки, от косых взглядов сослуживцев, ходящие под дамокловым мечом безнравственного закона, оскорбленные и заплеванные, мы перевоплощались с наступлением сумерек на забытой лодочной станции, просто болтали, смотрели видеофильмы, выпивали. Но в том мире существовало только изменение состояний («измененные» – так наркологи называют подкрепившихся алкоголиков), но какие глаза цвели вокруг! Лодочная станция глядела горящими окнами на пустынный пляж с шезлонгами, тентами, обрывками газет и пустыми бутылками, а в окнах потустороннего мира гримасничали мои арлекины, и сквознячок смерти сдувал со стола разметанные листы этой рукописи. Было много театрального, хотя мы ничего и не знали о кэмп-культуре. Рафик, например, любил мерить женскую одежду и очень талантливо гримировался. Я иногда надевал короткую кожаную куртку, фуражку с орлом, рваные джинсы и высокие ковбойские сапоги. Священник, отец Арсений, снимал свою рясу, под которой полыхала экзотическая шелковая рубашка с попугаями и спортивные белые шорты «Адидас». Был среди нас и садомазохист Игорь Бертенев, нейрохирург, он приносил с собой веревку,

наручники, но мне, слава Богу, не посчастливилось побывать в его камере пыток. Кстати, в моем провокационном альбоме есть интересные снимки, хотя и собирались мы довольно редко. Как-то после одной из таких ночей, с остатками грима на бледных лицах, полупьяные, мы завалились в церковь на утреннюю исповедь к отцу Арсению – он встретил нас очень прохладно, исповедал, но к причастию не допустил.

С Рафом мы как-то незаметно уgomонили всю бутылку, но из волшебной сумки появилась емкость красного сухого и фрукты. Мы болтали без умолку. Нам было о чем посекретничать, хотя языки наши давно опережали мысли.

Среди ночи опять взорвался телефон. На этот раз звонила безумная Гелка, просилась ко мне на ночлег с каким-то парнем, которого она подцепила в «Коломбине» и отрекомендовала как «неопытного милого котенка, согласного на постельное трио». Я подивился людской простоте, граничащей с наглостью, но Гелка упорствовала: «Соглашайся, Найтов, мальчик фантастически чувственен, и после определенной работы с моей стороны он упадет к твоим ногам спелой грушей:» Рафик же рассчитывал на квартет. Вымокшие ночные ангелы прилетели почти мгновенно, и пианист отдубасил в их честь «Вальс Мендельсона» на моем расстроенном пианино (я потом получу выговор от соседей с угрозой жалобы участковому за «ночные концерты»). Неопытный котенок оказался невзрачным выцветшим альбиносом, но он почему-то понравился Рафу. Мы танцевали под медленные саксофонные мелодии, менялись партнерами и пили, пили, пили: Принесенные Гелкой две бутылки «Столичной» для меня оказались роковыми, и на этот раз была моя очередь блевать в ванной. Из крана хлестала горячая вода, и я написал пальцем на запотевшем зеркале: «Прости меня, Алиса!» Прости меня, Алиса, ведь это я твой убийца, фатальный герой, это я в глубине своей мутной души давно желал твоей смерти, это я запрограммировал твой исход в адском компьютере, это я

наколдовал, это мои тайные приказы исполняют черные арлекины, и мой арлекин оказался сильнее твоего дьявола! Аминь!

Последний саксофонный этюд «Нагила Нагила» мы танцевали совершенно раздетыми. На впалой груди альбиноса болтался медвежий клык на серебряной цепочке, и все уже были готовы катать шары на бильярдном поле кровати. Я разбросал по простыне лепестки роз, и мы провалились в черную дыру иной музыки, адского огня и африканских масок – так аквариум, полный экзотических рыб, подогревают на медленном пламени, пучеглазые вуалехвосты бесятся в последнем танце, и сумасшедший аквариумист смеется сквозь запотевшее стекло.

* * *

В моей жизни есть пора, которая называется предчувствием любви – среди глубокой дождливой осени вдруг проглядывает солнце, возникает радуга, осенняя ржавчина обращается в золото. В такую пору я и сам покрыт легкой позолотой и, к чему не прикоснусь, все обращаю в благородный металл, как царь Мидас. Нисходит удивительная благодать, разглаживаются морщинки возле глаз, просыпаюсь по утрам с ощущением счастья, предвкушая подарки. У Бога даров много, и Он приходит как Санта-Клаус под рождество – с мешком, полным тайн. Состояние это неуловимо как солнечный зайчик – нельзя зафиксировать и воспроизвести.

И в одно прекрасное утро, не помню, какого земного года, осенний мягкий свет был особенно теплым, краски были особенно яркие и помыслы чисты. Совершенная правда, что недостатки, которые мы замечаем в людях, это отражение наших собственных несовершенств, ибо в миг осеннего преображения я увидел окружающих по-другому, не в кривых зеркалах своих пороков, но в свете всепроникающей безотчетной любви. Это ангел-хранитель берет за руку заблудившегося путника и ведет заветной тропинкой.

Я до сих пор продолжаю постигать ценность того подарка, что был преподнесен мне в ту глубокую осень. Со дня совиных похорон прошло несколько недель, и я потихоньку начинал адекватно воспринимать действительность после алкогольного заплыва, приводил себя в порядок и даже бросил курить. По утрам занимался с гирей и эспандером, так что мышцы мои округлились, лицо посвежело, да и весь я помолодел: ну просто становишься в витрину фешенебельного магазина и улыбайся прохожим улыбкой кинозвезды. Гелка, уже дошедшая до точки в своих экспериментах по постижению разных сторон этой жизни, как-то встретила меня на улице и отметила не без восхищения: «Ну, Андрюшка, тебе действительно тибетские монахи присылают эликсир молодости:»

В школьном скворечнике учителя обсуждали намеченную забастовку с требованием повышения зарплаты, и я шутил по этому поводу: «Вот и у меня денег осталось – последние два мешка. Жизнь дала трещину». Мне предложили почему-то стать председателем забастовочного комитета, хотя я-то как раз меньше всех страдал от дефицита деревянных рублей, подрабатывая английскими переводами технической литературы и издавая небольшие сборники своих стихов. Надо заметить, что несмотря на патологическую лень и даже брезгливость к какой бы то ни было работе, у меня всегда водились деньги. И не то чтобы я любил деньги, но сами деньги любили меня, иногда так и прилипали к пальцам. Абсолютную бедность я всегда считал особой формой душевного заболевания.

Казалось, школьные коридоры стали светлее без Алисы, стало как-то легче дышать; на моих уроках больше не было недремлющего ока наставницы, и я без скромности замечу, что мои богослужения все больше отличались яркими импровизациями, а порой и оригинальными художественными открытиями. Я горел поэзией, и неведомое счастье подкрадывалось на мягких лапах к Андрею Найтову. Вот-вот еще полшага – и оно настигнет меня, я уже чувствовал за спиной его горячее дыхание. Наконец это дикое животное кошачьей породы прыгнула на меня то ли с люстры, то ли с

книжного шкафа заставленного Большой Советской энциклопедией в кабинете Карена Самуиловича, который широким кавказским жестом подарил мне классное руководство над питомцами Алисы, фавнами-восьмиклассниками! Карен сделал это торжественно, точно поднес мне стакан ледяного «Цинандали» и пожар красного перца на закуску.

Я волновался и весь горел, прижимая заветный классный журнал к груди, чтобы не было заметно, как прыгают мои руки. Я ликовал, я слышал победные небесные марши, мой путь был расцвечен флагами! Я тут же заучил наизусть сетку своего учебного расписания, которое пестрело красными счастливыми восьмерками, переворачивал его с ног на голову, но восьмерки все равно оставались восьмерками! Я выписывал огромные восьмерки на своем мотоцикле и с нетерпением ждал того дня, когда увижу всех своих двадцать семь Восьмеркиных – из них четырнадцать девчонок и тринадцать мальчишек (кому-то девочки не хватило). Я прекрасно знаю, что среди них затерялся маленький принц, но я еще не знаю его имени, помню только, что он осветитель из восьмого «Б».

Осень, дай мне своего золота и чистой лазури. Арлекины, садитесь на свои небесные мотоциклы: Утром заветного дня я долго вертелся у зеркала, менял рубашки и галстуки, даже чуть было не подкрасил ресницы, но вовремя опомнился. Я облачился в белые вельветовые брюки, надел шелковую итальянскую рубашку (розовую – подарок покойного медика Сашки), затянул голубой галстук, набросил светло-бежевый льняной пиджак и освежился одеколоном.

Тонкий лед на лужах особенно звонко хрустел под моими новыми ботинками в тот судьбоносный день. Какая-то пьяная баба в троллейбусе злобно прошипела в мой адрес: «Вон как вырядился, точно барин, сволочь-кооператор. Сейчас они все господами стали, пора революцию делать». Ее небритый мутный спутник в фуфайке показал на меня пальцем и отметил с пьяной пронизательностью: «Да ты посмотри на его морду – это же пидарас! Вон духами разит, бя, на километр: Сейчас кругом одни пидарасы ебанные:» В другое

время и в другом месте я раскрошил бы челюсть и оторвал яйца этому ханыге-питекантропу, но сегодня ограничился обоймой отборного мата в их адрес – две тени даже съежились от неожиданности.

Этот эпизод не нарушил расположения моего духа, и чем ближе подходил я к школьной обители, тем сильнее звучала музыка сквозь рваные облака и ветер наших судеб. Дождь разбивал свои ампулы об асфальт. Ампулы с детскими слезами. Раскрыв зонт, я мерялся силами с ветром – мощный поток вырвал мою человеческую игрушку, играл мускулами, скрипел мачтами, гремел цепями, срывал шляпы и резвился как мальчишка. Как мне хотелось иногда быть унесенным ветром в другие страны, к другим людям, а местные газеты констатировали бы провинциальную сенсацию: «Учитель русского языка и литературы А. В. Найтов унесен осенним ветром в неизвестном направлении. Знающих что-либо о его местонахождении просим сообщить:» Но другое явление оставляет далеко позади все мои фантазии – вдруг литургический косой дождь переходит в настоящий снег, и мокрые хлопья лепятся на мой старый зонт, тают на губах как сладкие шмели твоего имени. Только представьте – первый снег! Ранний, ноябрьский, свежий и чистый. Я останавливаюсь в недоуменном удивлении и долго стою у театральной тумбы, не в силах сделать шага из-за боязни нарушить первый белый покров. Если и есть чудо, способное немедленно преобразить Россию, то это русский снег – я могу до бесконечности пить этот коктейль снежного тихого помешательства с золотым жиром фонарей, с веселой болтовней клоунов и с осколками елочных шаров.

И когда я вошел в класс, моей первой репликой было поздравление с первым снегом. Я так просто написал, «я вошел в класс:» Но я вошел в новую жизнь, вошел в новую роль (точнее, из многочисленных составляющих моего «я» на сцену вышел другой исполнитель).

Я машинально беру со стола указку и долго верчу ее в руках как дирижерскую палочку, не решаясь начать симфонию, но оркестр приготовился, зрители ждут с нетерпением и в который раз подтверждают это аплодисментами: За окном медленно падает снег. В классе пахнет апельсинами.

Ты сидишь на предпоследней парте, грызешь кончик карандаша. Я стараюсь не смотреть в твою сторону, но у меня это плохо получается – и всякий раз обрывается сердце. Боже, как разит апельсином: Раскрываю классный журнал и начинаю алфавитное знакомство. Ошпарило меня на букве «Б» – когда я произнес «Белкин Денис», ты встал, как-то растерянно улыбнулся и поправил выгоревшую челку (рукава короткие, воротник рубашки не отглажен, мальчик запущен как заброшенный сад, но какие глаза с морской зеленью, улыбка с ямочками на щеках, какой теплый взгляд, какой свет вокруг!). Белкин Денис, Белкин, Белкин. Белка. Бельчонок. Белое. Я повторял про себя эти слова до тех пор, пока звуки твоего имени не утратили звуковую оболочку и не стали чистой музыкой. Маленький воображаемый бельчонок прыгал с тех пор по классу, сидел у меня на плече, перескакивал с подоконника на пыльную пальму в углу, выпрыгивал в форточку, скакал по осенним деревьям и опять возвращался. Совсем ручной, добрый и солнечный зверек. Такая же подвижность и стремительность была в тебе – в разлете соболиных бровей, в жестах и движениях. Ты не мог спокойно сидеть на одном месте, постоянно вертелся, играл карандашом или ручкой, переминался с ноги на ногу у доски, не зная куда деть руки, одергивал короткие рукава школьного пиджака, поправляя беличью челку. Вокруг тебя сыплет искрами наэлектризованное игровое поле, и я боюсь приближаться к тебе – мне кажется, что меня может убить мощным разрядом веселого электричества. Природа поставила вокруг тебя бы защитный блок, и я соблюдал нейтральную полосу отчуждения. Не сочтите меня параноиком, но хотелось надеть солнечные очки, глядя на Дениса – столько в нем было света. Я помню радугу, огни святого Эльма вокруг светлых волос, мокрую зелень глаз, мальчишескую

загорелую шею и засаленный белый воротничок. Такая же аура сияла вокруг жителей страны Гиперборея, и мальчик из Атлантиды врывался в мои фантазии на резвом дельфине, в кристаллическом венце. Бедные юноши в туниках, наложите свои доски, возьмите стило и записывайте под диктовку мою историю.

Напротив его фамилии в классном журнале Алиса поставила красную галочку, как бы посмертно понуждая меня обратить внимание на Дениса. Любую информацию о тебе я стал выуживать как опытный оперативник. Я дошел до таких безумств, что даже перефотографировал в школьном архиве твое личное дело и медицинскую карту. Я определенно сходил с ума. И однажды, когда все мальчишки ушли играть в футбол, переодевшись в классе, я снял со спинки стула твой серый джемпер и поднес его к лицу, забывшись в блаженстве родного запаха и тепла. Это был твой запах, запах дикого Маугли, смешанный со сладким дешевым одеколоном и спортивным потом. В середине века меня наверняка бы кастрировали, ибо я предавался по вечерам изнурительным мастурбациям, мысленно моделируя твой образ в разнообразных эротических фантазмах.

Мои уроки были вдохновенными, потому что я проводил их только для тебя, стараясь готовиться к ним так, словно был воспитателем наследника Престола. Это были мои богослужения, моя лебединая песня. Мы не изучали, а праздновали литературу! Да, это было пиршество поэзии и красноречия. В процессе литературной программы я ставил тебе закамуфлированные капканы, хитроумные сети и ловушки, исследуя тайные уголки твоей души – и это при том, что я не имел никакого права на твою душу. Впрочем, равно как и на твое тело. В этом смысле учительская профессия ущербна и даже богопротивна – педагоги считают, что имеют сомнительное право «формировать душу», и часто неуклюже вторгаются в хлюпкий мир ребенка, разрушая его домики из разноцветных кубиков и разгоняя оранжевые облака. Я же просто хотел изучить твое игровое пространство и принять правила твоей игры.

Я не мог отметить тебя среди лучших учеников, но в твоих глазах я всегда прочитывал удивление и искренний восторг, когда мне удавалась парадоксальная формулировка, а посредственность, как известно, ленива и нелюбопытна. Порой ловлю себя на мысли, что и живу ради пары-другой удачных фраз. Но ты все-таки удивил меня своим сочинением на мою провокационно-свободную тему: «Мой любимый герой». Сама тема была воспринята в классе с протестом, но я вежливо настоял на своем решении, пообещав не выставлять в журнал двоек и троек. Мой капитан сработал лучше, чем я ожидал – честно говоря, я не рассчитывал на абсолютную откровенность твоего «внутреннего героя» перед необстрелянным новым учителем. Твою горячую тетрадь в желтой клеенчатой обложке я сразу же выловил из кипы остальных сочинений, и в тот вечер гнал свой байк на предельной скорости, предвкушая сокровенное и просто занимательное чтение. Мокрый снег лепился на защитное стекло моего оранжевого шлема, снег светофоров стекал по забралу детскими акварельными красками, точно и сам город вокруг был нарисован французскими импрессионистами. Нет, скорее это был мир Сальвадора Дали с текучей экзистенцией времени: Драгоценные камни неоновых витрин плавилась в моих глазах, промокшие арлекины танцевали в поздних иллюминированных фонтанах; сюрреалистический мотоцикл с оранжевым черепом выжимал скорость в булыжных переулочках, сбивал детей и добрых старушек, всадник ставил стального коня на дыбы, из медных глушителей вырывался разноцветный дым и адская музыка; всадник в кожаной куртке «Джон Ричмонд» проехал сквозь витрину индийского ресторана, метнулся в небо, звенел шпорами о звезды, крошил железными перчатками скорлупу луны; он надсадно кашляет горячей медной пылью, угли летят из карманов, сверкают змеиной кожей высокие сапоги; ткань пространства трещит по швам, труха звезд сыплется на парижские крыши; дети пьют на площади горячий портвейн, обнимаясь и совокупляясь в теплой воде фонтана с бронзовой фигурой Эрота, раскаленного докрасна

невостребованной страстью; горбун с шарманкой рассказывает девочке скрабезный анекдот, капитан мнет на гостиничных простынях красивого юнга; толстяк в пиджаке затаскивает черного подростка в свой темно-вишневый «Роллс Ройс», они будут пить виски с кофейным кремом, он пристегнет мальчишку наручниками к перилам бассейна, будет хлестать по бунтующим мышцам бамбуковым кэном, потом изнасилует парня – сначала гигантским вибратором, потом своей маленькой заготовкой; красная луна катится по голубому кафелю бассейна, качается тень пальмы, и смытая сперма черного юноши оплодотворяет икру экзотических цихлид: содомиты оседлали дельфинов и уплыли в открытый океан: ирландская бомба в «Роллс Ройсе»: ночью в посольстве Индонезии застучат факсы: «черный мальчик на дельфине, черный мальчик на дельфине, черный мальчик на дельфине, черный мальчик на дельфине»; программист заразился компьютерным вирусом, потому что забыл надеть презерватив; новогодний бал в кремле перешел в оргию, и мальчишки из детского дома танцевали на битом стекле: Ночной пират на мотоцикле смеется, железный сокол на его плече сверкает рубиновым глазом: я лечу над Нью-Йорком, в бензобаках сгорают зеленые доллары, бронзовый бык бежит по Бродвею, и в его чреве томятся юноши: бронзовый бык разнес вдребезги цветочный магазин, взрыхлил асфальт, дым клубится из ноздрей, и он бьет копытом, бьет копытом. Потом восемь лун вошло над городом желтого дьявола, блудница восседала на Звере, и смех ее был слышен во всех уголках вселенной. И были посланы дельфины, чтобы спасти некоторых праведников. И гигантская черепаха, державшая город, опустилась на дно океана, где только тьма и льды, где подводные арлекины плавают с полицейскими мигалками и читают арабские письма на подводных камнях: на одной из лун есть тенистый сад с каскадами, акрополь, храм с надписью на фронте: «ДЕНИС», но нет там читателей и нет типографий. Так говорил Красный арлекин.

Бог знает что бормочешь себе, пока выжимаешь газ по первой слякоти – я проскочил на красный свет и едва не угодил под монстриозную пожарную машину. Кажется, даже край моей куртки скользнул по серебряному бамперу: просквозило насквозь: выступил пот на лбу, жуткая сирена прогудела вослед: Смерть всегда рядом и напоминает о своем существовании опасными шутками, она не любит обывательского небрежения к ее величию: Алиса въехала в ад на такси, которое я же вызвал по телефону (кто же, все-таки приехал за провинциальной учительницей в ту дождливую ночь?). Я разговаривал по телефону с ангелами, и в засоренном эфире были слышны разряды грозы. Смерть приходит как мальчик в полумаске, водит хороводы с моими арлекинами. Смерть сексуальна, она ревнует меня даже к мотоциклу, и когда-нибудь разольет на дороге масло: Мы уходим, потому что юноша в полумаске влюбляется в нас. Но давным-давно в меня влюбилась Поэзия. Поговорим о поэзии (вам пистолет или лезвие?). Просто я уже в детстве был колдовским ребенком, я мог вызывать и останавливать дождь, я несколько раз видел Богородицу в радуге, и феи положили щедрые дары в мою колыбель. Я решил родиться в России, хотя география моего земного пути обширна (обыкновенная геополитичность поэта). Я был более лунным, нежели солнечным ребенком, и этим объясняется моя гомосексуальность – но я не сделал культа из «перверсии», поэтому не погиб нравственно. Андрогинная мифологичность слова осознавала себя во мне, и я был идеальным культурологическим сосудом; поэзия была для меня эликсиром молодости, молодым вином первой застенчивой влюбленности, и я имел полное право есть и пить от этого жертвенника. Проходя через экстазы всех страстей и откровения всех религий, я физически ощущал в себе «лишний», неизвестный анатомии орган с растущей жемчужиной, которую положат на мои весы в судный день. С раннего отрочества я строчил прекрасные стихи – запоем, не замечая времени суток. Парадокс заключается в том, что я не хотел писать, но не мог не писать. И в этом простой закон вселенского разума, в котором

закljučается секрет успеха: в жизни недостаточно просто любить что-либо (или кого-либо), более важно, чтобы предмет вашей любви (или его идея) любил вас – так, вам никогда не стать поэтом, если поэзия вас не любит. У вас не будет денег, если деньги к вам просто не липнут; если говорить о деньгах, то следует отметить, что деньги – чистая энергия, и нужно обладать особым даром стяжать эту энергию:

Своим текстам я не придавал никакого значения, не бегал по редакциям и не вступал ни в какие литературные секты, потому что сама моя жизнь увлекательнее и гениальнее всех моих текстов, которые просто бумажные закладки среди настоящих страниц жизни, написанной Богом. У Него был, несомненно, особый замысел относительно моей жизни – я закрываю глаза и вижу царственного ребенка, играющего с кристаллами на медвежьей шкуре. Он эгоистичен, потому что покровительствующий арлекин всегда держит перед ним зеркало, за которым одиночество и звездный рой. Театрик смерти живет, пифон клубится, изможденный онанизмом арлекин стоит у зеркала со спущенными джинсами; раздавленный тубик вазелина, хлыстик и презервативы на гримерном столике, облетевшие желтые розы в вазе, пачка «Мальборо» и тоненький сборник моих стихов, залитый красным вином.

Какой долей мозга я люблю тебя? Как заморозить и разрушить эту внутреннюю Атлантиду? Профессор, подключите электроды, врубите «Патетическую» на полную мощность, чтобы лопнули динамики и вылетели стекла. Дайте мне выпить стакан его парной крови, позвольте мне хотя бы пристрелить этого мальчишку. Все отняла страсть – не могу ни писать, ни молиться. И чувствуешь, что приходит пиздец. Хочется упасть и стереть об асфальт свой напряженный член. Я хочу переломать ему ребра своими остроносыми сапогами: я хочу, чтоб его теплый член пульсировал в моем кулаке, я хочу колоть его нежную грудь своей трехдневной щетиной и извергать кричащую сперму гения на его покрасневшие от стыда щеки: я хочу видеть его в своей спальне с разбитой губой и в разорванной пижаме: Чем

холоднее будет эта зима, тем жарче разгорятся мои зимние пиры! Безумный, безумный, безумный, безумный Найтов:

Я ворвался в пустой магазин, не снимая шлема, и молоденькая продавщица испугалась. Бес шептал: «Купи водки, выпей за горячим ужином, расслабься, все будет в порядке: и сердцу тепло и весело, и сон крепче:» Я купил бутылку, но, чтобы закрепить свою волю, как бы нечаянно разбил ее на ступенях магазина – колоритный алкаш с голубыми глазами, торопящийся в этот же пункт выдачи жидкой валюты, не выдержал зрелища и застонал от досады. Я сказал, что лучше взорвать бомбу немедленно, чем ждать, пока она взорвется в неподходящий момент, на что алканавт ответил: «Сапер ошибается только один раз».

Вечерний мой городок как бы пришел в движение с первыми снегопадами – так и предметы в комнате неожиданно оживают, когда в окно влетает бабочка. Снег идет. Тишина. Кружатся фонари, голые ветки тополей безумно переплетаются с шизофренией старинной кованной ограды. Во всем небрежная гармония и застывшая музыка, но это только прелюдии, этюды, интродукции и эскизы, сангина и картон, наброски углем с похмелья. Несется мой наскоро зарисованный, почти смазанный на скорости байк, едва тронутый охрой и белилами, заблудившийся мотоцикл с параноидальным учителем грамматики – какой год? какой век? какой стиль? Куда он гонит в снегах? Возле Воздвиженского храма меня тормознул гаишник и оштрафовал за превышение скорости. Удивительно, но моя саранчиха после остановки долго не заводилась – может быть, это было тайным знаком, потому что я оставил мотоцикл на обочине и зашел в церковь. Мне трудно передать неизреченную радость переполненного любовью сердца, живого русского сердца в золотистой полутьме будничной вечерней службы, потоки теплого и родного до боли воздуха с медом и ладаном, с горьким дымом Отечества уносили куда-то за пределы детства. Там была тайна, разгадка которой до смешного проста. Священник как-то просто, без пафоса повторил: «Христос истинный

Бог наш», и эти слова меня в который раз поразили своей убийственной достоверностью.

Дрожь пробежала по спине. Маленький, смешной и беззащитный Найтов почувствовал себя в чьих-то теплых ладонях, посмотрел в вечность серыми глазами; бездна со множеством свечей отразилась в арлекинском зеркале, я прошептал: «Прости меня, Господи», и эти слова несколько раз облетели Вселенную, приближающуюся к своему закату. Я стоял на плавающем островке спасения, и не стало во мне «никакого художника и никакого художества», а только жуткая, измызганная, милая жизнь с пустыми игрушками и тряпичными куклами. Но даже здесь, в храме необоримое вождение овладело мной, когда из Царских Врат вышел юный алтарник с высокой свечой – чистота и непорочность еще больше распалют развращенное сердце, а юноша в белых одеждах был оскорбительно красив (и, вполне вероятно, иногда возмущал сердца своих духовных попечителей). Так жители Содома смотрели на чужестранных ангелов, как я смотрел на этого мальчика, повторяя про себя слова старинной молитвы: «Утоли вождение телесное, окружи меня страстью своею бесстрастной». Как я хотел бы быть одержимым бесстрастной страстью! Порой я был близок к этому состоянию, но не мог вычленить высокое бесстрастье в химически чистом виде, и когда я прогонял беса своего порока, он приводил с собою опытных коммивояжеров ада, устраивающих мне хитроумные сети и замысловатые сюжеты в мире огня, меда и луны. Иногда в душу западало подозрение, что в одной из обителей ада заточен гениальный писатель, сочиняющий мою судьбу; я листал свою жизнь, шелестел огненными страницами, делал ремарки на полях. торопил глупых арлекинов, раздевал своих мальчишек, рвал потные футболки и покрывал юношей поцелуями от кудрей до пяток, лакомясь июньским терпким загаром. Может быть, я более всего любил себя в своих мальчишках, ведь не так уж и давно симпатичный подросток Андрей Найтов страдал крайней формой нарциссизма – я мог

часами стоять обнаженным перед зеркалом и любоваться каждой родинкой на своем теле; это себе, любимому, я посвящал стихи, думая, что посвящаю их другим. Мы празднуем соитие с самим собой, ведь природа обычно не дублирует свои лучшие произведения. Все мы Нарциссы в ликующем одиночестве. На карнавале жизни, на великой ярмарке тщеславия я стараюсь не упустить из виду своего героя в полумаске. Денис, Денис, ты ли это?

* * *

Странно и непостижимо: образ некоего провинциального подростка вдруг занимает все жизненное пространство, все звездное подсознание сложной и самодостаточной системы «Андрей Найтов», то есть система продолжает достаточно исправно функционировать (даже лучше, чем стоило ожидать от такой устаревшей модели), но система хочет быть осознана только единственно конкретным человеком в данной точке пространства и времени.

Созвездие: Аквариус.

Страна: Россия.

Конец двадцатого века.

...и возможно, что закат мира. Парад планет над моей головой, полыхание светил, зоопарк мифологических зверей и мелькание рыжей белки в последней позолоте школьной осени. Никуда не деться от зелени любимых глаз, от твоей светлой улыбки, в которой есть доля подросткового скептицизма и, может быть, легкого презрения к этому театральному учителю в кордовых брюках, благоухающему как парфюмерный магазин – скорее, он больше похож на балетного танцора, на обыкновенного, слишком обыкновенного педераста, который через десяток лет определенного стиля жизни станет походять на крашеную мумию с кислым пальмовым вином в венах, на сумасшедшего старого попугая,

тоскующего по золотому веку античности и трясущегося над фотографиями своих мальчишек.

Я положил на стол твою тетрадь и долго не раскрывал ее, оттягивая наслаждение (или разочарование?); я ходил кругами по комнате в своем махровом халате, поставил Чайковского и достал пиво из холодильника. Несколько раз звонил телефон, но я не поднимал трубку. «Мой любимый герой». Взглядом профессионала я сначала смотрю как бы не на содержимое, но на структуру теста, быстро оценивая степень его концентрации, самостийности, но разноцветные строчки уже плыли в моих облаках: «Я прочитал совсем мало книг и поэтому немного растерялся перед формулировкой темы. Но в прошлом году, когда я лежал в больнице, папа принес мне мандарины, смешную огромную открытку с медвежонком и книжку Антуана Экзюпери „Маленький принц“. Я никогда раньше не слышал об этом писателе, но я тоже мечтал стать пилотом. Было очень грустно, когда я узнал, что автор в один день не вернулся из полета, но я сразу же влюбился в маленького принца с маленькой планеты, где тот выращивал розу. И если говорить о любимом герое, то мой герой – этот застенчивый принц, случайно попавший на землю и смотрящий вокруг огромными глазами на наш безумный мир. Мне как-то страшно за него, ведь он такой застенчивый и наивный! У него совсем нет друзей. Я уверен, что он потеряется или даже погибнет, если не найдет хорошего друга. Этим летом я в третий раз летел самолетом из Крыма. Была ночь, и в моем иллюминаторе так загадочно мерцали звезды. Я думал о маленьком принце. Однажды он пришел ко мне во сне, мы сидели на скамейке, смотрели на звезды, и звезды любили нас. Одет он был очень просто – потертые кеды, шорты, футболка, и только по золотому венцу можно было сказать, что он принц. Иногда над нами пролетали огненные кометы, и мы давали им имена. Одну из них я назвал именем своего отца:» Текст был безнадежно банален, но зато искренен. Мальчик фантастически сенситивен и романтичен. Я горел от нахлынувшего грустного счастья. Денис видит образ своего

спектрального двойника в аквариуме космоса, заселенного мириадами призраков и детскими страхами, очарованный астроном-любитель потерялся в хэллуине аквариумного пространства. Он ищет двойника. Я постигаю тебя сердцем. Сплошным, огромным сердцем, глаголющим от избытка любви. Где принц твой, Денис? Дай мне координаты той планеты, напиши их для меня под загнутым уголком школьной тетрадки. Делаю ремарку карандашом под твоим сочинением: «Спасибо за искренность. Верю, что маленький принц вернется. А.Н.» В моей ситуации эта реплика звучала двусмысленно, но для бельчонка это была просто пара добрых слов. Зачем скупиться на добрые слова? Я провалился в кресло, кот прыгнул ко мне на колени, мурлыча и навязчиво ласкаясь. Я гладил Мура и раздавал ему бездарные комплименты: «Какая фантастическая шкурка! Я никогда не видел подобной шкурки! А какие голубые глаза, самые голубые глаза на свете! Какие мягкие лапки: А какой хвостище! Это самый лучший кот в мире!» Арлекин улыбался мне за окном и звонил в свой колокольчик; мне вдруг показалось, что в комнате пахнет медом и сандаловым деревом, что хочется спать, спать, спать, а электронная память комбайна уже в который раз повторяет Шестую Патетическую с самого начала. Звонил телефон, но автоответчик упорно повторял, что меня нет дома. Голос Рафика: «Найтов, я знаю, что ты дома, поговори со мной, мне плохо: мне одиноко, Найтов:» Жаль, что в Судный день мой автоответчик не ответит за меня.

:Я вошел в ночной театр, где римские солдаты заставляли меня выполнять тяжелую и бесполезную работу: я раскапывал ямы в сухой каменистой почве, потом снова закапывал их; нестерпимо палило солнце, и вокруг медленно передвигались гигантские бронзовые черепахи с письменами на панцирях; потом я покрывал позолотой листья карликовых деревьев и видел сквозь кованую решетку сада, как загорелые мальчишки купаются в фонтане, струи которого подбрасывали золотые и хрустальные шары. Мне тоже хотелось прыгнуть в фонтан, но для этого я должен был открыть легионерам

тайну седьмого острова с Белым камнем. Они обращались со мной грубо, но почтительно называли Мастером. Я что-то долго чертил им на песке, вычисляя точку встречи Марса и Нептуна. Потом меня все-таки выпустили в маленький оазис. Я пил удивительное вино, разрезал сочную дыню и кормил красивого мальчика виноградом, посадив Адониса к себе на колени. Вдруг обнаружилось, что это мой Денис и я целовал его загорелые плечи. Мне хотелось большего, но он как-то неправдоподобно ускользал из объятий и смеялся, щекоча длинной травинкой мое лицо и уши. Солнце сверкало на золотой посуде, плавилось в каплях мокрого винограда.

Боже, какой огромной сладостью я кормлю тебя:

* * *

Головастик, бельчонок, сорванец, чертенок, ты блистал среди сверстников беличьей челкой, едва уловимым движением одергивал режущие плавки под школьными брюками и подозрительно долго держал руки в карманах. Однажды я услышал твой пронзительный крик из физкультурной раздевалки и голос твоего одноклассника: «Давайте Белкина опидарасим, он так на девочку похож!» Эта реплика взвинтила меня! Я всегда думал, что выражение «потемнело в глазах» – только образный фразеологизм, но у меня действительно потемнело в глазах, и твой крик, который я собачьим слухом отличу от любого другого, звенел в моих ушах. Прыжками кенгуру я бросился к двери и открыл ее пинком, едва не сорвав с петель. Толстяк Македонов, твой одноклассник, выворачивал тебе руку, а отличник Знаменский, прыщавый дровича с грустными коровьими глазами, пытался спустить с тебя белые спортивные трусы. Впервые в жизни я не сдержал себя и отвесил умному уроду звонкую пощечину – к несчастью, он поскользнулся на кафельном полу и разбил нос о деревянную скамейку. Струйки крови смешались со сладострастными слюнями, которые он выпускал пузырями в процессе незаконченной

акции. Знаменский мгновенно разревелся, а толстый сообщник забился куда-то в угол. Денис посмотрел на меня испуганно, поправил трусы и быстро стал надевать футболку. Я понял, что слишком погорячился: эти мальчишеские гомоэротические игры – нормальное явление, но ведь случайной жертвой оказался мой Денис! Когда я вернулся с аптечкой, Знаменский нарочно размазал свою гадючью кровь по всему лицу. Я знал, что у меня могут быть неприятности, поэтому извинился перед ним и сказал, что не сообщу о его поступке почтенным родителям, если он примет мои извинения за несдержанность. Тампоном с перекисью водорода я остановил кровотечение и сухо простился с сиюминутным врагом.

Ты не представляешь, Денис, как я безумно хочу стать твоим ровесником, играть с тобой в футбол, ходить в бассейн: кто знает, что еще: Я повторю и сформулирую свое желание более четко: я хочу научиться правилам твоей игры. Игры в жизнь. Ночами я покрываю поцелуями подушку, расточаю свое семя, представляя, что кувыркаюсь с тобой. Может быть, я должен тебя изнасиловать? Хрен с ним, отсижу свой срок, но возьму тебя всего, без остатка, выпью тебя, съем тебя, трахнутый мой мальчик в грязных трусиках: Взаимно влюбленные похожи на каннибалов, пожирающих друг друга. Как-то в газете я прочитал сенсационное сообщение о том, что один японский студент, признанный консилиумом психиатров совершенно здоровым, съел свою подругу. Я несколько не удивился и уверен, что самурай был не первым и не последним.

Каждый школьный день был для меня счастливым и фантастически мучительным. Мне мало одного твоего присутствия, я хочу владеть тобой! Я люблю тебя, бельчонок! Но попробуйте поймать белку в парке – в лучшем случае, вы только рассмешите прохожих: Но однажды подвернулся удобный случай для более близкого знакомства. В этот день ты был дежурным по классу и остался поливать цветы после уроков. Я сделал вид, что проверяю тетради, но строчки прыгали перед глазами. Временами я украдкой смотрел на тебя, и мой неуправляемый член был готов разорвать

молнию на брюках. Ты не доставал до уродливого кактуса на книжном шкафу и, пытаясь напоить растение, сбросил ботинки, встал на парту и так сексуально изогнулся, что мне тут же захотелось превратиться в старый кактус, чтобы сокровенно впитать твою живую воду.

– Может быть, тебе помочь, Денис?

– Спасибо, Андрей Владимирович. Я уже полил. Этот кактус Алиса Матвеевна из дома принесла.

Боже, ну что еще могла подарить детям покойная Сова, кроме этих ржавых колючек на высохшем фаллосе! Все это очень симпатично, но: а что, если я сейчас выйду из-за стола и расстегну брюки?.. Ты так искренне улыбнулся, что я растерялся и почувствовал, что краснею. Ты смотрел на меня огромными глазами и хлопал ресницами (Боже, какие длинные и пушистые ресницы): Это продолжалось секунды, в которых заночевала вечность. Я тоже грустно улыбнулся. Мне захотелось чем-нибудь удивить тебя, но я забыл все свое волшебство. Арлекин провоцировал меня продолжить диалог со скрытыми капканами. Я хотел протянуть время, чтобы белка не ускользнула от взоров пытливого натуралиста. Точкой соприкосновения стал Маленький Принц – я сказал Денису, что польщен его искренностью. Я добавил, что тоже очень люблю эту книгу – более того, я сказал, что она растворена в моей крови и что призрачный маленький принц незримо сопровождает меня по жизни: Бельчонок наострил свои ушки, но молчал. Мне не терпелось растормошить его для полноценного разговора, и я подбросил безотказно срабатывающий вопрос: «Что тебя интересует сейчас по-настоящему, Денис?» Он пожал хрупкими плечами, точно оправил крылышки, поставил кувшин на подоконник и сел передо мной на первую парту, оценив вопрос как приглашение к диалогу; по всему было видно, что он тоже настроен познакомиться со мной поближе. Я ликовал. Я быстро собрал тетради в стопку, небрежно бросил их в свой пилотный кейс, дав Денису понять, что общение с ним сейчас для меня важнее всех дел на свете. Ты еще раз заглянул мне в глаза

и сбивчиво произнес: «Я не знаю, Андрей Владимирович, что меня по-настоящему интересует. Я люблю склеивать модели самолетов, мне раньше папа их много-много покупал:» Голос твой как будто надломился. Позднее я отметил, что ты всегда начинал нервничать и заикаться, когда вспоминал об отце. Сейчас я боялся затрагивать эту тему, чтобы ненароком не травмировать тебя, да и знал я только то, что отец твой умер совсем недавно, что живешь ты с мамой, но я недооценивал степень твоей откровенности, желания поведать хоть кому-нибудь о наболевшем, выговориться, выплакаться, в конце концов. Надо ли говорить, что я был самым идеальным и участливым собеседником для тебя, мой мальчик!

Я чувствовал потоки тепла, особую вибрацию воздуха, смешанного с твоим детским запахом. Мои жабры выбрасывали золотые шары, рыбий жир созвездий, который плавал вокруг меня. Я едва сдерживался, чтобы не обнять тебя и не прошептать в горячее маленькое ухо: «Я люблю тебя, Денис». Я кричал это мысленно, кричал на всю Вселенную, и кровь стучала в висках. Хотелось ослабить галстук, запрокинуть голову и засвистать соловьем! Хотелось выпрыгнуть в окно, я чувствовал в себе этот взрыв энергии. Мне казалось, что в этот момент я могу опрокинуть поезд, оторвать крыло у самолета, оседлать носорога в зоопарке или даже трахнуть крокодила – ради тебя: А сколько стихов, глыбы стихов высочайшей пробы я строчил, сгорая в своем пламени! Ты не прочтешь их. А пока держи крепче свои штаны и застегивай ширинку, чтобы не улетел твой воробей. Интересно, сколько сантиметров в стоячем положении у мальчика четырнадцатилетнего возраста? Да и оперилась ли эта птичка? Наверное, только первый пушок. И вообще, держи свою задницу поближе к стене, бельчонок, ты еще не знаешь, какой монстр сидит перед тобой. Не открывай моего ящика Пандоры, иди своей звездной дорогой, оставь меня наедине с моими арлекинами и неопалимой страстью.

Ты облизываешь пересохшие губы, ядовитый кончик твоего красного язычка скользит по жемчужинам двух широких передних

резцов, заячьих лопаток. Дрожь пробежала по спине, и я чувствую горячую каплю пота на лбу, невыносимо жгучую, неуместную. Предательская капля. Ты поправил помятый воротничок и опять одернул короткие рукава школьного пиджака, растерянно захлопав ресницами: Чтобы не упускать драгоценное время, я выложил другой козырь: «Если хочешь, Денис, я подвезу тебя до дома, мой драндулет к твоим услугам». Надо было видеть неподдельный восторг в твоих глазах, ликующую улыбку: «На мотоцикле?! Я: я согласен! Я очень хочу!» Щеки твои зардели легким румянцем, ты даже заерзал на стуле от нетерпения. Но я не знал, как разрешить свою мужскую проблему, и пошел на маленькую хитрость, попросив Дениса подождать меня у входа, пока я отнесу классный журнал в учительскую и позвоню по телефону.

Белка ускакала, предвкушая детское удовольствие. Я вытер вспотевший лоб носовым платком и, держа правую руку в кармане, неестественной походкой быстро направился к туалету. В дверях я столкнулся с уборщицей, которая, прогремев ведрами, пожаловалась: «Вы только посмотрите в каком состоянии туалет. А вы еще почитайте, что они на стенах пишут – это вам как литератору интересно будет!» Я заперся в кабине, достал свой напряженный член, закрыл глаза, снова увидел твою улыбку, чувственные губы, зеленые глаза и начал мастурбировать. Оргазм пришел почти мгновенно – таким обильным фонтаном я мог оплодотворить всех женщин нашего города; мои нерожденные дети кричали на небесах, видя мои холостые выстрелы. Остывая, я изучал граффити: «После нас – хоть потоп», «Ищу партнера», «Володин – гомосек», и резюме: «Писать на стенах туалета, увы, друзья, немудрено – среди говна вы все поэты, среди поэтов вы – говно». С последним я почти полностью согласился, вытирая брызги своей душистой спермы с сиденья унитаза и со стены.

Ты ждал меня в школьном дворе, сидел на скамейке, болтал ногами в смешной старой болоньевой куртке с капюшоном, отороченным искусственным мехом, в которой ты еще больше

походил на девчонку. Снежинки таяли на светлой челке, ты растерянно улыбался мне, маленький и беззащитный, доверчивый и жизнерадостный. Хотелось взять тебя в ладони и, как замерзшего желторотого птенца, согреть теплым дыханием.

Байк завелся мгновенно, нервно задрожал щитками, предчувствуя желанного пассажира. Я закрепил наши сумки на багажнике, ты резво оседлал мой мотоцикл, обхватив меня руками, и только кисточка твоего спортивного «гребешка» подпрыгивала на дорожных ухабах. Воистину счастливые случайности езды на мотоцикле – чувствуешь твои неловкие (вынужденные?) объятия. Ребенок так доверчиво прижался к моей могучей спине, обтянутой черной кожей. Я вез самый драгоценный груз на свете – всю жизнь свою, всю смерть, всю любовь, все сны, всю свою благодатную осень, все стихи, всю боль, все слезы, всю нежность: Я вез сплошное, огромное сердце. Я еще никогда не вел свой байк с такой внимательностью и осторожностью – лихачить и выебываться я мог только с Гелкой, влюбленной в мысль о самоубийстве; она истерически хохотала от счастья на виражах и увлажняла свои тампоны.

Мои арлекины благоволили нашему дуэту с Денисом, и каждый перекресток в том день встречал нас зеленым светом, законы подлости светофоров на этот раз не срабатывали. Бог дал зеленый коридор, и на дорогах не было пробок. Я планировал зарулить на заправку, чтобы протянуть время, но бак оказался по-свински полным.

Денис жил сравнительно далеко от школы, в рабочем районе, где кирпичная труба фабрики имени какой-то революционерки дымила под окнами, окрашивая облака в грязно-желтый свет. Попутно замечу, что кризис культуры в России начался с того момента, когда люди научились любоваться промышленными пейзажами. Это было начало эпохи постмодернизма. Химики с колбами, классическая механика, фанерные крылья первых аэропланов, кепки, листовки, забастовки, фабричная культуры, городские жестокие романсы,

орудие пролетариата, кухонные посиделки с мутной водкой при «лампе Ильича». Все стали товарищами.

...Я подвез бельчонка до подъезда и похлопал его по плечу. Он заулыбался, опустил глаза. Мы были на разных вершинах счастья. Ты обернулся уже перед самой дверью и еще раз помахал мне рукой. Только тогда я выжал газ и дал полную свободу саранчине, соскучившейся по скорости.

Было наивно полагать, что после всех моих отечественных напутствий ты сразу же бросился зубрить таблицу окончаний глаголов второго спряжения – нет, ты, видимо, долго сидел на диване, обхватив руками колени, еще румянясь от захватывающей прогулки, по-детски анализировал мотивы моей сверхдружелюбности, потом прыгал перед зеркалом под ритмы рэпа, листал рок-журнал, потом внимательно исследовал содержимое своих штанов, досадуя, что первые саженцы на лобке растут слишком медленно, а вот у Андрея Мизонова: Мама позвонила в дверь так не вовремя.

Я же праздновал маленький первый успех и пел арию Мефистофеля, стоя под душем. В запотевшем окне ванной стыла полная луна, черные лебеди на кафеле взмахивали крыльями, и какие только духи тьмы не слетелись на мой прокуренный баритон! Хотелось выйти на улицу голым, в мыльной пене, кататься по первому снегу, целовать случайных прохожих, потом выпить в баре чашку кофе («Двойной сахар, пожалуйста, и каплю детской крови»), хотелось ударить по луне крокетной клюшкой, и катилась бы по извилистой улице, сшибая кегли столбов и пластиковые киоски. Мой старый друг с пульсирующей веной не давал мне покоя, я бросался на стены в спальне, где развешаны плакаты с мальчишками. Только три вещи излечивают от любви к мальчикам: изнурительный труд, пост и молитва, но с какой миной произнесет эти слова убежденный грешник? Тем более, что я никогда не воспринимал Завет как Лев Толстой. Я, римлянин, родившийся в России по недоразумению, шел за своим Адонисом в белой тунике и с цветком влажного лотоса. Я,

гость дионисийских таинств, покупал в публичном саду красивых мальчишек, смотрел спартанские игры, а теперь мне осталось только покупать на птичьем рынке почтовых голубей и отправлять их с записками в прошлое. Распинай себя и бичуй, Андрей Найтов: Господи, что же мне делать с этой звериной нежностью, неопалимой купиной страсти, с моей красотой, молодостью и силой? Посмотри, сколько искристого шампанского играет в крови, в каких теплых ночах Востока звучит моя простуженная флейта, и ласточка черных бровей летит над житейским морем, как мирно ночует во мне вечность, бессмертье: Даже в свой судный день я буду искать в толпе Дениса – повяжи ему на лоб красную повязку, чтобы я быстрее отыскал его, Господи. Не ревнуй меня, Господи, как я ревновал Тебя. Я люблю Тебя, Господи. Ты дал мне неизмеримо больше, чем я просил, верну ли Тебе с избытком? Ты помнишь, ангел водил мальчика по тропинкам детства, потом я несколько раз тонул, выпадал из окна, перевернулся в машине под Ленинградом, на меня шли с ножом, однажды я принял упаковку снотворного, но всякий раз выходил сухим из воды, и ноги мои не претыкались о камни. Ночи мои, ночи, горячие ночи, и не сосчитать, сколько мужчин сыграли этапные роли в моей жизни, и всякий раз казалось, что последний – навсегда. Мужчины в костюмах, в джинсах, в коже и в золоте, с серьгами в ушах, на сосках, на пенисе, татуированные и девственные, спортсмены, бизнесмены и рабочие, трезвенники и алкоголики, застенчивые и развязные, белые и черные – весь этот карнавал прошел перед глазами искаженно, точно я смотрел на мир сквозь толстое стекло пивной кружки и дымил сигаретой «Гамлет». Было и есть из чего выбирать на рынке тщеславия, а тут какой-то пацаненок с первыми поллюциями и неоперившимися штанами: Мне хотелось пригласить Дениса в сауну или бассейн, рассмотреть его, но как я могу контролировать свою жизнь, если даже мой член неуправляем? Опять запылял огонь между чресл. Я кусал подушку, и слезы были где-то близко у глаз.

Тревожный сон ночью, утром – глаза с нулями, лиловые мешочки. Порезался при бритье. Ты смотришь на меня со своего островка с большим интересом, но опять море ошибок в домашнем упражнении. Вызвав тебя к доске, я заметил расстегнутую верхнюю пуговицу у тебя на ширинке. Меня почти заколотило, кровь прилила к нижней шакре. Утром я спрятал в книжном шкафу второй шлем, на случай, если ты согласишься на более продолжительную прогулку. Но ты же сам ждешь этого, мой Маугли, не правда ли? Спасибо красному монстру с желтым глазом, я даже готов заказать бархатный футляр для мотоцикла, который когда-нибудь будет стоять в европейском музее, если, конечно, его заблаговременно не продадут с аукциона «Сотби», если я не разнесу его вдребезги в пьяном припадке, оставив пальцы на горячем руле. Разлетятся шейные позвонки, хрустнет череп как яичная скорлупа, не станет знаменитого педераста – ни роз, ни арлекинов, ни шампанского: А может быть, гроб будет двухместным? Черта с два! Двухместной будет кровать, траходром с потными простынями, будет ебля-гребля, дуэт саксофона и флейты, ремни и наручники. Будут такие джунгли, такая Африка!

После урока ты подошел ко мне уточнить номера домашних упражнений, но зачем же, маленький хитрец, ты косился при этом в окно, откуда был виден мой мустанг на велосипедной стоянке? Я торжествующе распахнул дверь шкафа, где сверкали два новеньких шлема: оранжевый и фиолетовый, с фантастической бабочкой на пластике. Ты посмотрел на меня с восхищением, облизал губы от нетерпения, а я невозмутимо заметил: «Но сначала застегни пуговицу на ширинке, Денис». Ты застеснялся и как-то долго возился с этой пуговицей, точно пальцы не слушались тебя. Соблюдая «технику безопасности», я попросил тебя подождать не во дворе школы, а на ближайшем перекрестке, чтобы не привлекать внимание нежелательных соглядатаев к нашей дружбе, и уже через несколько минут я подобрал своего драгоценного пассажира, как всадник крадет свою любимую. Маленький хрупкий мальчик в огромном шлеме был похож на инопланетянина (из созвездия Аквариус) – куда

везет его этот дорожный рыцарь в черной коже, вы случайно не видели, куда они помчались? Полиция! Пожарные! Свидетели!

Чтобы спокойно обсудить маршрут прогулки, я пригласил тебя в кафе на мороженое. Ты выбрал клубничный пломбир. Там же я купил фисташки в шоколадной глазури – ведь любителю ручных белок нужно всегда носить в кармане сладкое лакомство, не правда ли? Ты вымазал губы, и мне захотелось немедленно слизать эту сладость, забыться в глубоком поцелуе, все твоё тело выпачкать мороженым и клубникой. Ты наверняка заметил мое страстное волнение, нервозность, огонь и искры, ты, безусловно, уже тогда почувствовал, что имеешь надо мной огромную власть, власть маленького принца, и в глубине души наслаждался этим. Тебе нравится мучить меня, да, прекрасный инопланетянин с зелеными глазами?

Мороженое быстро таяло, и я таял вместе с ним, отмечая точки нашего маршрута: заправка, старый город, мост, набережная (ты одобрительно киваешь), лунный парк: (тут ты неожиданно запротестовал, замотал головой:) – мне была непонятна твоя «парковая боязнь», и я даже представил, что ты заподозрил капкан в моем сценарии, ведь порой самые неожиданные вещи случаются с мальчиками в безлюдных парках, снискавших себе дурную славу благодаря очарованным и одиноким любителям парковых прогулок и острых ощущений. Я попытался осведомиться о природе твоей «парковой фобии», но ты пообещал поведать мне об этом в другой раз, нервно ерзая на стуле. Я путался в самых разных догадках – а вдруг тебя уже давно совратили? Кто мят тебя на траве в кустах, где тень этого ублюдка?.. Я пребывал в этих сомнениях и вел стального коня почти автоматически.

Первые фонари зажглись на набережной, огни плыли по реке, у берега плескались утки, фигурка рыболова в шляпе застыла на мосту. Я остановил байк и спросил, куда же ехать дальше. Ты неожиданно резко, с настойчивой серьезностью произнес, нахмутив брови: «В парк!» Ты показался мне в тот момент странно повзрослевшим и нахохлившимся как больной голубь.

Увидев издалека светившуюся триумфальную арку паркового входа, ты еще крепче вцепился в мою куртку. Я сбросил газ, и мы мягко зашуршали по опавшим заснеженным листьям старой аллеи. Вдалеке горели огни аттракционов, взрывались неоновые вспышки, прожектор высвечивал в свинцовом небе танцующего в потоках ветра огромного надувного Микки. Перенасыщенный ремикс компьютерной музыки заряжал воздух.

Мы оставили мотоцикл на стоянке и пошли туда, где больше света и больше музыки. Веселый ад карнавала обжег нас разноцветным пламенем. Пахло жареными каштанами, которые продавали китайцы, музыкальная дребедень закладывала уши, над входом в «пещеру ужасов» болтался на ветру пластмассовый скелет, вращались огромные чайные чашки с кричащими от восторга детьми, самолеты крутились в мертвых петлях, а в тире вместо мишеней висели портреты Саддама Хусейна. Снег с грязью хлюпал под ногами, ветер рвал паруса брезентовых крыш с флажками: Странно, но Дениса как будто не зажигала атмосфера праздника: Я купил тебе маленького плюшевого медвежонка, подарил на память об этом вечере. Я предложил прокатиться на «Колокольной дороге», предложил настойчиво и даже было потащил тебя за руку к аттракциону, но ты упрямылся, потом вырвался и как сумасшедший побежал обратно в аллею, не оглядываясь на мои крики. Я насилу настиг тебя в полутьме, рванул за рукав и увидел огромные глаза, полные слез: Слезинка катилась по румяной щеке, и мне захотелось немедленно слизнуть ее, горячую, соленую, живую: В полном недоумении я смотрел на тебя, обнял за плечи и осторожно погладил волосы. Ты зарылся лицом в мой свитер и еще сильнее разрыдался, только хрупкие плечи вздрагивали у меня под ладонями: Теряясь в догадках, я ни о чем тебя не спрашивал, боясь причинить еще большую боль неосторожным вопросом, но разгадка пришла сама собой, когда ты произнес, всхлипывая, только одно слово: «Папа:» Заикаясь от волнения, глотая холодный воздух, ты поведал мне историю того драматического дня, когда не стало твоего отца. Это

хорошо, что ты выговорился, выплакался в мой колючий свитер. Более того, рассказ о трагедии еще больше сблизил нас.

Смерть застала простого ассистента химической лаборатории в самом подходящем месте – в море огней и музыки, в земной модели ада с шестеренками, колесами, лебедками, искрящимися проводами и неоновыми лампами. Она любит карнавалы. Господин Семен Белкин умер на аттракционе в один из воскресных вечеров в Лунном парке, куда он привел сына достойно завершить уикенд. «Колокольная дорога» с резкими перепадами и стремительными виражами, с фантастической амплитудой наклона челнока в синих звездах оказалась его последней дорогой. Черный юмор судьбы сквозит в самом названии аттракциона, на который я так опрометчиво хотел затащить сегодня Дениса. Это был третий и последний звонок инфаркта химика Белкина, который наивно пытался проглотить в самый важный и последний момент жизни таблетку нитроглицерина, другой рукой обнимая сына и пытаясь улыбаться: Гремела музыка, и в первые секунды никто не слышал отчаянных криков предпубертатного лягушенка, в ужасе поддерживающего безвольно болтающуюся голову своего отца. Мертвую, бледную голову. «Остановите мотор! Дяденька, остановите!» Так кричит режиссер, недовольный отснятой сценой. Но жизнь не допускает дублей (поэтому всегда играйте талантливо, господа:). Мигалка примчавшейся «скорой» была как бы маленьким дополнением к большой иллюминации.

Электрошок.

Резинка трусов врезалась в пухлый живот: Тебе показалось, что по лицу отца скользнула улыбка: потом бесконечный вой матери, копейки на банковском счете, какие-то добрые старушки: Мама с тех пор пристрастилась к кодеиновому транквилизатору и живет как зомби, иногда покачиваясь на волнах веселой водки. У твоих сверстников – спортивные велосипеды, компьютерные игры, видеокассеты с кумирами, тряпье из последних каталогов, а ты одет в стиле благородной бедности и стесняешься появляться на

школьных дискотеках; ты немного одичал от замкнутости, легкой запущенности, ты был отрешен и задумчив. Мне хотелось расшевелить, разбудить тебя для жизни, да только жил ли я сам? Иногда меня настораживал твой долгий взгляд – взгляд в никуда, протрация. Подскажите, где купить мне руководство по общению с инопланетянами, чем их угощать и как развлекать? И возможен ли сексуальный контакт с представителями созвездия Аквариус?

...Ты играешь на уроке с моим плюшевым медвежонком, я делаю вид, что не замечаю этого, и продолжаю свой рассказ о Байроне. Несколькими годами позже, в Кембридже, я запрыгнул в фонтан, где купался лорд Байрон: классику все сходило с рук, а русского поэта конопатый экскурсовод стал пугать полицией. Несправедливо. Байрон водил с собой медвежонка на цепи, а поэту Найтову пришлось оставить своего взвизгивающего от тоски и одиночества пуделя в машине, в соответствии с туристической инструкцией, точно мой маленький друг был создан только для того, чтобы гадить на знаменитые лужайки. С тех пор я предпочитаю Оксфорд.

Римская мечта: учителя спят с учениками. А что в этом, собственно, такого? Можно понять по-человечески: Мне же за подобную изысканность вкуса будет светить луна сквозь решетку и заматеревшие урки по очереди сыграют со мной свадьбу. В случае неуместной строптивости мне ткнут шилом в почку или задушат подушкой, что само по себе, может быть, совсем и не плохо для жертвы группового изнасилования. Красная советская рожа с кокардой опять грозит мне жирным пальцем: «Эх и пиздец тебе будет, пидарас ученый. Вот ручка и бумага – пиши свою грязную историю:» Не кипятитесь, товарищ сержант, я все уже давным-давно написал, и более чем подробно. Если бы передо мной стоял выбор, кем родиться в будущей жизни, я, нисколько не колеблясь, хотел бы снова родиться геем в любом обществе и в любой эпохе. Свою перверсию я открыл (осознал) в школьном возрасте. Мне было 12 лет. Двумя годами позже я признался в любви своему первому мальчику, но мой избранник, вместо того, чтобы поцеловать меня,

врезал мне по челюсти. Зато следующие попытки были более успешными: Бог мой, в розовой юности я несколько раз влюблялся в девочек и имею порядочный гетеросексуальный опыт, но даже самая свежая и привлекательная нимфетка мальчикового типа не заменит мне грубоватого фавна с первым пушком над верхней губой и озорными глазами! Как я понимаю этих одиноких мужчин, подолгу смотрящих через ограду школьного двора как резвятся мальчишки – наверное, только я, своим особым зрением, и примечаю этих непростых прохожих. Некоторых я уже знаю в лицо и по-своему ревную к зверенышам своего заповедника: Но все мальчишки мне казались теперь слабыми отражениями, частными составляющими образа Дениса – иногда я замечал твой жест, твою улыбку у других, но это был твой жест, твоя улыбка. Я также осознаю, что подобные зеркальные ловушки весьма опасны для любвеобильной и нежнейшей личности, и было бы глупо думать, что я запечатал свою любовь клятвой верности, но с каким аппетитом вы стали бы хлебать суп после изысканного десерта? Я давно знаю, что там мальчишки прячут в штанах, как распаляет ураниста трагическая их недоступность, но на сетчатке моих глаз был навечно запечатлен дионисический Денис! Кольнуло в сердце. Это не стенокардия, а колючка дикой розы или осколок зеркала.

Чаще стал заходить в церковь. Сам не знаю почему – тянет туда, в обжитость и тепло. Видно, сердце покоя ищет. Отстоишь службу, помолишься: не о себе, не о себе, о своих покойниках и здравствующих: – и словно кто-то целительной ладонью провел по голове моей воспаленной, жуткой голове, продуваемой всеми ветрами. Старушка рядом пишет карандашиком имена своих ушедших: не поймешь, то ли плачет, то ли слабые глаза от старости слезятся. Хочется положить ей незаметно в карман денег или просто поклониться ей, больной, неграмотной. Попробуй объясни ей, как ты мальчишек любишь – не поймет, перекрестится. И другое: вот, вроде бы, исповедь пишу, а нет раскаянья, только гордыня и бравада, точно пустыми гирями перед публикой жонглирую. Вот и старушке хотел

было поклониться, а не поклонился. Боишься, что не поймут. Гордость. Вот и ходи петухом со своей гордостью, пока тебя не ощипали.

Помнится, задолго до «беличьего периода» переспал я как-то с одним парнем из Непала, а утром он и расставаться со мной не захотел, все повторял: «Фахми хороший, Фахми тебя любит:» Я не спорил, что «Фахми хороший», но отказал ему в будущем свидании. Он сказал мне со злости, что наградил меня СПИДом: Куда пошел мертвенно бледный Найтов, забывший о преимуществах безопасного секса? В церковь приполз, перед святителем Пантелеймоном на коленях стоял, забыл про гордость, потом весь год анонимные тесты проходил – нет, полный негатив! А может, ангел-хранитель хорошо работает?

С некоторых пор я уже не расстаюсь со своей «Минойтой», пытаюсь запечатлеть твою мимолетность, стремительность. Твоими фотографиями завален весь стол, а вот один из любимых снимков: ты стоишь широко расставив ноги в стороны и держишь руки в карманах. Наклон головы, улыбка, лукавый прищур, челка сбилась набок... – все-таки ты позируешь мне, дьяволенок! Но это хорошо. Бугорок на брюках – рельефный не по возрасту, как у балетного танцора. Есть в тебе что-то от уличного Гавроша, милая клоунада, бойкость, мальчишество в чистом виде. Мальчишка мой, мальчишка, держи свои штанишки: Ну кто скажет, что я извращен, если ты так безнадежно прекрасен? У меня в крови вирусы твоей красоты, кружится голова от разлета твоих бровей! Пусть это глупо, но я хотел бы, чтобы Денис навсегда остался подростком.

Я стою в коридоре и смотрю из окна, как вы героически гоняете мяч на школьном дворе. Мысленно приказываю тебе посмотреть на меня – опять чудо! ты неожиданно обернулся и помахал мне рукой! Жаль, что трансфокатор моей камеры не может взять тебя крупным планом. Кусаю губы от досады. Кто-то вкрадчиво похлопал меня сзади по плечу (терпеть не могу вкрадчивых жестов, в большинстве

случаев они недружелюбны), я обернулся и увидел мумифицированную историчку в загробном сером пиджаке с накладными плечами: «Кого это вы так старательно ловите своей сложной оптикой, Андрюша?» Я быстро нашелся: «Да вот, хочу сделать хоть какой-нибудь снимок в стенгазету, она без снимков как слепая:» Мумия понимающе закивала, показала золотые зубы под переводной картинкой фальшивой улыбки. В таких ситуациях мне почему-то всегда хочется совершать немотивированные поступки – вот схвачу я ее сейчас за отвислую грудь, подавляя отвращение: Какой ужас! Но особенно тошнотворно жить в мире женских запахов, меня уже мутит до головокружения от менструальных ароматов. Апофеоз адского наказания Найтова: выпить стакан теплого женского пота, благоухающего заматеревшей козлятиной. Бр-р-р: Ад пахнет женщинами. Наши поэты бредят Незнакомками и Прекрасными Дамами. Бредят призраками. Но вы только представьте Прекрасную Даму в утренних бигудях на кухне, с похмельным стаканом выдохшегося вчерашнего пива, которым она залакирует пару противозачаточных таблеток перед стиркой, перед очередью за хлебом, руганью, матерщиной – какая еще «шляпа с траурными перьями и в кольцах узкая рука»? Заштопанные колготки, турецкие панталоны, волосы, выравненные ядерной смесью, гнилостное дыхание с табачным перегаром, сапоги только что из ремонта: Мужчинка у нее худосочный, с увеличенной печенью и беременным животом, член стоит на полшестого, щелкает щетовидкой после чернобыльского ветра:

Подростки ходят одичавшими стайками, косяками. Я не знаю, к какой стае ты принадлежал, кто оставлял тебе докуривать сигарету и плескал в граненый стакан дешевого вина, но я хорошо представляю твой имидж в той среде погружения. Разговоры о девочках и о сексе, вымышленные подвиги. Гиперсексуальность. Никто не признается в том, что занимается онанизмом, но все дрочат свои членики, мучительно сомневаясь в полноценности их размеров. Припухшие железки уходящего детства, поллюции, первые мысли о

самоубийстве. Ты научился дремучему мату, но в твоих устах матерщина звучит просто забавно, не по-настоящему, зато ты уже умеешь по-блатному сплевывать сквозь щелку двух верхних заячьих резцов и носить яркую бейсбольную кепку козырьком назад, прыгать на роликовой доске: Не ваша ли банда выдоила все телефонные автоматы в рабочем районе? Какой сластена вырвал коробку с мороженым у уличного торговца? Кто изрезал сиденья в автобусе, опрокинул все урны? Откуда же этот поразительный, разрушительный блуд, это скопище мелких бесов на раздвоенных копытцах, беснующихся в вечерних огнях маленького города, забытого Богом? У нас скучно – то ветер дунет, то дождь, то снег пойдет. У нас грустно – плывут куда-то огни по реке, плывут куда-то: Чувствуешь, что давно застыл в янтаре прошедшей осени; время мое густое, затвердевающее, тягучее. Так засахаривается в меду пчела. Я иду по городу, и слякоть хлупает под моими ковбойскими сапогами. Как меня занесло в этот город? Как ты заблудился в пространстве и во времени, безумный Найтов? Иногда вспоминаешь пушкинское? «Догадал же черт с умом и с талантом родиться в России», прибавлю – к тому же, и педерастом: Вырос вот в здоровой советской семье, как бледная поганочка среди красавцев-мухоморов с красными звездами на шляпах. Юность? Все ночи при лампе и тетради, смутные кухонные разговоры в удушливой атмосфере искусственного освещения, сползаются колченогие уродцы, улыбаются кариесными ртами и убегают с радостным визгом соответствия окружающему. Коррозия сожрала мою любовь. Дороги обманчивы как болотные лужайки. Санта-Клаус разносит клюкву на Рождество. Сексуальное большинство еще может полакомится женскими сосками под малиновым сиропом – вкусно и питательно. Но порох в моих пороховницах уже не может спать спокойно до времени – так хочется бабахнуть или, хотя бы, окончательно отсыреть. Люди в сером. Все это скучно, как и вся русская проза. Сам не замечал как спивался: жрал говно и запивал суррогатной гидролизной водкой, а на последнем курсе университета дошел до

жидкости после бритья. Жил как трактор – только на горючем. Народ вокруг тоже спивался, и я гордился, что был заодно со своим народом. По утрам кирпич в голове, резкий невыносимый утренний свет и обоссанные пивные ларьки. Махнул рукой на себя и на действительность. И утешало, и тревожило одновременно то, что мои милые карнавальные друзья спивались вместе со мной то ли из солидарности, то ли, как Гелка, от тесноты души в тесном нереализованном теле. Люди не спиваются просто так. Кем я хотел стать? Литератором? Да хоть скотником на ферме, и то это не было бы жертвой ради литературы, а скорее, жертвой во имя сельского хозяйства. Ха! Писать, писать, писать – казалось бы, единственный выход, но уже тошнит от белизны листа, и любой текст кажется реакцией на отравление денатуратом, выработанным собственным организмом: Есть еще мои любимые книги. Но что книги? «И не будет в тебе уже никакого художника и никакого художества:» Сам себя ненавидеть стал, и в Церковь давно проник дьявол, разит от святой воды его сероводородом. Порой, проснувшись поутру, хотелось снова закрыть глаза и уже не просыпаться больше. Вдруг почувствовал себя строчкой, вычеркнутой из повести, которую сам же и написал. От спазмов отчаяния временами терял сознание, неделями не выходил из своей берлоги, пил и слушал «Патетическую», разбивая пустые бутылки об стену. Но всемогущий Найтов, ты нашел в себе силы очистить авгиевы конюшни своего подсознания! Молодец! Выбрался из этого ада. Точнее, я сформулировал этот кризис, изучил его самым внимательным образом и поставил точку! А остальные продолжают перемалывать российское свинство в питательный компост.

Задумываюсь порой: кто герой нашего времени? Смешно думать, что это новый Хлестаков, селфмейдмен, предприниматель, фермер или мальчики, приехавшие в бар на тачках с западных автомобильных свалок. Правда, некоторые из них вызывают умиление с точки зрения моей лунности, но, в основном, остаются гадливые чувства. Хочется вечно праздновать весну:

:а ведь пройдут года, и ты уже не будешь желанным гостем на пиру юности. Ты станешь мумией с чувственными губами, мудрым как змея, богатым и брезгливым. И тогда твой юный Адонис будет прибегать к тебе за очередным щедрым гонораром, а ты будешь говорить соседям, что это твой племянник. Не забудь пристегнуть подтяжки, добрый дядюшка. Но ведь это я, я, блистательный Найтов, и есть герой нашего времени! Возгордившийся падший ангел, вечный подросток, актер и фокусник, шоу-мен из низших миров, безумный Калигула, коварный соблазнитель: Но еще мерцает огонь в твоих склянках с ядом, провинциальный аптекарь! Как уверенно твоя рука держит теннисную ракетку, и ты опять вчера обыграл своего мальчишку, дав ему щедрую фору для затравки: А ведь Денис не из слабых игроков во всей школе. Зачем ты влюбляешь пацана в себя? Не претендуешь ли ты на вакантное место отца в его жизни?..

Раскрасневшийся и вспотевший после игры, раздосадованный проигрышем, Денис сорвал со лба белую повязку и с обидой посмотрел на меня, смешно наморщив лоб. Мне стало жалко ребенка, но я не знал чем компенсировать твой проигрыш, у меня с собой только несколько ободряющих слов и банка «Коки». Ты пьешь жадно, большими глотками, запрокинув голову; на тонкой мальчишеской шее уже обозначился остренький кадык. Белые спортивные трусы особенно подчеркивают красивые загорелые бедра, и я готов упасть перед тобой на колени и целовать твои обветренные руки и старенькие кеды.

Наши теннисные партии становятся регулярными – в спортивном зале, после уроков. Мы проходим в раздевалку, чтобы переодеться, и я чувствую, что могу не выдержать очередное искушение. Под твоими трусами – зеленые плавки с якорьком и мокрое пятнышко на бугорке (как не встряхивай член после мочеиспускания, все равно последняя капля остается). У меня опять поднимается. Быстро запрыгиваю в брюки, и руку в карман. Электричество страсти пробегает мурашками по спине. Ты долго причесываешься у зеркала,

искоса поглядывая на мое отражение. Боже, неужели ты не замечаешь, что я безнадежно люблю тебя?! Люблю!

Я опять подбросил тебя до дома и, набравшись смелости, предложил сразиться в воскресенье в спорткомплексе. Ты закивал головой и внимательно посмотрел мне в глаза: Я смутился: быстро выжал газ.

Вечером долго стою у зеркала, растирая мимические морщинки возле глаз коллагеновым кремом. Чужое, бледное лицо спектрального двойника с яркими, точно накрашенными, губами. Лицо манекена из бродвейской витрины, вычисленное компьютером по принципу наибольшей сексапильности, заводная кукла с резиновым вибратором. И не то чтобы это мужское лицо, это, скорее, лицо маскулизованного андрогина, бесполого танцовщика из кабаре – подвел брови и загородил половину лица китайским веером. Получилось интригующе. Очень, очень стилизованно. Вот только бы еще изменить цвет глаз, поставив голубые контактные линзы: Но у тебя и так красивые глазищи, Найтов, скажи спасибо генетическим метаморфозам: Все равно я исчадие ада, иначе откуда этот демонический магнетизм в глазах?

Посмотри внимательно на двойника.

Положи веер на место.

Сколько тебе лет, лунный человек? Тысяча? Две?

Это твой конь в парче и меди въезжал в Рим через триумфальные ворота?

Тебя сожгли на костре в Шотландии? Ты помнишь длинноволосого юношу с моделью парусника и циркулем?

Это ты обвешался веригами в итальянском монастыре и все равно грешил с послушником?

Неотразимый бармен на «Титанике»?

Китайский фокусник?

Французский актер-алкоголик?

Немецкий офицер, истязавший польского мальчика?

Архитектор садов, сожранный раком печени?

Молчите. Молчите, милые сволочи. Заткнитесь! Идите в ад, я Андрей Найтов, учитель, я не знаю вас, это кровь бормочет безумные стихи, моя структура трещит по швам, и я даже боюсь расстегнуть пуговицы на рубашке! Но клоун в зеркале подмигнул подкрашенным глазом: «Это даже удивительно, как такое слабое, маленькое и безвольное существо может тащить за собой этот угольный поезд жуткой кармы? Он думает, что безотчетно влюблен, но ты обманешь своего мальчика и с радостью бросишь его ради дорогих одежд, денег и спортивных автомобилей. Но зачем тебе все это, если чудовище выжрало тебя изнутри? Будет у тебя хороший счет в банке, талантливый педераст, но не забывай о главном счете, который увеличивается с этой минуты».

Я закрыл лицо ладонями: потом смахнул рукой с туалетного столика всю свою парфюмерию, сломал веер и губной помадой перечеркнул зеркало крест на крест. Мне стало жутко. Захотелось крепко выпить и уснуть, как в детстве, как в шалаше летней ночью, обнимая хоть кого-нибудь: Спокойно, это ржавый ночной звонок невроза. Это от одиночества. Это мужчина в период фрустрации и воздержания от напитков. Достань слайды, посмотри голландские пейзажи: или лучше Нестерова (без шнурков и бритвы, пожалуйста).

Меня спас Рафик. Правда, он завалился сегодня не в лучшем своем образе: трезвый, злой, избитый. Приполз зализывать раны и поплакаться. Фингал под глазом, пластырь на рассеченной брови. Мне сразу же стало все понятно:

– Приставал к кому-нибудь? – Рафик что-то промычал в ответ, оттопырив распухшую нижнюю губу. – Хорошо тебя разукрасили: Как абстрактная картинка. Сразу видно, что били мастера. Кто?

Рафик не снимая куртки бухнулся в кресло, неторопливо закурил и, морщась от дыма, попросил выпить чего-нибудь. Он залпом ополовинил стакан водки, занюхал мандарином и только тогда неспешно поведал историю, как его с нейрохирургом Бертеновым высокохудожественно избили поджарые юноши на дискотеке:

– Андрюша, милый, как я не хотел туда идти! Но хорошо, что живыми остались. Звонит в пятницу этот ебанный клоун, говорит, «хочу молодого теплого мяса, собирайся на охоту:» Вот, бля, поохотились: Пьяные, конечно, были в жопу. Этот старый хуй начал подростка обнимать, а его стая нас под руки – и в туалет. До сих пор кровью харкаю, старик тоже дома отлеживается: Вот. И на работу не выйти, и в милицию не заявишь, нам же хуевей будет:

Я как мог стал утешать Рафика и даже выпил с ним за компанию. Мы опять ударились в воспоминания, потом долго по очереди трепались по телефону с Бертеновым, которому было не до сна. На прощанье Раф опять скривил разбитые губы: «Вот и поцеловать тебя не могу:» Глаза его были полны пьяных слез.

* * *

Обычно я люблю рассказывать собратям о своих новых любовниках, в том числе, и о потенциальных, люблю наблюдать, как расцветает и чужая любовь, но сейчас суеверно и инстинктивно прятал бельчонка от случайных взоров. Даже на имени твоём лежит табу, и мне иногда сложно его вымолвить. Не всякий оператор

найдет ключ к этой программе, в системе защиты которой запрограммировано великолепное саморазрушение: Моя болезнь в новейших справочниках могла бы именоваться «синдромом Найтова», ей более всего подвержены артистические натуры с ветхим сознанием и с пробитым половым центром. Синдром обычно переходит в стадию ремиссии, но и в этом случае наблюдаются сезонные обострения. Весна и осень. Где я подцепил этот веселый школьный вирус? Да если бы твоя красота не была заразой, я бы к ней и не тянулся. С самого начала этого учебного года я был неизлечимо болен, господа, в полном соответствии с медицинскими выкладками. Более того, мне этот мир был неинтересен без Дениса.

Золотая рыбка саксофона ныряет в темноте прошлого. Где-то я уже слышал эту мелодию. «Не плачь по мне, Аргентина». Кажется, да. Почему приходит это одинокое соло – сам не знаю. Вот Рафик приполз, исповедался, а кто примет мою исповедь или, хотя бы, не примет ее? Кажется, я становлюсь непристойно сентиментальным. Слезы близко, но снег и так идет мокрый, хлопьями, хлопьями, хлопьями: медленно так падает снег.

Утром подморозило. Лед и солнце. Божественное утро. Музыкальные трамваи сыпят искрами на морозе, точно снимая ток с рассеянных дымчатых облаков, похожих на беличьи шкурки. Кажется, даже пар моего дыхания приобретает очертания Дениса; и если бы тебя не было на свете, мне кажется, что я мог бы материализовать твой образ титаническими мысленными усилиями, я бы вылепил тебя от пяточек до макушки, как гениальный ваятель. Давно заметил, что слова – довольно грубый материал, они не могут отразить всех оттенков моих чувств. Вероятно, я слышу просто симфонию: От радости скорой встречи с тобой захватывает дух, арлекины предвкушают аплодисменты, суетятся парикмахеры, костюмеры и гримеры, режиссер рассматривает публику сквозь щелку занавеса. Неужели все, что я берегу для тебя – только театральное действо с фольгой и картонными звездами, с лазерной графикой и громоздкими декорациями? Представь, Денис, что все

арлекины смыли грим. Странно? Успокойся, один из них настоящий, и он никогда не откроет лица. Краска не смывается. Вот он бежит за мной вприпрыжку со свежими розами, обалденными розами премьеры, он вдребезги пьян, ему совсем не холодно в легких серебряных туфельках. Боже, как я молод и счастлив! Как кружится голова от новых сюжетов, каждый из которых – незаслуженный, огромный подарок! Ты даешь неизмеримо больше, чем я прошу.

Я тороплюсь в спорткомплекс «Орион» своей легкой походкой, и если бы сейчас кто-нибудь спросил, сколько мне лет, я ответил бы с ходу: «Мне четырнадцать лет». Мне четырнадцать лет!

2:0. Твои подачи. С какой поразительной злостью ты подбрасываешь мне крученые мячи, ушастый чертенок, если бы так же бойко ты разобрался с окончанием глаголов: Листал бы учебник, а не порножурналы для дядей и тетей с вибраторами. Береги свое драгоценное семя, не оставляй золотую пыльцу на сорняках.

3:0. Твои подачи.

3:1. Хорошо, что окно в сад было раскрыто.

Партия закончена. Ты торопишься в душ, перемахнув через плечо розовое полотенце. Я теряюсь и долго роюсь в своей спортивной сумке: Денис прошлепал в душевую в плавках – значит, стесняется или комплексует размером своего члена, все мальчишки в этом возрасте особенно стеснительны. Чувствую, как горячая кровь приливает к чреслам, но усилиями воли стараюсь не дать своему старому другу проснуться. Как я хочу тебя! Чтобы ты кричал и плакал, взмахивал беспомощно руками как птица крыльями: Я тебя так выебу, как никто никогда не выебет тебя. И это нужно сделать! Я напою тебя морским ромом и трахну на палубе, как трахает юнгу выдавший виды боцман в наколках: я знаю, что больно, но кто-то должен быть первым. Я хочу обладать красотой, твоей красотой, и я ни с кем не хочу делиться таким сокровищем. Я один съем тебя, выпью тебя, я хочу насытиться тобой, наполниться тобой, выпить эту чашу, полную багряного яду и теплого семени. Я буду долго целовать тебя, твои обветренные припухшие губы, соски, плечи (родинка на

левом), бедра, колени, выпью твое дыхание, сглотну твои слезы, языком обведу твои брови, мозолистыми ладонями скользну по крутым ягодицам и, забывшись в запахе мальчишеского пота, буду обладать млечным телом, дрожащим, испуганным: слабым, сладким телом. Я люблю тебя, лобастый мальчик. Я люблю тебя. Я хочу тебя. Я всегда хочу быть с тобой.

...Пар в душевой. Я вижу только очертания твоего тела и плавки, перекинутые через спинку кабины. Мой член напрягается, и я успокаиваю его безотказным средством – окатываюсь холодной водой. Радужные огни святого Эльма вокруг лампочки. Хлещет кипяток из пробитой трубы, бьет пар, и мы в облаках и радуге, сейчас взлетим в другие облака, в поток света и музыки, прикрыв чресла махровыми полотенцами: и падает жемчуг на мрамор, звенят капли фонтана – там, вдалеке, римские термы, золото, витражи и библиотеки, пышная зелень и плетеные кресла, там Пилат еще не осудил Иисуса, два арапчонка играют в бассейне с огромной черепахой, а грузный законник лениво наблюдает за их игрой, перебирая толстыми пальцами атлантические кристаллы; вино давно не веселит его, а только ненадолго утоляет головную боль; негритенок растирает гвоздичным маслом его атрофированные ноги с разбухшими венами; едва заметным жестом он приказывает трем флейтистам прекратить игру, и, когда умолкают флейты, он мучительно вспоминает забытое имя, вот-вот приобретающее звуковую оболочку, но опять досадно ускользнувшее; он смотрит на трещину в мраморном полу – даже камень не вечен; опять нахлынула волна боли, на левой щеке покраснел шрам; мальчик вышел из бассейна, встряхнул мокрые кудри, с глупой улыбкой посмотрел на растерянных флейтистов и рассек ножом сочную дыню; Млечный сок брызнул в лицо, белые голуби улетели в сад через нишу; солнце осветило витраж, разноцветные блики запрыгали на мраморном полу; пчела зависла над дыней, точно время остановилось на секунды:

Я заметил за тобой способность копировать классические античные позы. Вот ты сел на скамейку в раздевалке, пытаешься рассмотреть ступню (наступил на осколок в душе?) – сидишь точно так же, как тот мраморный бегун, вытаскивающий занозу. Я выудил из сумки «Минольту», но ты смутился и быстро стал застегивать рубашку. Я сделал вид, что вовсе не хотел фотографировать тебя, и стал перематывать пленку.

В этот момент в раздевалку завалился brutальный орангутанг с волосатой грудью, быстро снял потные штаны, похлопал себя по голым ягодицам, встал на весы, почему-то присвистнул и прошел вразвалку в душевую. Удивительно, что все эти качки обладают весьма скромными приборами, вот и у орангутанга член с гульки хрен, затертый и почерневший, совсем утонувший в рыжих зарослях. Другое дело у меня:

На выходе я хлопнул тебя по заднице зачехленной ракеткой. Ты обернулся и подарил мне улыбку. Я просиял.

Долго сидим в кафе, пьем кофе с пирожными, болтаем о глупостях, о милых мелочах, которые важнее любых известий о катаклизмах и политических распрях. Мне безразлично, что будет с Россией, мне все равно, в какой стране жить и на каком языке говорить, но только бы на языке любви и с ним, с Денисом, с испуганным бедным мальчиком с оборванным детством: Не накручивай, Найтов, ты же еще сиротливее и несчастнее, от твоего одиночества веет звездным холодом, ты никак не докричишься до Бога, да и нужен ли тебе Бог, если молитвы твои отравлены; позволит ли Господь отдать в твои обманчивые объятия невинное существо с огромными глазами, какими добродетелями ты прикрываешься? Но в достаточной ли степени любовь животное чувство? Нет, она у меня чистая-чистая, как кристалл, эфир, чистый дух: Хорош же чистый дух с таким хуем и садистскими замашками! «Уж лучше бы надели ему жернов на шею и бросили в реку:» Это о тебе сказано, маньяк в учительской тоге. Как бумажный кораблик, тебя унесет из мира судным ветром, ибо только до времени кое-кто терпит твоё пустословие, но не сокроешь

помыслы свои в тайниках, не замкнешь в сейф и не выбросишь ключ в море, и сам в пучине не скроешься, ибо исторгнет тебя всякая бездна, и не найдешь пещеры где укрыться, когда призван будешь. Захочешь умереть, и не умрешь, и на всякий яд найдется противоядие. Сам увидишь, как ад в последние дни заполнится юношами, но найдешь ли среди них Дениса, когда будешь метаться в толпе с обгоревшим лицом и страшными язвами?.. Не надо, не надо, мне страшно, где мои арлекины, где свежие розы и шампанское? Я хочу праздновать жизнь! Я хочу быть на этом празднике с бельчонком, жить им и ради него, быть до конца верным, счастливым, любимым. Я хочу жить, как хочется. Впереди огни, музыка, деньги, вино, вилла в Испании, яхта, лошади, гольф, я уже слышу звуки и запахи новой жизни!

...Денис что-то лепетал, облизывая с губ мороженое и крошки, но я не слышал его. Не слишком ли долго мой арлекин дожидается в примерной моего выхода? Ну придумай же что-нибудь, Найтов, ну сделай что-нибудь, пока историю вашей любви не превратили в грязный госсип, пока не перетряхнули твои простыни при понятих, пока провинциальная сенсация в типографской краске не пошла гулять по миру, оболганная и изнасилованная: Но не путай людскую мораль с Божьей моралью, ибо сказано апостолом: «Нет ничего в самом себе чистого или нечистого, только почитающему что-либо нечистым, тому нечисто».

Я не могу более скрывать и утаивать свою любовь, да и можно ли утаить солнце? Нету такого места, не правда ли? Мне тесно и больно, остановите землю.

...Я накрыл своей ладонью ладонь Дениса. Он отдернул руку, спрятал ее под столом, растерянно моргая и оглядываясь по сторонам: «Что с вами, Андрей Владимирович?» Я грустно улыбнулся: «Прости, я задумался о своем, забылся:»

Я пригласил его к себе посмотреть слайды с острова Валаам, где прошлым летом я пугал монахов своей пьяной рожей, приставал к ним с заебистыми вопросами, но снимки получились отличные.

Залив. Монастырь. Сирень. Купола. Одухотворенные лица с необъяснимой радостью.

Облака.

Облака.

Стрекоза на желтой кувшинке.

Старые лодки и два отрока.

Чайка на камне.

Облака.

Плющ на кирпичной стене.

Колодец с иконкой.

Закат. Опять облака.

Стреноженная лошадь.

Огни на ночной реке.

...Бельчонок опять уплетал заранее приготовленное для него мороженое со сливками и свежей клубникой – ты удивлялся, где я раздобыл клубнику в начале зимы, но это было моей тайной. Конечно, ягоды были свежесамороженными – может быть, как и мои чувства к тебе сейчас, по прошествии нескольких безумных, горячих лет: Поджав под себя ноги, ты устроился на полу, просишь задержать слайд с лошадью. Коняга смотрит на тебя грустными глазами – старый, со сбитой холкой и ободранными боками: Потом ты спрашиваешь меня, почему я так часто запечатлеваю облака – закатные, чернильно-грозовые или в утренней акварели, с едва заметной радугой, дымчатые и контрастные, рассеянные, барашковые, расстрелянные: Я не знаю. Мне хочется это делать снова и снова, я не встречал в этом мире ничего интереснее; мне легко в облаках и свободно, там свет, там ветерок и покой, чайка и ястреб, обгоревший пропеллер, там другие миражи и ликующие души, ветер и флейты, золотые арфы, хоры и воздушы: Облако, а за ним слон и черепаха, но через секунду черепаха станет небесной собакой, потом чьим-то профилем.

Закрываю глаза.

Детство.

Волга. Цветной коробчатый змей натягивает леску, заметался в облаках, я привстаю на цыпочки, но все равно не могу оторваться от земли.

Там живут бабочки и Бог.

Божья коровка ползет вверх по высокой травинке. Порыв ветра. Шум деревьев. Сухие листья падают в лужи, в которых тоже отражаются облака.

...Я скрутил экран и не знал, чем еще развлечь тебя, снова осознав с грустью, что я не фокусник и не волшебник. Да и что есть в душе, кроме старой целлулоидной пленки гомосексуальных фантазий с сентиментальными детскими реминисценциями? Вот ты сидишь рядом, стучит твое воробьиное сердечко «тук-тук-тук» под старым свитерком, ждешь чего-то от меня. И все же ты предпочел провести это воскресенье со мной, а не с каким-нибудь дружкой по петтингу. С ума сойти, целый день твоей жизни посвящен мне – ну чего лучшего можно мне сейчас желать, кроме как свободно и спокойно наслаждаться твоим обществом, так сидел бы и смотрел бы на тебя вечно. Райская награда – стоять перед тобой на коленях, в слезах и розах, целую вечно.

Я поднимаю шторы – садится зимнее солнце, и комната оранжевая, в розовых брызгах. Мур заигрывает с тобой, просит игры и ласки, и он чутко считывает твое подсознание, как все кошки. Я устраиваюсь вместе с тобой на полу с пачкой твоих снимков и прошу выбрать самый понравившийся – наши предпочтения совпадают, ты выбрал «Гавроша» (в полный рост, расставленные ноги, наклон головы и озорная улыбка).

В качестве игры предлагаю тебе другой тест, и ты долго думаешь над моими записанными вопросами. Вот этот измятый документ, твои несколько раз обведенные буквы на обратной стороне моей старой почетной грамоты за лучший результат по стрельбе на университетских соревнованиях:

Любимый герой – Маленький Принц.

Момент наивысшего наслаждения – преодоление непреодолимого.

Материализованный образ страха – зубо врачебное кресло.

Любимое животное – дельфин и лошадь.

Устойчивая сексуальная фантазия – На этот вопрос ты не ответил и, покраснев, вернул мне ручку.

Зато в тот же день я узнал поразительную историю твоего появления в этом мире. Оказывается, мама родила тебя в поезде «Варшава-Москва» на три недели раньше срока. Она как раз возвращалась из военной части, дислоцированной на польской территории, где в то время служил твой отец, Семен Белкин. Совершенно поразительно: пограничный город Брест только формально считается местом рождения бельчонка, ведь его розовые ножки забарахтались еще на польской территории: Феи с дарами слетелись в тот благодатный день в морозном купе грязно-зеленого состава с пьяными проводниками, и заспанный таможенник с фонарем долго не мог понять, почему имя человечка не внесено в заграничный паспорт матери и, вероятно, долго сомневался, имеет ли право безымянный, никем еще не зарегистрированный новый гражданин с ближнего Запада проезжать на территорию СССР. Все эти проблемы разрешила бригада «скорой помощи», подъехавшая на перрон, чтобы немедленно госпитализировать и чудесного младенца, и роженицу с чудовищным кровотечением. Видно, волхвы и пастухи шли слишком медленно за твоей рождественской, ярчайшей звездой и, наверное, до сих пор ищут тебя, чтобы вручить подарки. Но ты носишь в портфеле моего медвежонка, грустного и теплого: Неспокойно в созвездии Аквариус, куда совсем недавно залетела ослепительная комета Найтова, ныряющего в черных дырах твоего сознания.

Я поставил компакт-диск Эдит Пиаф – ты сначала поморщился, но уже через несколько минут забылся в трагическом хриловатом голосе, потерялся с цветным зонтиком и в рваных джинсах в огоньках старого Парижа пятидесятых, сунул руки в карманы и

подошел к окну; в закатном солнце твоя белобрысая челка стала апельсиновой. Мягкий, пастельный закат. Грустная улыбка арлекина с ямочками на щеках. О чем ты задумался?

Я подошел к тебе сзади и осторожно обнял за плечи. Ты вздрогнул, но не вырвался из неловких объятий. Сердце дикого бельчонка стучало часто-часто, и ты задержал дыхание: Я уже почти не принадлежал себе, я убежал от себя, забыл себя и свое имя, и город, и улицу: в моих руках находилось теплое, светлое, крылатое и необычайно нежное. Детское и наивное: Я поцеловал тебя сзади, в ложбинку на шее – даже не поцеловал, а скользнул обветренными губами по едва заметному пушку. Ты опять вздрогнул, натянулся как струна и повернулся ко мне лицом. Мы долго смотрели друг другу в глаза. Твои – морские брызги, мокрая листва, сочная зелень на солнце, в них недоумение и трезвый хмель. Свет любви, безотчетной, простой и человеческой. Я прижал тебя к себе. Ты весь дрожал и прятал лицо в мой свитер, от твоих волос пахло ромашками и летом. Я чувствовал, что тебе немного страшно, как на краю перед бездной танцующих звезд, и если твой страх материализовался бы сейчас в старое зубоврачебное кресло, то я непременно усадил бы тебя в это холодное кожаное кресло – голого, пристегнул бы ремнями и наручниками к поручням и включил бы яркую лампу: Денис крепко обнял меня, но сначала не давал поцеловать себя в губы, отворачивал лицо, точно боялся «преодолевать непреодолимое», но через мгновение уже сам, САМ поцеловал меня в губы. Я прошептал в горячее детское ухо: «Денис, мальчик мой: бельчонок, я: я люблю тебя».

Я сел в кресло, и ты запрыгнул ко мне на колени, возбужденный и разругавшийся, укусил меня осторожно за ухо (где ты научился этим изыскам?). Долго путаюсь с твоим ремнем: Ты улыбнулся, сказал: «Все равно не расстегнете, эта пряжка очень хитрая,» – и сам помог мне. Я спустил твои старые брюки, и когда я крепче сжал твой горячий член, ты прикусил нижнюю губу, закрыл глаза и запрокинул голову. Потом – твой глубокий, терпкий мальчишеский поцелуй. Я не

знаю, сколько миров сгорело во мне за эти бесценные минуты: Боюсь просить тебя о большем: точнее, не хочу брать сразу все. Но безумный Найтов, вместо того чтобы одеть ребенка и проводить домой, спросил чужим охрипшим голосом: «Может быть: в спальню?» Ты сглотнул, закивал головой. Я взял тебя на руки: И наше отражение в зеркале: ты болтаешь ногами со спущенными брюками, рубашка наполовину расстегнута, а у меня почему-то умное и серьезное лицо. В спальне я полностью раздел Дениса, оставил только белые спортивные носки, которые еще больше распаляли меня. Экстаз был священным. На стене в мягком свете ночника танцевали наши тени, в комнату вдруг ворвалась весна с первыми бабочками, арлекины с фарфоровыми колокольчиками стояли вокруг кровати. Я взял губами твой крепкий член, и ты забился головой о подушку, широко расставляя ноги. Ты стонал и глубоко дышал. Я лепил твоё тело заново, как безумный скульптор, – выравнивал рельефные бедра, скользил по упругим ягодицам, сосчитал языком каждую родинку на твоём теле и все семь швов после аппендицита. Длинные ресницы щекотали мою щеку; я пил твоё свежее дыхание. Я вскрикнул, когда ты схватил горячей вспотевшей ладонью мой член и, не дождавшись разрешения, запрыгнул на меня и стал повторять мой сценарий. Я даже подивился такой прыти и попросил не торопиться, но Денис уже не слышал меня: Иногда ты вздрагивал и бил ногами по кровати, точно плыл в безумном кроле: И мы кончили одновременно – стрельнула пробка шампанского, воздушные шары взлетели в весеннее небо. Я никогда ещё не испытывал такого яркого и глубокого оргазма, выдоившего меня почти без остатка. Даже волоски на руках стояли дыбом, теплые волны пробегали по телу. Ты сглотнул мою сперму. Я чувствовал горячие брызги на своих бедрах. Измученные, утолившиеся друг другом (хотя и ненадолго), мы забылись в объятьях, провалились в облако опустошенного блаженства как сытые волчата, только что напившиеся теплой крови. Переплелись наши руки и ноги, переплелись две цепочки с

позолоченными крестиками, ты смешно сопел мне в ухо, как простуженный ежонок, продолжая сжимать мой обмякший кок.

* * *

С трудом верится, что это был не сон. Подушка еще пахнет тобой, даже полотенце на кресле можно сдать на судебную экспертизу. У меня воспаленно яркие губы, я счастлив и обеспокоен. Это особое беспокойство, с фантомной сердечной болью, с легким раскаянием. Раскаянием? Это то самое состояние, которое я бы назвал перегаром греха, греховным похмельем, прозрением после карнавала. Так одна блудница в казарме под утро удивилась звукам последнего архангельского трубного зова.

Хорошенькая картинка: утро совратителя. Вот совратитель невозмутимо бреет щеки, чистит зубы, повязывает яркий галстук; совратитель небрежно бросает в кейс тетрадь с сентиментальным сочинением жертвы, ловит такси на углу своей улицы, и в кабине пахнет трупом (вот и еще один кармический узелок на память об Алисе, дорогой Найтов). Я чувствовал свою скрюченную душу как беременная баба своего эмбриона: делать аборт слишком поздно, и нежелательный младенец уже бьет от нетерпения ножками – проколоть бы живот тонкой спицей, чтобы не дрыгался: Увядшая душа, что хочешь ты от меня или чего не хочешь? Не скоро еще тебе на свободу, и не то чтобы хочется благоговейно отпустить тебя как почивший попик, но выблевать в туалете европейского борделя, или хотя бы сдать на время в камеру хранения, уж ты-то помнишь свой трехзначный номер.

Моя рожа в автомобильном зеркале – самодовольная, невозмутимая. Таксист и не подозревает, что везет мешок с дерьмом. Вот, кстати, таксист какой-то, алкоголик, руки в наколках, базарный фальшивый перстень на безымянном пальце, невымытые волосы, а все равно этот тип к Богу ближе, дал Он ему жену и красивых детей, род

продолжается, бунтует материя, кипит жизнь! А ты, бледный лунный мечтатель, – выродок, змеиное семя, последний представитель своего рода. Мудрый как змея, но нет островка спасения. Библиотечный чертик. Дьявол любит начитанных слуг и награждает их ядовитым чувством юмора, и все семя твоё не для новой жизни, а на алтарь Сатаны, для специального ритуала. Развлекай себя, Найтов, развлекай, в этой жизни всякий развлекает себя как умеет, но только не говори потом, что ты ничего не знал: Но одно слово в оправдание: я люблю! Люблю беспробудно, безрассудно, безотчетно, без памяти, без родины, без флага, на губах это имя: Я счастлив, Господи. Я счастливый Твой грешник. Может быть, это лучше монастырского нытья?

В школьном дворе галдеж, визг, крики, смех. Я люблю этот шум, это жизнь празднует жизнь, мирское своё воплощение. Именно поэтому дети изучают в игре модели мира – им все хочется потрогать, разобрать, как бы убедиться, что мир имеет форму, цвет, запах.

Воплощение духа в материю происходило болезненно, в несколько попыток. Дух искал формы, экспериментировал с плотью, летая над зеркальными водами и первыми островками планеты. Дух возлюбил, изобрел плоть, производя взрывную теплокровную материю. Сначала совсем удачно – гигантские формы динозавров, лихорадочно уничтоженные как несовершенные наброски, молчаливо свидетельствуют о муках творения. Мне иногда снятся ландшафты до Великого потопа. Простите за банальность, но иногда чувствуешь бренность плоти – я умею шагать и говорить, завязывать галстук, и плоть любит плоть, стремится к подобному, и что поделаться? Но гомосексуалисты в чем-то, может быть, совершеннее гетеросексуалов: они как бы самодостаточнее, не ищут дополнения и не тоскуют по извлеченному адамову ребру. И спираль рода устала воспроизводиться, род не хочет больше отбивать дубли и любоваться в зеркала. Он ставит совершенную точку.

...Зимнее солнце плавится в окнах, кричат дети, ежедневно проходя через экстазы всех религий и страстей. Детство бисексуально и, наверное, потому абсолютно счастливо. Где воздушный змей моего детства, промокшие старые ботинки, бескозырка, разноцветный зонтик с двумя сломанными спицами и калейдоскоп? Где свежесть мира и чистота помыслов? Краски были ярче и запахи острее, чувства были настоящими, люди вокруг улыбались. Сколько было цветов, шаров, конфет и игрушек: Какая была музыка во всем! Я разучился играть, я падаю, поднимаюсь и снова падаю вверх – падаю в облака, мой бежевый пиджак впитывает их влагу и запах; облака пахнут горьким дымом, домом, очагом, обжитостью. Они теплые, синие, вечерние, они в зеркалах твоей спальни, они сами по себе – бесконечная спальня; я заблудился в облаках, я лечу с воздушным змеем, сбрасывая на лету тяжелые португальские ботинки, выворачивая карманы с мелочью и с легким сердцем бросая на тяжелую землю свой портфель с детскими сочинениями – портфель упал в Голландии, в открытый бассейн с воскресными школьниками и надувными яркими игрушками; рыжий мальчик в серьгах нырнул за моим кейсом, поправляя под водой съехавшие плавки; девочка с мороженым смеется, показывает пальцем на его оголившуюся задницу, и только у инструктора по плаванию, мечтающего о скрытой видеокамере в душевой, замаслились глаза на секунду: Моменты, моменты:

С неизменным восхищением, издалека и с трепетом наблюдаю жизнь любимого человечка, твои улыбки как солнечные зайчики в комнате любителя белок. Охотник за белками знает свое деликатное ремесло и помнит старое правило: целиться белке точно в глаз, чтобы не испортить шкурки. Зеленоглазый, зачем ты есть у меня и что я могу дать тебе?

Вместе возвращаемся вечером из школы. Поразительно звонкая тишина. Фонари. Снег. Все тот же город, все те же фонари, тот же снег и те же мы. Ты в своей смешной шапочке идешь рядом как очарованный принц, ослепленный магией черного колдуна Найтова.

Так покорно идешь со мной, так доверительно заглядываешь в мои собачьи глаза, сам напрашиваешься в гости: «Андрей Владимирович, у меня мама сегодня поздно придет, можно у вас посидеть?» Я ликую, и арлекины трубят на фанфарах в честь победителя. Если бы вы знали, какое удовольствие для меня готовить для проголодавшегося бельчонка обед, пока он сушит шкурку у моего камина, дышать с ним одним воздухом и говорить, говорить, говорить без остановки, ловить каждое драгоценное мгновение с Денисом, потому что когда он уходит – начинается Время и сбивается дыхание, я не нахожу себе места и медленно схожу с ума от недополненности – как зеркало, безнадежно влюбленное в одно из отражений вчерашних рождественских гостей.

Мы стали ближе и нежили свою любовь. Два котенка в корзине разыграются, а потом, обнявшись, засыпают в мягком, теплом и пушистом.

Я развязываю шнурки на твоих ботинках. Ты сначала протестуешь, потом краснеешь и смотришь в потолок. Затем мы смеемся и боремся на кровати в спальне. У тебя рубашка намочена в подмышках. Ты кусаешь мое покрасневшее ухо, взбрыкиваешь ногами, обнимаешь меня: Никто бы не догадался, что застенчивый и великолепный Денис Белкин может вытворять такое со своим классным руководителем. Ужасайтесь, возмущайтесь, но Денис любит меня. Заикаясь, он говорит: «Я: люблю вас, Андрей: я не знаю что это вдруг, но голова так кружится, и всегда о вас думаю: Читаю учебник – вашим как будто голосом. Смотрю через вас, вашим зрением: Ну не знаю как объяснить, не умею я это объяснять. Я привык к вам: Не бросайте меня, пожалуйста, не бросайте, ладно?» Бельчонок захлебывался в детских слезах. Я слизнул с его щеки горячую-горячую, соленую и живую слезинку, нежно поцеловал его глаза, лоб, губы. Он заулыбался и в растерянности стал расстегивать свою клетчатую рубашку.

Мой заводной мальчик был полон солнечного юмора, в нем было столько света и тепла, столько жизни, что меркнут всякие эпитеты. В

моем театре одного актера, в театре одиночества вдруг появился талантливый партнер, способный завести самую сонную аудиторию. Денис побил все мои рекорды времяпровождения у зеркала, иногда экспериментируя с липстиком и тушью, явно получая наслаждение от сеансов перевоплощения. Иногда мы красились вместе, хохотали, прыгали на кровати, менялись моими шляпами и пиджаками, шарфами и перчатками. Остались смешные снимки: эх и блядская у тебя физиономия с накрашенными губами, светлая челка выбывается из-под шляпы, кожанка на голом торсе. Андрогин, великолепный андрогин, крашеный мальчишка из греческого сада:

Наш Эрот своенравен и прихотлив, одержим парадоксальными фантазиями. Нет, зубоврачебного кресла я у себя, конечно, не завел, общество не простило бы мне этой прихоти, но, листая учебник наших игр, можно отметить совершенно чудесные эротические моменты. Вот морская тематика: я разрываю на тебе старую тельняшку, пристегиваю наручниками к спинке кровати, очень хочу испытать вибратор, но останавливаюсь на более щадящем варианте. Тебе нравится быть в роли жертвы, ты хочешь быть взят силой, поэтому в первые минуты сопротивляешься как волчонок, кусаешь меня, стонешь, упираешься мне в живот острыми коленками. Чаще всего мы практиковали оральный секс и взаимную мастурбацию, но незадолго до Рождества ты сам попросил сделать «это» по-настоящему: «Андрей, давай, делай со мной все, что хочешь. Я хочу этого. Я не боюсь». Но что-то меня останавливало. Я не то что боялся сорвать его деликатную резьбу, нет, скорее, я подсознательно боялся оскорбить его девственность, красоту и свежесть, во мне кричал древний родовой запрет. Но апогей твоего восхищения, помнится, выражался именно «преодолением непреодолимого»: Более того, однажды ты признался: «Я почти не девственник. Это, конечно, было несерьезно, но меня еще в седьмом классе: один парень из десятого: прямо в школьном туалете. Правда, как только он всадил мне с вазелином, я сразу так закричал от боли, что он сразу смылся:» Ревность, смех и обида, все смешалось в душе, сладкая горечь

подступила к горлу, душила, бросала в пот. Я неестественно рассмеялся и обнял Дениса; он прыгнул ко мне на колени, и я со всеми муками своего внутреннего ада вдруг стал вспоминать свои травмы и душевные вывихи.

Сексуальный левша Найтов, сколько же мути и гадости накопилось в твоей душе! Как в этом мутном аквариуме еще дышат экзотические рыбки любви и вдохновения, радужные цихлиды с озера Ньяса, данио-рерио, меланхолические сомики, полосатые барбусы и другие воплощения твоих чувств? Хранит жемчужину мидия? Жемчужину для Дениса. Есть такая черная, скатная жемчужина под сердцем, как роковой тромб в артерии, это нежнейшая смерть приняла твой образ. Смерть – лунный мальчик в бескозырке, трахнутый в школьном туалете. Нисколько не удивляюсь – твоя дьявольская привлекательность распалит фантазии самого холодного ублюдка. Со мной случалось хуже и чаще, особенно в эпоху дионисического пьянства; даже от стихов, написанных мной в то время, разит красным вином.

Еще год назад, в алкогольном угаре, с нереализованной сексуальной энергией я барахтался в вагоне-ресторане безумного поезда «Москва-Ленинград». Но разве может вынести пытку замкнутого пространства парень, который хочет секса каждые пять минут? Я методично напивался под стук колес, официант в грязном белом фартуке удивлялся моей небывалой толерантности к водке, едва успевая подносить холодные графины, резиновые ромштексы и вялые салаты; казалось, мой рюмочный галоп уже сравнялся с ритмом колес, когда мутными глазами я рассмотрел интересную кавказскую компанию, состоящую из «трех витязей в тигровых шкурах». Витязи пили более красиво, с глупыми парадоксами южных тостов, и один из парней был просто неотразим – лет восемнадцать, черная смородина глаз, голливудская фигура, узкие бедра, иногда смотрит в мою сторону. Я пью уже неспешно, размяк, покраснел и пристально изучаю своего витязя. Едва ли не начал мастурбировать под скатерть. Наша перестрелка взглядами как будто участилась, и

когда я в четвертый раз стал заказывать двести грамм, мое величество было великодушно приглашено к южному столу. Этого и следовало ожидать. Я вел себя развязно, стрелял блядскими глазами, лез целоваться к восточному принцу. По законам Кавказа такой джигит как я обычно получает кинжал – сначала в задницу, потом под сердце, но со мной поступили более гуманно. О большем я и не мечтал: ночь с тремя настоящими мужчинами, правда, в пассивной моей ипостаси (что случается крайне редко). Мы пили в купе, меня трахали, я сосал и опять пил, потом меня опять трахали – я сажусь на хороший член и подпрыгиваю под стук колес, одновременно засасывая крепкий и теплый хуй. Мне это занятие нравилось. Я безумствовал, просил еще и еще, пока окончательно не заебал своих спутников и не выдоил все их южное семя. Когда они уже засыпали от напитков и изнеможения, я стал будить четвертого их соседа на верхней полке – испуганного мужика средних лет, спрятавшего портфель под подушкой. Этот командировочный отбивался от моих приставаний руками и ногами, бормоча: «В первый раз такое безобразие вижу. Отстань от меня, Христа ради:» Хорошо выебанный, вымокший, пьяный и счастливый, в кровавых трусах я дополз до своего вагона, а под утро упал со второй полки на пластиковый столик, сломав два левых ребра: Нестерпимое солнце на утреннем перроне, головная боль. Я не состоянии сделать ни малейший жест без боли. Кавказский принц кивнул на прощание с презрительной усмешкой. Я мысленно послал его на хуй, сел в такси и доехал до госпиталя: Месяц в гипсовом корсете, зоопарк под окнами, где кованные ограды и бассейн с карликовыми бегемотами. Друг Андрей, к которому я приехал на медовую неделю после знакомства по переписке, навещал меня в госпитале. Мы пили сухое вино в вечернем больничном саду и закусывали кислыми антоновскими яблоками, подслащенными нашими поцелуями. Я писал тогда стихи второй книги, шатался по музеям после выписки и положил три желтых розы на могилу Канта. Кажется, цвели вишни. Трофейный Кенигсберг, трофейное мое время, поиски знаменитой янтарной

комнаты в калининградских шахтах. Но истинное сокровище не сокрыть в подземельях, и я тоже искал свою янтарную комнату, полную золотистого света, бабочек и осени, где синие конверты моих неполученных писем лежат на янтарном столе, где не высыхают чернила, а розы всегда свежи, рубины и бриллианты сверкают на их тонких пальцах, где меланхолический «Ролекс» на моем запястье отсчитывает время в обратную сторону и ржавый «Ундервуд» отбивает бесконечную повесть о странной любви – то ли садомазохистские этюды первой влюбленности еврейского глазастого юноши в застенчивого гестаповца, то ли о пианисте в горящем Берлине, но это уже другая история: Я ищу свою янтарную комнату и лояльно благодарен арлекинам за то, что много интересного навечно останется в янтаре моего времени.

Нашего времени.

* * *

Ясный, простой ответ пришел незадолго до Нового года – ты совершеннее меня. Ты совершеннее меня! Ты лучше, проще. Ты настоящий, а я искусственный, сделанный, проштампованный, предсказуемый в каждом жесте и запрограммированный. Распрограмируйся, Найтов! Господи, распрограмируй же меня! Денис, я хочу быть с тобой или быть хотя бы твоим совершенным зеркалом. Я хочу раствориться в каждой клеточке твоей ДНК. Ты значительно прекрасен и идеален, я молчу в восхищении, я боюсь твоей чистой красоты, почти нечеловеческой – точнее, настолько человеческой, когда человеческое становится ангельским. Мог ли какой-нибудь новгородский подросток века семнадцатого молиться до семяизвержения, вглядываясь в византийские глаза Божьей Матери? Поэтому мне кажется порой оскорбительным даже дотрагиваться до тебя. Я сотворил культ. Сотворил кумира? Но мой кумир создан по образу и подобию Божьему. Более того, Господь

сотворил всех с равными усилиями, но на Дениса Он, без сомнения, потратил немного больше времени – человек вышел бесподобный: А моя душа? Спрятана в компьютере, как в скворечнике, и иногда я чувствовал себя перед тобой пустой театральной тумбой с многообещающими яркими афишами. Звонкая пустота внутри, которая хранит эхо твоего имени. Эхо имени, только эхо имени в холодной, черной бесконечности и искра моего сознания в музыке любимых звуков: Денис. Может быть, это совсем не худший вариант вечности. Это даже не имя, а безымянная музыка или звуки, закодировавшие другое, настоящее имя: Впрочем, кто же знает имя розы: Детские припухшие губы – лепестки этой розы; речная свежесть, малахит, молодой влажный виноград – зелень глаз твоих, тело маленького олененка, смешная суетливость, заячья улыбка с ямочками на покрасневших щеках. Я люблю тебя.

Импровизированные встречи в бункере участились, мы не могли утолиться друг другом, я слышал только тебя, я жил только тобой. Моя прекрасная самодостаточная замкнутость, рассеянность любви и добровольное заточение в твоём мире притупили мою бдительность, я совсем забыл, что любовь моя «незаконна, богопротивна, грязна и извращена». Как-то очень давно один из сексопатологов посоветовал мне «воспитывать чувства, найти силы преодолеть порок, мужественно посмотреть на мир (!)» – я воспользовался последним советом и мужественно послал на хуй тупого шамана, едва не начавшего копать в моей душе: Идеально, если бы люди посадили меня с Денисом в золотую клетку с пышным альковым, баловали бы нас, приносили десерты и игрушки, но в какой стране живут такие доброжелатели?

Я люблю предновогодние хлопоты. Мы бродим вечером по городу, рассматриваем витрины. Я купил искусственную пушистую елочку и гирлянду, ты выбирал игрушки – три фиолетовых шара, один розовый и один зелёный, два сердца, паровоз, золотая рыбка, якорь, два позолоченных яблока. Мне нравились эти дубли, так молодой отец покупает близнецам одинаковую одежду. Тут же беру с тебя

обещание, что ты поможешь мне наряжать елку, чтобы, по доброй примете, мы не расставались в следующем году. Мы купили механического немецкого Санта-Клауса, у которого было не совсем в порядке с координацией движений; вдобавок ко всему, это дорогое порождение чьей-то больной фантазии безумно вращало глазами, повергая в шок моего кота – кот по-боксерски отбивался от иностранного злого дедушки правой лапой, урчал и поднимал дыбом наэлектризованную шерсть, резко отпрыгивая от игрушки в сторону как польский чертенок. Это было смешно наблюдать, и мы нарочно провоцировали бедного Мура.

Приближалось Рождество. Ветер играл гирляндами над старинным кованым мостом,плыли огни по реке. Щемящая тоска по детству всегда посещает меня накануне нового года – снег пахнет мандаринами, я жду чуда, волшебства, звоню астрологам, гадаю на рунах. А вечером подъезжают к моему дому чудесные роллс-ройсы, выпрыгивают арлекины с бенгальскими огнями, хлопушками, подарками, а за ними – куклы в слегка пожелтевшей парче, скелетон в цилиндре и с сигарой, пират с какаду на плече, еще арлекины, еще хлопушки, какой-то розовощекий толстяк в клетчатом пиджаке и с патефоном, кудрявый юнга в парусиновых шортах, две портовые проститутки с розанами в волосах, мальчик с простреленным виском, еще два мальчика в розовых туниках и с заостренными ушками, стройный гренадер в обгоревшем мундире, Петр Ильич Чайковский со склянкой холеры, старушка с видеокамерой, поэт Кузмин, негритянка в плюмаже, Джайлз Даффи, Мишка Пашков и еще какая-то шушера с визгом и хохотом, с шампанским и водкой, со свистками, трещетками и губными гармошками: Яркий эпизод детства: на школьном новогоднем празднике клоун в белых перчатках посадил третьеклассника Найтова к себе на колени и поцеловал! Ликуя, я подбежал к матери: «Мамочка, мамочка, меня клоун поцеловал!» Но мама брезгливо стерла с моей щеки его губную помаду. Мамин платок был надушен духами «Красная Москва»: Этот странный клоун подарил мне куклу арлекина, сшитую

из разноцветных лоскутков, и я с ней долго не расставался, потому что верил, что она приносит мне удачу. Сакральный объект я таскал с собой повсюду, прятал под подушку, брал с собой на университетские экзамены. Сейчас этот арлекин проживает под крышкой пианино, надежно спрятанный от клыков и когтей хищного Мура.

Дух Рождества царил во всем. Дети играли с бенгальскими огнями. Снежинки из фольги на окнах, серпантин в троллейбусе, пахнет шоколадом и мандаринами, свечами и ладаном. Румяные мальчишки кидались крепкими снежками, и я завидовал мальчишескому братству – школьному, семейному или дворовому, я пил и не мог утолиться терпким коктейлем мальчишества. Не могу себе простить, что я был так застенчив в отрочестве и юности – сколько упущенных возможностей! Да мальчишки падали бы к моим ногам спелыми грушами, если бы я не был так приторно скромн и не сидел бы на розовых облаках с ромашками, как мальчик-колокольчик. Колокольчик был у меня между ног. Сейчас это просто колокол, который бьет набат и не дает мне покоя. А что было сексуального в третьекласснике Андрее Найтове с липкими руками и гнойной ваткой в ухе? Он носил круглые очки, от него пахло мочой и молоком: Бледненький, глазастый трупик с криптархизмом, с поразительной жестокостью убивает всех жуков и бабочек на своем пути, топает ножками и сердито грозит голубям, бросает палки в бездомных собак: А иногда – божественный ребенок. Но, сучонок, повесить бы тебя в подвале, предварительно разворотив маленькую задницу. Может быть, я давно уже повесил тебя, малыш, в подвале своего подсознания, где горят синие лампы и кирпичи выкрашены красным, где болтаются на крючьях арлекины и едет по рельсам зубо врачебное кресло с плачущим мальчиком; там так много утлых комнат и ржавых механизмов с колюще-режущими предметами, там развешаны красные знамена, серпы и молоты, пионерские горы: Там голые мальчишки в красных галстуках пристегивают пионерские значки с девизом «Всегда готов!» прямо к воспаленным соскам, там

пьяные мясники расчленяют мороженые слоновые туши, там бьют по лицу железными перчатками и пропускают сквозь прямую кишку змею, там хор глазастых отроков поет страшные песни (Боже мой, почему у них такие злые голоса?): Я часто проваливался в это подполье, особенно после классических девяти дней запоя. Запой с погружением. Я не без интереса ходил с фонариком и со связкой ключей в своих подвалах. Детские комплексы? Просто пустота, не заполненная любовью, тут же обживаете монстрами. Да, мне не хватало любви. Было много русского солнца и света, но мало любви.

Страшно признаться, но я не люблю своих родителей, а мать просто ненавижу. Мне безумно жаль ее, но удушливые приступы жалости сменяются ненавистью. Она слишком серьезно принимает жизнь, у нее напрочь отсутствует чувство юмора. Она слишком любила меня, и я знаю, как ей было больно, когда я наконец-то перерезал пуповину и стал жить сам по себе, но я еще долго чувствовал ее телепатические приказы вернуться в родительский дом. Нет, спасибо, я знаю, что такое «мамина любовь» и я хорошо знаком со многими престарелыми мальчиками, матери которых превратили их в тряпичных кукол. Юноша, как можно скорее оставь отца и мать не жалея, ибо ничего в этом мире мы не оставляем навсегда, правда? Оставь родителей хотя бы для того, чтобы сохранить с ними добрые отношения. Это просто поразительно, как моя мать манипулировала мной, тайно читала мой дневник и письма, черновики стихов и даже втайне поощряла мой навязчивый онанизм, всегда оставляя на прикроватной тумбочке чистый носовой платок. Сейчас я понимаю, зачем она это делала. Друзья, родные и знакомые вдабливали: «Береги свою маму, Андрюшенька, она у тебя святой человек». Возможно, иногда и пылал огонь Божий в этом чертовом копыте, но чтобы любить ее, мне прежде всего нужно было быть самим собой, но именно этого она и боялась, привязывая меня к себе ветхими узами. Мне отвратительны жертвенность и надрыв материнской любви, этот духовный инцест с телепатическими приказами доминирующей мамочки. Отстань от меня, мама,

отвяжись, я давно уже не твой, спасибо за все, но у меня, в конце концов, должна быть своя жизнь, относительно которой есть у Господа великолепный план. Никакие силы не разрушат программу Найтова, и миссия моя удивительна! Кстати, наши прабабушки подносили своих младенцев к образу Богородицы с клятвой: «Тебе, Владычица, поручаю чада своего». Вот и я присягну Матери Божьей, а не неврастеничной ведьме.

...Ослепительный свет миллиона радуг вспыхивает в чистом небе после дождя, и я вспоминаю всю свою арлекинскую жизнь. И, может быть, закрою лицо ладонями от жгучего стыда. Теплый ветерок повеет, и, упав в осеннюю траву, я почувствую великое сиротство, и земля пахнет живой землей, и живое небо хранит новое небо, и облака свежи и белоснежны как рубашка дирижера. Мать Божья, прости меня. Ад следовал за мной, я порождал чудовищ, глуша тоску в пьяном буйстве. Материнская любовь начинена астральным ядом – жаль, что я поздно это понял:

Мать иногда приезжала ко мне, неудержимо стареющая, хрупкая, все больше походившая на моложавую старушку. Приступы жалости к ней я принимал за любовь. В последний год своей жизни она зачастила ко мне, сидела на кухне, как-то тягостно молчала, пряча под столом морщинистые руки. Иногда ее дыхание пахло дешевым портвейном. Мы чувствовали вину друг перед другом, но давно уже не были близки и откровенны. Еще подростком я признался ей в своей гомосексуальности, она восприняла это депрессивно и с надрывом и потом долго не могла поверить в это, повторяя: «Будем надеяться, это пройдет, сынок». Мама с дьявольским чутьем отличала моих любовников от просто знакомых, приглашала на дом каких-то анонимных психиатров и сексопатологов, которых я выставлял за дверь, и, если был пьян, устраивал очередной скандал с битьем зеркал и стекол. Несколько раз приезжала неотложка, и я уже привык заглатывать резиновый шланг после передозировки очередного снадобья; несколько раз она вызывала милицию, но сдавать меня в отделение в последний момент категорически

отказывалась. Шла домашняя война, и она воевала со мной, не открывала дверь моим мальчикам, не передавала телефонные просьбы о встрече: Последняя картинка: мы идем с ней по осенней аллее, солнце бьет сквозь своды листвы, пятнистые контрастные тени прыгают на белых плитах. Мать по-старушечьи шаркает стоптанными подошвами «удобных» туфель. Я покупал ей много туфель и одежды, но она чудила, предпочитая носить свои серые, какие-то вечные туфли на низком каблуке с подложенными водяными супинаторами, старую черную кофту крупной вязки и клетчатую юбку. Однажды я едва не расплакался, увидев ее в этом одеянии, но разревелся по-настоящему, когда увидел грубо заштопанный на голени чулок. Я в который раз отругал ее за эту странную привязанность к ветхости, но она совершенно не понимала моего негодования, глупо хлопала глазами и поджимала высохшие губы: Мы шли по солнечной осенней аллее, я куда-то торопился и едва сдерживал раздражение медлительностью маминой походки. Она семенила, шаркала, не поспевала за мной и виновато улыбалась, точно говоря: «Ну прости меня, сынок, ну не могу я быстрее». Она всю жизнь виновато улыбалась и не поспевала. Почему-то запомнился этот эпизод. Прости меня, мама, я был самым неблагодарным сыном на земле. У Рафика, кстати, были похожие проблемы в отношениях с матерью, но об этом я расскажу позднее.

Порой я проецировал образ своей матери на маму Дениса, уже заочно проникаясь жалостью к овдовевшей и, как мне почему-то казалось, диковатой женщине. Это были компенсированные чувства, ведь моя покойница явно недополучала проявлений сыновьей любви в этой жизни. И в один из дней мне пришлось познакомиться с моей второй змеей – это произошло не по моей внутренней потребности (которая, впрочем, присутствовала, но была слишком неприхотлива). Призрак цветущей красавицы в чем-то воздушном, как с полотна Рокотова, посетил меня. Но только призрак. Если бы я был так же напичкан транквилизаторами, как и эта хрупкая Незнакомка, я обязательно принял бы ее за Прекрасную Даму,

дышащую духами и туманами. Дигидролизированный кодеин, который она стала принимать после смерти мужа, делал ее безэмоциональной, заторможенной механической куклой. Сверкая фальшивыми бриллиантами в ушах, она всплыла в мой кабинет литературы, и портреты русских классиков как-то помрачнели. Грозовые тучи нависли надо мной, и когда она вымолвила: «Здравствуйте, я мама Дениса Белкина,» – я готов был провалиться в гиену огненную и схватился за край учительского стола как за абстрактный поплавок. Она внимательно посмотрела в мои собачьи глаза. Я как будто все понял и закрыл лицо ладонями. Она нервно крутила колечко с топазом на безымянном пальце, и я понял, что мне пришел полный, окончательный, огромный, скандальный, такой долгожданный и законный ПИЗДЕЦ. Я, кажется, даже прошептал беззвучно побледневшими губами: «Ну все, сдаюсь. Пиздец». Был такой мальчик. Созвездие – Аквариус, возраст – четырнадцать. Страшной, роковой красоты мальчишка. Очень русский, очень живой. И еще, товарищ сержант, мой звереныш был фантастически чувственен: Я смотрел на ее покрасневшие обветренные руки, которые мне вдруг захотелось целовать, просить прощения и благодарить за великолепного сына, за мою самую грустную радость на свете, за звездную бездну, отразившуюся во мне. Казалось, за спиной уже просквозил ангел Возмездия, и я внутренне был готов к самому экспрессивному проявлению материнской ревности и негодования, когда арлекинский инстинкт подсказал, что что-то не то в этой ситуации, что от нее льется свет любви и добра, а не злобы и ненависти. Кодеиновая вдова оттаяла на мгновение, и белоснежный голубь мира с оливковой ветвью пролетел между нами, когда она тихо произнесла: «Я пришла поблагодарить вас, Андрей Владимирович». Она смущенно улыбнулась. Фальшивые алмазы задрожали. Но я смутился еще больше, содрогнувшись и все еще не веря своим ушам. «Андрей Владимирович, мне вас просто Господь послал, – она замолчала на секунду. – Вот уже скоро год, как умер мой муж. Мальчик был так привязан к отцу, так тяжело это

переживает, несмотря на помощь психотерапевта: Вначале был просто тихий. Беспросветный ужас и горечь. И слезы и проблемы, проблемы: Я ходила как призрак, и денег только-только на жизнь: Хотя, по правде сказать, жизнь-то давно уже закончилась, началось выживание: Но Денис: Денис как-то заново родился после встречи с вами, ожил. Вы просто его кумир, только о вас и говорит. Оценки, смотрю, лучше стали: И вообще, он как-то повзрослел в последнее время, странно так повзрослел. Пусть это и глупо звучит, но вы словно отца ему заменили: Собственно, я пришла с дерзновенной, может быть, просьбой, но, пожалуйста, Андрей Владимирович, не обходите Дениса своим вниманием, я так вам благодарна, так благодарна:»

Наверное, все низшие миры услышали музыку моего ликования, и арлекины затанцевали на учительском столе, что из поплавка превратился в пьедестал. Непредвиденны замысловатые сюжеты моего фатума, и если бы я был участковым врачом своей милейшей наркоманки, то подарил бы ей гигантский флакон кодеина с розовым бантиком и похоронным венком. Зеленый свет, Найтов! Я уже забронировал все уикенды с Денисом на несколько лет вперед, заказал все мороженое, все теннисные мячи и бассейны, все конфеты и хлопушки, все фильмы: А может быть, мне стоит жениться на вдове и усыновить Дениса?.. Когда я рассказал об этой сумасшедшей идее бельчонку, прибежавшему ко мне в тот же вечер, он расхохотался, запрыгнул ко мне на колени, обнял и прошептал на ухо: «Не теряй времени, папаша!»

Мы не теряли времени, но время теряло нас. Время застывало как смола, и люди были его пленниками. Мы как будто ускользали от этого терпкого клея, медленно текущего по нашим следам, мы бежали вперед не оглядываясь: Сейчас, по прошествии нескольких лет, я хожу как иностранец в музее янтарных кубов, забальзамировавших моих знакомых. Вот Алиса в траурном платье с кельтской тяжелой брошью (экспонат иллюминирован синей галогеновой лампой), вот милая Гелка с фингалом, в моих джинсах и

рубашке, завязанной на животе и едва прикрывающей детские груди (экспонат после реставрации, иллюминирован красным), а вот футболист Егор в боксерских трусах, с желтой кувшинкой в руке; танцор Эдик в костюме Ромео, отец Арсений с грустными-прегрустными глазами, нейрохирург Бертенев с цепью и наручниками, в строительной каске почему-то; а это очарованный Бертик с оранжевым ирокезом и в круглых очках Джона Леннона; справа мой мэтр Юрий Левитанский с вересовской трубкой и в своей знаменитой потертой кожанке (простите за эту компанию, Юрий Давыдович); Рафик великолепен, с ижевской двустволкой наперевес, в рваных джинсах; и мама моя в несуразных туфлях, маленькая, согбенная, извиняющаяся (прости меня, мама); породистый Карен и другие обитатели зоопарка. И много-много еще янтарных глыб в длинных осенних галереях, подсвеченных тем волжским пожаром. Веселые арлекины скользят на роликовых досках по вощеному паркету, стараясь маневрировать и не сбивать расставленные на полу узкие бокалы с шампанским. Какая странная геометрия. Жаль только, что фотографировать запрещено.

* * *

Твои поцелуи улетели капустницами-бабочками к монастырским развалинам, к сгоревшим русским усадьбам, к отсыревшим заборам и тополям с горелыми скворечниками, к двум русским гимназистам, целующимся в беседке чердынцевского поместья. А от созвездия Либра до созвездия Аквариус миллионы световых лет. Бог даст, когда-нибудь свидимся.

Твое время стало моим, и стоит перед глазами мальчик с портфелем в новогодней пурге. Мы возвращаемся домой со свертками и коробками. Ты с мороза, покрасневшийся, пьешь горячий чай с жасмином, смеешься над моими глупыми шутками, потом долго роешься в коллекции лазерных дисков и выбираешь

Элтону Джона. Целую тебя. Целую тебя. Целую. Ты виснешь у меня на шее; я помогаю тебе снять свитер и замечаю напрягшийся член. Долго путаюсь с ремнем – и наконец вот оно, мое маленькое сокровище. Твой нежнейший горячий член почти умещается в моей вспотевшей ладони.

Граница ада и рая проходит через спальню. Ад и рай смешались в моей громокипящей спальне, и после оргазма мы падаем с небес на камни, только что изгнанные из райских кущ по следам прародителей. Падшие ангелы. В тебе есть красота врубелевского демона. Даже в моем сознании твой образ появляется на лиловом фоне. Я хотел обладать не только твоим телом, но, более всего, душой. Люблю именно душу твою. Какой скитающийся и забытый дух выбрал это совершенное тело, или какому заблудшему духу было оно даровано? Поистине величайший дар. Скажи мне, кто ты? Почему меня не покидает чувство, что я уже когда-то читал наш сценарий? Устойчивые де-жа-вю. Я знаю тебя так близко, что ближе быть не может, но что-то самое главное, мимолетное ускользает от меня, душа твоя все равно где-то в неприступном свете. Да и что я могу знать, маленький человек в оковах страстей? Точнее, кое-что я как будто знаю, но слова (опять!) – слишком грубый материал. Сердце знает.

Судьбы людские пересекаются по своим законам, и случайных встреч не бывает. Сейчас, подводя итоги одного из жизненных этапов, я понял с фантастической ясностью, что мы рано или поздно материализуем образ своего принца, отпечатанный в подсознании. Несомненно и то, что одинокий человек более воплощен, самодостаточен или, как сказал один поэт, – «одинокчество есть человек в квадрате». В этом секрет одного из самых загадочных свойств русской души – потаенной, неосознанной тяги к отшельничеству, хотя этот нереализованный порыв иногда выливается в разные формы юродства. Европейское одиночество – немного другое явление. Господь дает Друга слабым людям, чтобы стали единой плотью, чтобы не скучали в этой жизни и не пускались

во все тяжкие. Но я вызвал твой образ из таких глубин своей вселенной, что мир тесен для нас, Денис. Теперь я в ответе за прирученного зверя, но каким волшебным зонтиком мне закрыть тебя от дождей и града жестокого мира? Ты пока еще, слава Богу, в радужной оболочке детства, и солнце там у тебя ярче светит, и музыки больше, и все ново и свежо. Как мне, с замыленными мозгами, вернуть эту свежесть восприятия?

...Вспоминая русское Рождество, у меня кружится голова. Серпантин и кожура мандаринов на снегу, гирлянды и звезды, полумесяцы твоей улыбки. Чудный младенец еще не родился, но мудрецы, волхвы и пастухи уже трепетно идут за вифлеемской звездой, несут подарки. Но у меня нет ни золота, ни ладана, ни смирны. Но что имею, то даю тебе. Мои арлекины накидывают плащи со звездами, зажигают свечи и прикрывают их ладонями от ветра, бредут в молчании по ночному городу. И сердце мое – колокольчик, подвешенный на длинной цепочке к рогатому месяцу.

Месяц особенно золотой в эти дни, точно и его начистили до блеска перед праздником. Снег теплый, и снежинки смешались с шампанским, цены на которое перед новым годом резко подскочили. Покой перед Рождеством обманчив, и нечисть справляет последние свадьбы в снежных вихрях на дорогах. Тишина стала другой, тишина напряженна, тревожна. Может, мало осталось до кончины мира? Вокруг так много тайных знаков, но мы не умеем их читать. В окнах – мерцание цветных огней, и за каждой шторой такой маленький и такой огромный мир. Я люблю заглядывать в окна, точно за алтарь – как там живут человечки? Меня преследует запах шоколада и апельсинов. Я уверен, что этого запаха нет вокруг, но он плывет из моего детства, из мешка со звездами, повешенного мне ночью у изголовья. Мальчик Андрей в цветном шарфе, связанным на Рождество тетушкой Элизабет, с замиранием сердца огромными глазами смотрит в золотую полутьму собора, хлопает своими пушистыми ресницами: совершается Таинство, батюшка раздумялся от вдохновенного волнения. Волна теплой

благодарности, и свечи загорелись ярче, и колокола сошли с ума от собственного звона: Это было, было. Это был такой русский сон. Растратил я ту благодать, и вот стою сейчас напротив зеркала – увядший, опустошенный, обкраденный. И смотрит на меня пустое одиночество пустыми глазами.

* * *

Коварный Найтов не замедлил воспользоваться доверительной просьбой кодеиновой вдовы не прекращать пестовать бельчонка. Я давно уже замыслил выкрасть тебя из маминых когтей к себе на Рождество. Все вышло самым чудесным образом, и я опять пел под утренним душем партию Мефистофеля. Затрудняюсь определить, какие силы споспешествовали мне и чем я обязан столь чудесному сверхпровидению, но вдову госпитализировали накануне праздника с неутешительным диагнозом: цирроз печени.

Алкоголь знает свою цель, а у меня появился еще один повод прославлять роль русской водки в своей жизни. Твоя мама сама позвонила мне на работу и сбивчиво просила кодеиновым голосом: «Мальчик сошел с ума, совсем не хочет лететь к тете в Кисловодск на рождественские каникулы, просится провести это время с вами. Я не знаю, что делать, Андрей Владимирович. Но ведь у вас, как я понимаю, свои планы, свои заботы: Но я была бы вам бесконечно благодарна: У нас еще с деньгами проблемы, конечно:» Я не дал ей закончить и перебил с нарочитым равнодушием: «Ничего, ко мне как раз приезжает племянник, ровесник Дениса, им вдвоем будет интересно, и вашего я тоже могу заодно пасти, тем более, что в школе есть программа для наших балбесов – театры, дискотеки: Пожалуйста, не беспокойтесь о деньгах, потом рассчитаемся. Я буду продолжать:» Боже, что я плел?! Что за околесица?! Какой еще племянник? Но это арлекин шептал мне на ухо, а я только повторял

его тихий бред. В этот же вечер я навестил осиротевшую семью. Денис выглядел опустошенным, хотя и просиял при моем появлении. У матери заплаканные глаза, бигуди на голове, которые она стала судорожно срывать перед зеркалом. На полу – разорванные пятидесятирублевые купюры. Мать сказала: «Вот, полюбуйте, что наделал мой сыночек: Разорвал деньги, которые я дала ему на каникулы. Ему, Андрей Владимирович, показалось, что я дала ему слишком мало. А больше у меня просто нет: Почему он требует у меня то, чего я дать ему просто не в состоянии? Ты слышишь? – она прокричала вслед Денису, захлопнувшему с грохотом дверь своей комнаты. – Я не в состоянии дать тебе больше! Я больна, я мало зарабатываю, папа у нас был тоже не Ротшильд, ты знаешь сам:»

Она расплакалась и, держась за печень, прошлепала на кухню. Закурила. Денис не показывался из своей норы, а мы пили на кухне ужасный растворимый кофе – дешевый суррогат с овсом и цикорием, который мой отец называл «лошадиный напиток». Она продолжала: «Он совсем стал неуправляем за последние два дня. Приставил замок на двери в свою комнату, будто я чужая. Я понимаю, что начался переходный возраст, но все-таки: С ужасом думаю, что дальше будет. Я вижу, что у его сверстников и эти видеоигры, и велосипеды, не говоря уж об одежде. Он у меня скромно одет, я вижу, я все понимаю, мой сын недополучает многого, и стыдно мне, – она опять расплакалась, – но что я могу сделать? Господи, что? У меня тоже нет многого, и я уже не женщина, а пугало огородное – Вы посмотрите на меня:» Мне было нестерпимо больно и неловко. Я бросился утешать ее, я бормотал: «Я знаю этот возраст, когда птенцы еще шире раскрывают клювы. Это не лучшие проявления, но ведь они хотят быть первыми во всем, им еще плохо знакома иерархия взрослого мира. Сволочного, надо заметить, мира. Особенно сейчас:» Я наговорил еще много чепухи. Мне было не по себе. Никогда не предполагал, что Денис может капризничать и протестовать в такой форме. Я до сих пор не знал Дениса, и если бы я был тогда богат, то подписал бы, не раздумывая, чек на круглую

сумму для шлифовки достоинства. Что говорить, я тоже молод, мне тоже чертовски нужны деньги. Много денег. Когда-нибудь я куплю себе саксофон, выйду на отвесную скалу и начну играть свое одиночество для Бога, среди горящих комет и блуждающих звезд. Да и не сам ли я звезда блуждающая? Снова приходит эта странная мелодия – «Не плачь по мне Аргентина». Какие падшие ангелы любят слушать эти обрывающиеся на полуслове цитаты? Мои чувства тоже превращаются в музыку, но кто-то мгновенно крадет ее, а я уже бессилён записать и воспроизвести: Сколько еще бессонных европейских ночей я проведу в бессознательных поисках забытой мелодии, не находя себе места ни в шумных ночных клубах, ни в мистической отстраненности британского Гластонбери.

Мама Дениса глотала слезы, молчала, курила. Сумка с больничными пожитками стояла в прихожей. В дверях кухни наконец-то появился наш взлохмаченный домашний деспот. Он смешно почесал за ухом и, пряча виноватые глаза, вымолвил тихо, буднично: «Мама, а тапки-то ты забыла положить:» «Да, тапочки я забыла,» – засуетилась мать и, затушив дрожащей рукой сигарету, принесла из спальни газетный сверток, долго затискивала его в набитую сумку и виновато бормотала последние напутствия сыну. «И вот еще, – мать просеменила на кухню, выложила на стол деньги из кошелька, – вот, все, что осталось:» Денис отвернулся, сделал вид, что не слышал последней фразы. Я безрезультатно упрашивал бедную женщину взять обратно эти цветные бумажки.

В дверь позвонили. Пришла какая-то депрессивная подружка в нелепой черной шляпке, похожая на другую вдову, только что возвратившуюся с кладбища. Я подумал, что все эти обиженные судьбой женщины, вдовы, жены законченных алкоголиков и других образуют незарегистрированные ассоциации, часто бывают сверхактивны, религиозны или, наоборот, окончательно забывают свою доминирующую роль и эмоционально угасают. Это самое загадочное и сплоченное крыло всемирного племени неудачников.

Денис избегал смотреть мне в глаза. Ему было стыдно, но в глубине души я был рад, что мне довелось быть свидетелем домашнего скандалчика. Надо заметить, я даже получаю некоторое удовольствие от созерцания подобных сцен.

Как это бывает с давними подругами, две женщины отражались друг в друге как в зеркале. Кодеиновая вдова кивнула в мою сторону: «Это учитель Дениса, с ним мальчик останется на Рождество». Вдова № 2 посмотрела на меня с нескрываемым любопытством. У подъезда нас дожидалось такси, и красная мясистая рожа шофера показалась мне знакомой. Приступ таксофобии вспыхнул с новой силой. К счастью, я обознался. Мы сели в машину. Передо мной покачивалась эта занудная шляпка, которую мне хотелось сорвать и выбросить в окно; потом я стал смотреть на бычью шею шофера и почему-то подумал, что душить его будет трудно, особенно если он успеет напрячь шейные мышцы. Я закашлялся и увидел в автомобильном зеркале, как поганка брезгливо поморщилась. «Феминистка, фригидная вобла,» – я мысленно стучал ей по голове молотком всю дорогу к больнице.

В приемном покое мы трогательно простились с мамой Дениса. Тошнотворно пахло лекарствами и хлоркой в больничном вестибюле. Когда мы вышли на улицу, поганка стала задавать провокационные вопросы, показывая мне свое змеиное жало и поглаживая бельчонка по голове. Тот терпеливо выносил эту пытку. «Чем вы собираетесь занимать мальчика в дни каникул? – спросила поганка тоном социального работника. – Бедный ребенок, он милый, правда?» «Конечно, он милый, и мы сегодня же устроим детский стриптиз. А почему вы так неаккуратно выщипываете брови?» – хотел я было ответить в таком духе, но респектабельно приосанился и выпалил выученную наизусть культурную программу – кино, театры, упражнения по русскому (мальчик путается с причастиями и деепричастиями), теннис с моим племянником: Про бассейн я не сказал, потому что это звучало бы слишком обнаженно. И зачем-то я добавил для верности: «Моей будущей жене тоже нравится

проводить время с Денисом». Но, кажется, я перегнул палку и переиграл свою роль. Поганка сощурилась, что было нехорошим знаком. Я поспешил проститься и этим опять смазал образ невинного доброжелателя. Но хрен с ней, ко всякому яду найдется противоядие в аптеке алхимика Найтова, о другом прошу, Господи – останови меня, когда я перестану быть самим собой и начну играть самого себя в безумном успокоении. Автоэпитафия: «Андрей Найтов, который играл Андрея Найтова». А где же человечек?

Свобода. В этот же вечер мы ужинали в маленьком ресторанчике «Витязь», декорированном в псевдорусском стиле. Я заказал полусухое шампанское, ростбиф, грибы в сметане и сырнй кекс с вишней на десерт. Бдительность метрдотеля мы нейтрализовали заказанной для Дениса бутылкой «Пепси», и я спокойно подливал в его длинный бокал искры виноградной долины. Голова кружилась от безотчетности любви, дикого счастья, смешанного с желчью привычного страха за нашу будущность. Я быстро пьянел. Денис улыбался и заговорщицки наступал под столом на мою ногу. На салфетке я нарисовал профиль белки с кисточками на ушах и написал: «Я люблю тебя и хочу, чтобы ты был вечен». Бельчонок, прочитав, смутился и засиял, аккуратно сложил салфетку и спрятал в нагрудный карман своей клетчатой рубашки. Теплый кондиционированный воздух вертел над нами снежинки из фольги и флажки. Весь ресторан был увешан этой мишурой, и новогодние привидения летали по маленькому залу в масках и перьях, пьянели от алкогольных испарений, а мои арлекины держали над нами хрустальные венцы. Это было, было! Я не живу в этом спектре, но я вижу спектральный план, уже с четырнадцати лет я чувствовал кипящую жизнь в звонкой тишине. Ваше право – верить мне или послать подальше с этими баснями, но я открою сейчас один примечательный эпизод своей жизни. В январском хрустале восемьдесят девятого мы перевернулись под Ленинградом в старенькой «Ладе» с моим другом Юрочкой – мы возвращались в город из Петергофа с поэтической тусовки среди вселенского

оргазма петровских фонтанов. Фонтаны, правда, тогда молчали. Юра вел машину после обильных возлияний, и я покоился на заднем сиденье как тряпичная кукла, иногда присасываясь к горлышку «Столичной» – бутылка была эстафетной и переходила из рук в руки через каждый километр. На сорок третьем мы кувырнулись, но приемник, по словам Юрочки, продолжал извергать Брамса. Я этого уже не помнил, и очнулся солнечным морозным утром в кафельной гробнице реанимационного отделения. Меня абсолютно не интересовало место моего прибытия, хотя мужской голос пробасил рядом: «Добро пожаловать в мир, Андрей Владимирович:» Я сокрушался лишь о том, что только секунды назад мне было даровано нечто, похожее на абсолютное Знание, но уже не помнил чистого и простого решения, над формулировкой которого я бьюсь всю жизнь как рыба об лед; мне было неуютно в миру, обрывки Знания вспыхивали в голове как уцелевшие странички сгоревшего блокнота: там только две силы, они бесконечны, но кратны и как бы перехитрили друг друга (не то слово, но значение верное). И была Музыка, которая сама по себе не была музыкой, и «это» не было похожим на произведение искусства, но было нечто, произведшее само себя. Нечто, имеющее ритм – так лучше означить. И был свет, на удивление материальный, я мог почувствовать прикосновение света, и свет был как шелк. Абсолютного решения я не помнил, но мои знания были со мной, со мной оставалось даже чувство юмора. Вот нес я к вам в мир прекрасную амфору, но амфора разбилась, и теперь никто не знает, что было в ней. Я вдруг вспомнил все свои ошибки, вспомнил отчетливо, с жутким раскаянием, вспоминались даже полусознательные мелочи из детства:

В тот период жизни я переживал глубокий духовный кризис, и Россию лихорадило, царство разделилось само в себе, трещина проходила через мое сердце, хотел я того или не хотел. Не буду говорить, о чем я молил Господа в то время, но на третий день возвращения в скафандр тела ко мне был послан Некто в неприступном свете. Я не испытывал этого Духа, но спросил только

об имени, на что он отвечал: «Зови меня как хочешь». Некто предложил мне заново родиться в Дании в августе 1989 года, почти сразу же после смерти в ленинградской больнице: Прежде чем принять заманчивое предложение, я попросил у духа показать панораму моей жизни в российском варианте. Некто как будто растерялся и, мне показалось, даже расстроился, хотя видел я только очертания человека (роста весьма немалого) в ослепительном свете. Дух отвечал: «Ты искушаешь, но чего бы ты хотел?» Как человек практичный и предсказуемо-банальный, я попросил денег, здоровья и долгих лет жизни. Но не успел я это произнести, как Дух ответил: «Сам удивишься, как долго проживешь». Некто поведал мне еще нечто интересное, но об этом я сообщить не могу, так как он положил на последующие провозвестия свою печать. В минуты скорби и сомнений я сожалею, что не пожелал родиться в далекой Дании. Когда-нибудь я сяду в самолет и посетую свою несостоявшуюся родину. Повторю, что Дух не был испытан мною, и кто теперь знает, что это было.

Эту любопытную историю я рассказал Денису в «Витязе». Мой солнечный ребенок воспринял ее на удивление серьезно. Вдруг я почувствовал незащищенную нежность, и сердце, мое живое трепетное сердце, замурованное во мне как в несгораемом сейфе, – сердце тревожится, сердце стучит как часовая бомба и вот-вот бабахнет: В тот вечер бабахнула только пробка шампанского: я не рассчитал наклон бутылки, и пена брызнула Денису в лицо как животворный оргазм. В этот момент мы наверняка подумали об одном и том же, потому что бельчонок подмигнул мне, когда вытирал лицо розовой салфеткой. Шестой бокал совсем вскружил мне голову, и я давно уже повесил пиджак на спинку стула и ослабил галстук. За окном вьюга и снежный кавардак, а мы оттаиваем в нехитром уюте как две экзотические рыбки в теплом аквариуме.

Наша любовь расцветала с каждым днем все больше и больше, и окружающие не могли не замечать нашей мечтательной уединенности. Я предполагал, что рано или поздно все тайное станет

явью, но жил только настоящим, стараясь в полной мере наслаждаться обществом Дениса, повторяя как чистое зеркало его жесты и улыбки. Если бы нас разлучили, это было бы равносильно тому, если бы у меня украли солнце. Мое дикое солнышко, моя утренняя звезда, зачем так ярко горишь-сияешь? Зачем так ярко? Далеко в будущем я уже начал выращивать для тебя райский сад, и сейчас переживаю – успеешь ли ты вкусить с моих мифологических деревьев? Успею ли я вырастить заветное дерево познания? Там уже не будет арлекинов, не будет прошлого, а значит, не будет и будущего – но вечно настоящее, непреходящее: Смешно подумать, господа патриоты, там не будет даже России, о чем вы спорите так много лет? Россия? Денис для меня дороже России, как вам это понравится? Да, Денис дороже России, уснувшей в хрустальном гробу как царица. Не будите румяную красавицу, ведь стоит ей воспрянуть ото сна, и законсервированное время наверстает упущенное, мы увидим состарившуюся на глазах кокетку с едва заметными признаками былой красоты. Жуткое зрелище. Суровая печать наложена на Россию, но если мы станем унывать о тяжести бремени или скорбеть по прошлому, то и нового не построим, и старого не возвратим, ибо какой хозяин остается сидеть на углях сгоревшего дома? Нет, он строит новый дом, и последний бывает лучше прежнего. Всякая печать рано или поздно снимается. Не забудем также, что нет у Господа времени, и само слово «время» гораздо реальнее того, что оно обозначает. У Бога каждое зернышко в житницах сосчитано, и когда я слышу разговоры о потерянных поколениях, то недоумеваю – можно ли считать потерянными монеты, которыми ты сам же вчера заплатил за урок хорошему учителю? Не спорю, заплатил дорого, но много и приобрел! Приняла Россия причастие огненное, напоила алчущих хищников кровью – они же, насытившись, сами провалились в могилы. Господи, в который раз дивлюсь мудрости Твоей, но не возвращенных храмов с возвращенной принадлежностью хочу, но возвратившейся молитвы. Да и кто знает сроки? Не случилось бы так, что начнем воздвигать

новый храм, а крест на макушку поставить не успеем – не лучше ли поставить просто крест на горе, чтобы пометить на Твоей карте наш грешный вавилончик? Иной скажет мне: лицемер, омерзительный лицемер, лукавый змей Найтов, грешник, которого если в вериги заковать на всю оставшуюся жизнь, все равно дел своих не искупит, но продолжает варить свой яд: Знаю, что бросят мне и цветы, и камни – приму и то, и другое с благодарностью. Слава Богу, мне к этому не привыкать. И знаю я прекрасно, что Бог поругаем не бывает: иной мелкий дух тьмы и на матерном языке молится, но и тем Бога прославляет, того не подозревая. А если я самый последний грешник, то поставьте меня Патриархом Всея Руси, чтобы за меня молилась вся паства. Пишу рукою легкой, и если тебе не нравится мое крепкое вино, то почему мне не сказал этого же сразу же и не бросил пить со мной, но допил весь мой запас, и только потом стал ругать вино и плевать? И как бы тебе самому потом не сконфузиться, если объявлю гостям, что виноград этого вина из твоего взят виноградника, брат мой: А если нравится вино, то остерегу тебя от чистого сердца и не напью до забытья, чтобы не случилось с тобой чего худого: Более скажу: как бы меня не судили, я все равно не проиграю и не выиграю, потому что текст мой уже гуляет по миру и осознает сам себя как любая мифологическая самодостаточность и ни в чем не нуждается. Да и только безумец разбивает зеркало, если ему не нравится собственная личина, а я себя люблю, и если иду как глупый баран на заклание, то хотя бы бельчонка оставляю навсегда в чистейшем янтаре нашей последней осени, терпкую горечь которой я уже различал в тонком букете новогоднего шампанского.

В ресторане я сделал несколько удачных снимков, а при выходе на улицу мне посчастливилось запечатлеть удивительное бурление серных облачных клубов, отливающих сочной лиловостью на фоне полной сумасшедшей луны (я поставил предельную выдержку и, чтобы не смазать изображение, снимал из-за витрины ресторанный фойе, плотно приставив объектив к стеклу) – моя коллекция облаков

без этого снимка была бы неполной, и у меня дрожали руки от волнения. Денис плохо понимал мою страсть к запечатлению этих мимолетностей, и я сокрушался, что мой мальчик не разделит со мной высочайшего в мире наслаждения несмотря на то, что мы пересмотрели тысячи слайдов из моей коллекции, и даже звуковое сопровождение «Патетической» и Рахманинова не помогало – бельчонок неизменно начинал скучать.

Облака на экране плыли ниоткуда в никуда, никем не созданные и никем не призываемые. На заученных наизусть снимках я всякий раз видел новые картины – это непостижимо, но, остановленные оптикой, облака продолжали жить и видоизменяться, всякий раз удивляя и потрясая меня. Что хотел я увидеть? Небо моего детства, которое было неизмеримо ближе? Лик Божий? Это глупо. Но почему меня всякий раз охватывало трепетное волнение, когда я смотрел в живое небо, беременное новым небом и новым временем? Тревожные предчувствия наплывали на меня в самые светлые моменты, земля под ногами гудела, музыка сфер доносилась из колодца бездны.

Этой ночью я проснулся от жажды. Денис улыбался и мурлыкал во сне, и я в который раз позавидовал его безмятежности. Я снял со спинки стула твою рубашку – она была пропитана тобой, и не было в мире запаха роднее и теплее. Так в детстве мы знаем запах матери. Ты спал, подогнув под себя колени, свернувшись как котенок, и вся твоя беззащитность выражалась этой позой; на полу лежали твои помятые трусы, и я испытывал непреодолимое желание примерить их у зеркала, но этот фетиш детского греха был неизмеримо мал для меня – эти жалкие, несвежие зеленые трусики с красными полосками возбуждали меня, на лбу появлялась вздувшаяся венка, и мой кок накачивался горячей кровью. Родинка на твоём левом плече, семь швов после удаления аппендикса, шрам на коленке – все это было для меня дороже всех сокровищ мира, и даже твои несуразные старые ботинки с растрепанными шнурками я купил бы с аукциона «Сотби» за любую сумму, которую был бы способен

осилить: Твои трусы я спрятал под крышкой пианино, и утром ты сконфуженно ищешь их, сверкая розовой попкой. Потом, догадавшись о моей проделке, опять прыгаешь в теплую постель, и мы снова превращаем ее в полигон для ядерных боеголовок: все поднимается вверх, стреляет и брызжет. Я закидываю твои загорелые ноги к себе на плечи: Вазелиновый тюбик где-то под подушкой был: да, под подушкой, где же еще ему быть?.. Ты стонешь, морщишься от сладкой боли, бьешь головой о подушку, но шепчешь как в бреду: «Давай, Андрей, милый, давай:» Я не знаю, как ты выдерживаешь мои слоновиные удары, я убыстряю темп: и через безумные прыгающие секунды взлетаю к звездам: Наша кровать стоит среди вулканов, извергающих огненную лаву, в пустынях бьют фонтаны и подбрасывают мощными струями золотые шары. Я пью тебя и не могу напиться, ем тебя и не утоляю голода. Да и разве могут насытиться каннибалы, пожирающие друг друга в экстазе всех страстей? Ты вздрагиваешь, и глаза брыкающегося жеребенка смотрят в мою бездну. Ты хлопаешь ресницами: «Поцелуй меня».

Умываясь, замечаю, что на белках глаз появились красные ниточки лопнувших сосудов. Денис пьет кофе в постели, прядь его светлых волос прилипла к вспотевшему лбу. Боже, сколько миров мы сожгли за все наши ночи, наши джунгли, полные полыхающих красок, фруктового изобилия и диковинных птиц! В каких небесных энциклопедиях классифицированы эти райские птицы? Мой поджарый мальчик, моя зеленоглазая пантера, мой Маугли, когда будешь в раю, не забудь сбросить в мое пекло хотя бы перышко:

...И было видение, давным-давно, не помню в какой из моих жизней: по выжженному полю идет немецкий офицер в пыльной форме, его уставшее арийское лицо забрызгано грязью, кровь запеклась в уголках странной улыбки; он ведет за руку светловолосого русского юношу в армейской рубашке не по росту, завязанной узлом на животе. Они вместе пьют воду из лесного родника, офицер что-то говорит на немецком и подносит парнишке лодочку своих ладоней с водой, от холода которой сводит челюсти.

Песчинки скрипят на зубах. Парень жадно пьет и не может напиться, только острый кадык прыгает на мальчишеской загорелой шее. Уже темнеет, но птицы еще не смолкли. Я падаю в траву, ощущая всем телом притяжение земли после трех бессонных ночей на четырнадцатой параллели, трава пахнет дымом и горькой полынью, земля теплая и живая. «Земля живая,» – повторяю я и уже не в силах поднять отяжелевшие веки. Только обнимаю его худые плечи, чувствую соленый душистый пот на своих обветренных губах и слышу, как стучит воробьиное, чужое русское сердце. Засыпая, я подумал: если этот славный парень убьет меня ночью, то пусть он сделает это быстро и не больно. Мне снился лебедь на черном зеркале озера, деревянный стол с пивными кружками и восемь лун в небе. «Почему восемь лун горят над нами? – спросил я у странной девушки с синим лаком на ногтях. – И почему так пахнет землей?» Девушка стряхнула с декольтированного платья мертвую стрекозу и тихо ответила грубым мужским басом: «Потому что ты, сука, больше не проснешься и будешь вечно пить со мной этот гной». Я попытался пошутить:

– Это не худший вариант вечности, правда?

На что получил оплеуху и визгливый ответ:

– Да, это неплохо, особенно если ты любишь слушать грязные истории. У меня есть что рассказать тебе, милая сволочь: – и я опять получил оплеуху.

...Когда прошел звон в ушах, я увидел на столе железную перчатку и отвратительные крючки. Поймав мой недоуменный взгляд, эта жаба прохрипела:

– Что ты удивляешься, ты в аду, сука:

По лунной дорожке шел карлик с огромным членом и волочил привязанного за ноги мальчика, который что-то кричал на итальянском, и я опять удивился. «Неужели и меня будут истязать?» – не успел я подумать, как моя надсмотрщица стала целовать меня и высосала правый глаз: Потом она била меня по лицу железной перчаткой и приговаривала: «У нас тут страсти-мордасти, страсти-

мордасти, страсти-мордасти:» Я никогда не рисовал себе ад таким примитивным, грубым и зримым, он всегда казался мне чем-то вроде долговой ямы с муками совести и тонкими переживаниями, в крайнем случае, я представлял себя сгустком вечного ужаса, летящим в безграничности или тлеющим огоньком самосознания в огне или холоде, но физические муки для меня были убийственной неожиданностью. Неужели это навсегда? Ад не будет закрыт? И разве моя любовь – грех? Любовь ведь чистая, как кристалл: Это лирическое отступление от небытия, ведь – «пока люблю – дышу», так говорили в золотые века? Они не знали Христа, и им все простили? Я так не играю, это нечестно, остановите землю, мне нужно сойти:

...Да и что ты оставишь после себя, Найтов, фотограф облаков, вечный мальчик? Высохшую розу и пару неплохих стихов в одной из канувших бесследно антологий? Может быть, близорукая филология зарумянится от удовольствия, вздохнет, получив минутное эстетическое наслаждение от текста, но ведь не ради эфемерного вздоха ты размешал свой лирический коктейль с кровью и слезами (кто сказал, что арлекины не плачут?). Или и жизнь твоя – облачный пар? Вместо символа веры поднял на шесте, как знамя, трусы какого-то сопливого мальчишки и плачет пьяными слезами, пуская слюни. Выстави за дверь своего щенка, встань под холодный душ, протрезвись, очнись! Изведи постом и молитвой парнокопытного беса, приставленного к тебе, чтобы ты не возгордился, извлеки из плоти своей это длинное жало, пока не задохнулся в перегаре смрадного, тягчайшего греха, пока не подавился собственной блевотиной, ибо нет у твоей лодки ни весел, ни паруса, и бросает ее как щепку в волнующее житейское море – и лодка тебе давно мала, и море все безумнее. Бог дал тебе чудесный, неиссякаемый дар, но кому много дано – с того много и спросится. Как же ты можешь столь безрассудно растрачивать то, что только отчасти принадлежит тебе? Будешь в долговой яме!

...Молодчики в проклепанной коже берут меня под руки и волокут к черным дверям лифта. Звенят цепи, мигает красная лампа. Мы спускаемся в дремучий колодец. У меня выпадают волосы (возможно, от радиации) и тошнит, тошнит: Двери разъехались: я увидел вращающееся зубоврачебное кресло, к которому пристегнут мой Денис. Блестящие спицы торчат из его челюсти, лоб сжат медным обручем, ноги расставлены, и вместо члена – рваная рана с пластмассовой трубкой. Компьютерный ремикс ревет из мощных динамиков, висящих под ржавой решеткой потолка – по этой решетке бегал краснозадый примат и определенно старался помочиться на меня. Из-за китайской ширмы с вышитыми золотыми драконами вышел румяный улыбающийся человек в белом халате. Извиняясь, доктор накрыл Дениса черным тюлем, закурил и, вежливо пригласив меня сесть в кресло, произнес нечто странное: «Я ознакомился с вашей историей, Андрей Владимирович: Мне нравится история, было интересно читать. Но у нас частная клиника, поэтому мне хотелось бы проверить ваши кредитные карты». Я протянул ему свой бумажник. Вдруг, во мгновение ока, мы оказались на Оксфорд-стрит в чудесный осенний полдень. Увидев эмаунт моего счета, доктор с удовлетворением щелкнул пальцами. Выбрав удобный момент, я подбежал к двум полисменам, но они, выслушав мой полубезумный монолог, переглянулись и пошагали дальше классической походкой лондонских бобби. Не раздумывая я запрыгнул в такси и приказал водиле гнать к лондонскому Лайтхаузу на Лэдбрук Гроув, рядом с которым, я помнил, находилась сербская православная церковь и дом епископа Николая. По дороге я посмотрел на себя в автомобильное зеркало и ужаснулся: лысина с дикими клочками волос, синие круги под глазами (наверное, таксист думал, что везет больного СПИДом в лондонский «Маяк»). Мне было нечем платить. Я попросил таксиста подождать меня возле ограды, а сам опрометью бросился в храм: В церкви было пусто, только молодая девушка наливала в лампы масло. Увидев меня, она вскрикнула и стала что-то лепетать на сербскохорватском, но я не

слушал ее и прыжками безумной гиены скрылся за алтарем, схватив на престольный крест, восклицая: «Крест держава всей Вселенной, крест – ангелам слава, крест – бесам язва, здесь меня не посмеют схватить никакие доктора, я буду первым человеком, кто сбежал оттуда:» Я глубоко ошибался. Крест начал раскаляться в моих руках, и я бросил его на кафельный пол. Волдыри на ладонях. Девушка вызвала полицию, но в моем ненадежном положении я был искренне рад сдать в их надежные руки. Я даже вдохнул с облегчением взаперти маленькой комнаты, как вдруг загремели замки, и я с ужасом увидел моего сияющего доктора с двумя головорезами в белых халатах. Полисмен за их спиной подмигнул мне: «Мистер Найтов, если клинику вашего доктора Хантера вы условно называете адом, то мы желаем вам поскорее выйти оттуда здоровым и счастливым человеком. Не безобразничайте больше в храмах». Доктор улыбался и жал руки полисмену, пока молодые быки выкручивали мне руки и заталкивали в спецавтобус с тонированными стеклами. «Запишите хотя бы номер этого катафалка!» – кричал я в последнем отчаянии полицейскому, который стоял у выхода, прихлебывая кофе из пластикового стаканчика и издевательски дружественно махал мне рукой на прощание: Ах, как трогательно. Единственным утешением было только то, что у меня есть шанс увидеть Дениса, и в глубине души еще тлела искорка надежды на спасение:

«Каникулы! Каникулы!» – кричал Денис, прыгая на постели, пока я отглаживал-отпаривал его белую рубашку. Если бы вы знали, какое это счастье гладить рубашку любимому человечку. Вечером мы запланировали визит в театр («Вишневый сад» Чехова); я также прекрасно понимал, что моему фавориту в этом возрасте нужна как воздух компания сверстников, и ревниво посматривал на дикие стайки подростков, опасаясь в глубине души, что они завлекут моего фаворита в свой загадочный субкультурный микроэтнос, который был Денису, быть может, интереснее, чем вечер с шампанским в обществе угасающего провинциального интеллектуала. Нет, я не

играл роль дяди или отца, но был Денису старшим братом, с ветерком русского гиперлиберализма и с интересной игрушкой в штанах.

Наверное, я был хорошим наставником. Я часто рассказывал Денису о былом величии России, порой впадая в шовинистический экстаз, хотя широко распространено мнение, что гомосексуалисты с рождения имеют прививку от вируса национальной идеи. Но, поверьте мне, нельзя было спокойно смотреть, как летела под откос птица-тройка, моя Россия, и я даже прекратил слушать радио, чтобы не оскорблять слух пошлым краснобайством политических уродов, гомункулов из пробирок все той же старой Империи, вставших под новые знамена. Россия распродана с молотка. Господа, торговля – хорошее дело, но не странной ли торговлей мы занялись – все продаете и ничего не покупаете? Президент играет в теннис и советует рабочим «не бояться иметь больше детей, потому что жизнь будет лучше». Но больше ничего не будет. Я любил фасад той Империи, и двумя годами позже вселенский разум пошутил надо мной, когда в лондонском «Херродсе» я купил репродукцию плаката Эрика Булатова: на фоне великолепной панорамы удивительно написанных облаков в голубом небе шарахнуло огненными буквами – СЛАВА КПСС! Больше экспрессии славы я еще не видел, таких классических облаков уже не будет. Облака моего детства. На плакате осмотрительно зафиксирована дата – 1975. Чувствуешь, каким вдруг ветром дунуло, какие побежали по комнате солнечные зайчики? Молчи, я не о том, я о детстве, о воздушных шарах и твоей бескозырке, о мороженом «Бородино», о водном трамвайчике на Москве-реке, а люди тогда были так наивно счастливы, да? Вы помните этих добрых московских интеллигентных старушек? Куда пропали добрые старушки? Почему столица превратилась в помойку? Где все эти невообразимые конфеты? Ты помнишь праздничный стол семьдесят пятого? Ты помнишь маму и отца? Молчи, я не о том, я о тех облаках, потому что я сижу сейчас в своем лондонском доме, пью русскую водку и смотрю на этот чудом

уцелевший плакат. Я люблю эти облака. А сейчас я, кажется, еще немного выпью: Денис не понимал моей ностальгии, он не видел Империи в ее славе, а я, хочу того или не хочу, – плоть и кровь моей эпохи, несмотря на свою приобретенную космополитичность. Наверное, в новой России я почувствую себя иностранцем. Но и в этом парадокс: в сегодняшней России можно жить, только будучи иностранцем. Обидно. Денис, Денис, мой мальчик с дважды украденным детством – сначала история обворовала, а потом и я подрос, снял сливки: Господа, что обычно происходит с забытыми идолами исчерпавшей себя эпохи? Идолы утрачивают сакральность и становятся объектами соц-арта. Нет, я не динозавр посткоммунизма, но просто горячий поклонник соц-арта, благодарный зритель на выставке, включившийся в процесс сотворчества, тем более, что я никогда не воспринимал жизнь слишком серьезно и наблюдал эту божественную комедию со своего вечного восьмого ряда. Как отстраненному художнику мне был дорог каждый камень великой империи; я галлюцировал гигантским проектом памятника эпохе, мне хотелось спасти все уцелевшие монументы и выставить их в ряд на отлогих берегах Волги – целые километры памятников, которые бы снимал с борта теплохода ошарашенный подвыпивший интурист. Это прекрасно, что Денис не помнил империи, ибо сам Моисей водил избранный народ по пустыне, пока не сменились три поколения, перед тем как обрести обетованную землю. Империя жила во мне эстетически, и ее веселые вирусы проникли в каждую мою клетку. Я помнил царственную славу и пожар великого Рима, а Денис не вкусил даже объедков с того пиршественного стола. Впрочем, и это только облака в зеркале моего ликующего одиночества. Да и что ты знаешь о моем времени, юноша новой России? По иронии судьбы я был уверен в душе, что строю прекрасный собор для всех, но оказалось, что я возвел монастырь своего одиночества, и никто не последовал за мной в грустную обитель. Но в этой обители я обрел духовную свободу, как бы патетически это не звучало. Лунный характер моей сексуальности во

многом определял мое отношение к миру (и к Богу!) и, как большинство моих братьев, был нетерпим к обывателям (впрочем, это взаимно). Из своей жизни я хотел сделать бродвейское шоу и уже в детстве знал, что мою судьбу пишет в аду интересный автор (за что я всегда лояльно благодарен аду). Гомосексуальность – вектор стиля жизни, и именно обостренное чувство стиля гнало меня по миру в последующие годы. Мой осторожный вывод малоутешителен – нас погубят не кислотные дожди и озонные дыры, нас погубит стилизованная пошлость. Стилизованная пошлость, пошлость во всем – во взаимоотношениях, в любви, в искусстве и религии. Нужен огненный меч, чтобы разделить стиль и стилизацию. Даже в своих религиозных метаниях Найтов опять пришел к золотому кресту православия (ибо это стиль, а католический театр, к примеру, – стилизация). Так, некоторые из нас после определенного момента жизни уже не замечают, что начинают играть самих себя, и нередко становятся пародией на свой первоизданный образ. Это хорошо видно на примере всех без исключения политиков, потому что история, творимая Всевышним, превращает своих мнимых творцов в дружеские шаржи, а Вселенский разум обладает великолепным чувством юмора. Как удивительно он разыгрывает своих актеров, которые стали столь серьезными, что разучились играть. Господа, идите учиться к своим детям – учиться играть. Играть солнечно и вдохновенно.

...Закончив священнодействия с пыхтящим утюгом, я перенес своего брыкающего фавна в ванную, под душ. Капли дрожат у тебя на ресницах. Загипнотизированный сочной зеленью твоих глаз, я тоже встал под душ, не сняв рубашки и только что повязанного галстука. Ты сам помог мне раздеться, надел мой мокрый галстук на свою тонкую шею и скользнул горячим языком по моим соскам. Волны электричества пробежали по телу, а ты уже медленно приседал, скользя ладонями по моим мускулам, и, наконец, нашел губами свою главную игрушку, которую я всегда ношу с собой. Мы впервые открыли эти фантастические водные игры, хотя я ревновал

тебя даже к воде, превращающейся в янтарь на загорелом бархате твоего тела. Я намыливаю своего румяного чертенка душистым гелем. Ты смеешься и выскальзываешь из моих объятий, вздрагивая от щекотки; радужные мыльные пузыри летают в лучах зимнего солнца, бьющегося в матовое стекло моей ванной комнаты. Наконец, завернув Дениса в огромное пляжное полотенце, несу его, спеленутого как мумия, в спальню, и мои мокрые следы на паркете горят на солнце как расплесканное золото. За завтраком мы сражаемся вилками за последнюю сосиску, и запросто бы съели друг друга, потому что только моим арлекинам известно, сколько тонн килокалорий мы сожгли за прошедшую ночь.

Я всегда завидовал твоему аппетиту и даже сравнил бы тебя с маленькой синицей, которая съедает за день столько же, сколько весит сама: Но зачем я пишу все это, для кого? Какая цель? Нет цели. Просто блуждающая звезда Андрея Найтова хочет быть замеченной и занесенной в длинный перечень других блуждающих звезд. Имя той звезде – «НАВСЕГДА ДЕНИС». Автобиографа можно обвинить в навязчивом эксгибиционизме, но грустный арлекин держит передо мной беспристрастное зеркало с опрокинутой чашей неба, где сверкают все наши ночи, полные яростного вина и огней. И сказано будет мне: «Сей человек и дела его». Ибо что мы ныне объявить стыдимся, тогда всем явно будет, и что мы здесь притворно не сокрываем, все-то там сожжет очистительный огонь. Посмотри вокруг, мой моралист – разве не в порнографическое время мы живем? Да, мы выбрали это время, и не сам ли ты пригубил с земными царями из чаши великой блудницы, одетой в багряное? Или ты не жил в нашем Вавилоне? Так знай же, что новое, огненное вино уже приготовлено, но лучше бы тебе его никогда не пробовать.

...Древний янтарь луны привлекает арлекинов; накинув зеленые плащи, они садятся на мотоциклы и разрывают ветхую ткань пространства.

* * *

Но откуда это инстинктивное и необоримое стремление все описать, классифицировать, разложить по ящичкам и составить каталог? Я изучал себя, но до сих пор отчетливо не определил свое отношение к миру, к Богу. Если и существует бес порока, то я не изводил его постами, молитвами и смирением, но вежливо воспитывал как трудного подростка с искаленным детством. Денис, мой маленький инопланетянин, куда несет нашу утлую лодку, где секретная лагуна?

Нечто страшное произошло в Рождество. Страницы моего дневника мерцают огнем под этой датой, до сих пор я не могу вспомнить это без волнения. День тогда стоял просто сказочный, снежинки сверкали на белом вороте моей мягкой дубленки, зимнее солнце рефлексировало в хрустале искристого наста, ослепляло со звоном наледи и янтарных сосулек. День выдался звонкий, если еще вспомнить радостную переключку колоколов над нашим Вавилончиком. Утром мы посмотрели скучнейшую индийскую мелодраму с яркими злодеями, положительными героями и смачными драками – надо заметить, что в этих наивнейших фильмах с заплетенными «вечными» сюжетами есть какая-то поразительная детскость и, как результат этого, убийственная достоверность – есть тот детский «меч правды», резко разделяющий добро и зло.

Днем мы пообедали в плавающем ресторанчике у речного вокзала, где традиционный бифштекс традиционно не поддавался традиционно тупому ножу. Солнечный зайчики прыгали по открахмаленной скатерти, и облака в иллюминаторе были похожи на ватных зверей, жестоко расстрелянных разрывными пулями. В благодарность за облака я щедро расплатился с заспанной официанткой, у которой лиловые варикозные вены просвечивали сквозь бронзовые колготки. Я почему-то опять вспомнил Алису, долго вертел в руках искусственный георгин, а ты примерял мои очки и

смотрелся в ромбовидное зеркало с приклеенными бумажными снежинками – в этих очках ты был похож на белку, улетевшую на экзотические каникулы, особенно когда улыбался и показывал лопатки передних резцов. Портвейн почему-то благоухал жжеными перьями, и с каждым глотком все ярче загорались светильники в пустом зале. Но присутствовало отчетливое ощущение того, что вот-вот грянет веселая музыка и сотни арлекинов отразятся в ромбах зеркал, ночующих в своем вечном одиночестве. На набережной ветер трепал российский флаг над зданием вокзала, и мне подумалось тогда, что мне совершенно безразлично, какой над нами теперь будет флаг, потому что кончилась странная и, наверное, великая эпоха.

По дороге к храму мы молчали. Золотые глаза фонарей смотрели в ночь. Пустят ли в церковь карнавальную толпу моих арлекинов с вином и розами? Но и они идут поклониться нашему младенцу – трепетно и нежно. Я казался себе до смешного величественным и благостным, точно это меня сейчас облекут в золотые ризы и я начну священнодействовать, а Денис будет стоять рядом с длинной общей свечой. Мы вошли в храм Покрова Божией Матери через южные ворота. Здесь было надышано и тесно, паникадила мерцали в полумраке, и точно сквозь облако золотой пыли выплывал нам навстречу алтарь с праздничными одеждами священнослужителей; у восточной стены был высвечен уголок с деревянными фигурами Марии и Иосифа, младенец лежал в яслях, украшенных сухими полевыми цветами, трещали свечи, и яркая звезда в морозном окне была та самая, вифлеемская, остановившаяся над нами. В церкви у меня иногда появлялось предчувствие скандала, и я сам не знаю почему: На этот раз среди всей тишины действительно грянул гром, и земля едва не разверзлась подо мной, когда кто-то в толпе осторожно дернул меня за рукав. Я обернулся и увидел грубо слеplенное лицо местного юродивого с влажными губами и ржавой щетиной. Он дебилно улыбнулся и показал мне забинтованный палец. Поначалу все это выглядело комично, но холод тихого ужаса

обуял меня, когда дурачок шепеляво вымолвил, брызгая мне в лицо слюной: «А меня за содомский грех Господь разума лишил». Он тихо засмеялся и опять показал мне свой изуродованный палец. Слава Богу, Денис не расслышал этого убийственного кликушества, но мой праздник был окончательно испорчен. Кажется, даже стены задрожали от жуткого шепота. Но как он «вычислил» меня, этот слабоумный персонаж, как он не ошибся в венозной толпе рождественского народа? Какой сложный пасьянс, однако, разложился с поразительной точностью – уж я-то знаю, что коинцидентов не существует! Мне поставили шах как мальчишке, преувеличивающему свои таланты. Я сжимал в кармане вспотевшие банкноты и на выходе опустил их на нужды храма в железную копилку. Не откупишься!

Я решил не рассказывать Денису об этом казусе – тем более, что его в этот волшебный вечер ожидало несколько сюрпризов. Моя примитивная фантазия долго искала достойный подарок на прилавках коммерческих магазинов, и наконец мой вселенский романтизм и практичность воплотились в двух предметах: настоящий, черный баскетбольный «Рибок» и надувной прозрачный глобус, символически предвосхитивший мои будущие скитания по нашему маленькому переливающемуся шарiku. Увидев новенькие кроссовки, ты вдруг застыл как гончая перед прыжком, едва ли не на цыпочках подкрался к столу и с затаенным дыханием погладил черную кожу и флуоресцентные зигзаги. Придя в себя, но все еще не веря своим глазам, ты попросил разрешения примерить свой подарок. Я помог тебе зашнуровать этих монстров, в язычки которых были встроены воздушные помпы. Подкачав бутсы, ты запрыгал; кроссовки пружинили, аппетитно поскрипывали и подбрасывали счастливого их обладателя к звездам, к новым свершениям и рекордам, которых никому не побить. Глобус ты надул сам, материки и континенты обрели форму, запестрели незнакомыми странами и городами. Мы перебрасывались надувным земным шариком, точно весь мир был в наших руках и ветер странствий уже погонял наш

маленький кораблик. Вот особенно любимый мною снимок: хрупкий, стройный мальчик с надувным глобусом в руках. Кажется, он вот-вот улетит в небо со своей геополитической игрушкой. Пусть это звучит патетически, но в тебе я уже видел черты нового человека, который забронировал свое место в двадцать первом веке – счастливого человека. Я был безумно счастлив с тобой, но всегда чувствовал, что до абсолютного счастья мне, как обычно, не хватает каких-то пяти минут. Впрочем, именно этих пяти минут мне недостает всю жизнь, несмотря на то, что часы я всегда ставлю на пять минут вперед.

Третий сюрприз приготовили Прекрасные Феи. Правда, моими руками – мороженое «Пломбир» с абрикосовым сиропом, немного солнца и меда, шампанское с ананасовыми дольками. И не забудьте завязать глаза своему любовнику, когда будете потчевать его заколдованными вкусами. Не пора ли внести немного десертной магии в любовную игру? Разве не за драгоценным нектаром летят золотые пчелы, опыляя заветную завязь? Какой амброзией питались боги, есть ли такой фармацевт или безумный химик, способный синтезировать небесный эликсир? Душа пожирает облака как американский попкорн в старопорядочном кинотеатре. Шелли, Шелли, мой дорогой поэт, где взять медового вина в гиацинтовых бутонах, от аромата которого сходят с ума вампиры и летучие мыши в старинных замках? Мне кажется, я слышал их бормотание и визг, когда готовил любовный десерт на ночной кухне.

Так змеи сбрасывают кожу, как мы сбросили свои одежды. Я с неистовой силой обнимаю твои колени, завязываю тебе глаза, приношу драгоценные дары и начинаю кормить тебя как птенца. Улыбка скользит по твоему лицу, абрикосовый сироп блестит на детских губах. С завязанными глазами ты угадал все ингредиенты и, запрокинув голову, пригубил шампанского; я нежно целую твои влажные губы, пью твое свежее, чистое дыхание и: тут арлекины вынуждены опустить занавес, потому что в зале сидят дети. Аплодисменты первой скромности.

Сейчас я могу по минутам воспроизвести в основательно пропитой памяти наши рождественские каникулы. Надо отметить, в тот волшебный вечер дуэт саксофона и флейты прервали незапланированные гости, которых нельзя по-своему не любить, потому что они были неплохими героями первого акта жизни Андрея Найтова – им были суждены только этапные роли, но они играли их с блеском. Я имею ввиду рыжую Гелку и слегка циничного Рафика в вытертых джинсах и белом пиджаке. С наэлектризованной шевелюрой и растерянным взглядом Раф напомнил мне диссидента и правозащитника откуда-то из семидесятых. Я никого не приглашал на рождественский ужин, но они поставили меня уже перед фактом своего появления. Раф завалился с двумя туго набитыми сумками со всем а-ля-картэ своего ресторана. Увидев Дениса, он присвистнул, с удивлением посмотрел на меня, потом опять на испуганного бельчонка: погрозил мне пальцем и с винным ароматом прошептал на ухо: «Это что за педушка?» – но тут же смутился и потрепал Дениса за волосы: «Привет, тушканчик! Ваше очаровательное фото я уже видел в архивах этого гестаповца». Денис настороженно рассматривал Рафика и краснел от смущения. Я разрядил паузу выстрелом из пневматического пистолета. Мои актеры вздрогнули от неожиданности. Я пригласил их на ночной пир.

Харчи из гадюшника оказались совсем неплохими. Мы собрали царский (по тем временам) стол: белорыбица с хрустящими солеными огурчиками плыла по ручейкам холодной столичной водки; медовая дыня, в которую так убийственно красиво и мягко входит широкий нож, киевские цыплята с хрустящей корочкой и даже черная икра, которую Рафик называл браконьерской. Три бомбы «Цинандали» покачивали полными боками, мандарины пахли детством, а увенчивали стол звезды армянского коньяка. Гелка просто не могла не прийти на наш экспромт, потому что у рыжей лисы острый нюх на спиртное, она за километры чувствует полную чашу. Осыпанная снегом снегурочка прискакала в осенних сапожках, долго растирала замерзший нос в прихожей и так усердно красила

губы, что на месте кукольного ротика появилось нечто, похожее на кровавую рану. Я строил ей рожи в зеркале, но Гелка была сосредоточенно-серьезной, со звонко натянутой стрункой внутри, как всегда выглядят алкоголички в период воздержания. Я обнял ее со словами: «Сейчас мы тебя обогреем, блудница». Увидев на вешалке детское пальто, она спросила:

– Чья это бедная шкурка, Андрей Владимирович? Вы стали педофилом?

– Думаю, что нет, просто у меня сегодня внеклассная работа. Его зовут Денис, и, пожалуйста, постарайся не брызгать ядом после третьей рюмки:

Бельчонок ерзал на стуле и следил за мной, точно ожидая моральной поддержки. Я подмигнул ему – и он заулыбался. Мы были с ним в тайном заговоре, наши неожиданные гости ревниво чувствовали свою очевидную второстепенность. Мне, конечно, было немного неловко за своих неприкаянных друзей, но я же любил их! В конце концов, у нас было много общего – мы не были обывателями. Денис, пожалуйста, застрели меня своими руками, если я стану смотреть телепрограмму «От всей души» и читать современные исторические романы:

Да, память как игровой автомат вдруг выдает при счастливой комбинации всю проглоченную мелочь. Зачем считать эти копейки? Что из того, что жил на свете этот сумасшедший Найтов и его милый бельчонок? Что из того? Почему я так боюсь расстаться с ним, даже когда он стал просто лирическим героем? Зачем еще раз проходить сложности повествования? Боже, как бездарно проходила жизнь, и в моих зрачках остался только этот школьник с потертым портфелем: Денис, стань мной, или можно я стану тобой? Я хочу быть в тебе, спать в тебе, глубоко в твоём подсознании осознавать себя и тебя, я хочу стать просто светом любви, просто светом, просто радугой над старинным городом, где шаркают твои несуразные старые ботинки. Я и на том свете буду кувыряться в ожидании Дениса. Я старался жить на пять минут вперед, но, может быть, секундная эйфория оргазма и

есть сжатая до точки вечность? Какая, однако, дьявольская уловка, но наслаждение не только физическое. Отравленный поцелуй Демона и головокружительное, ликующее падение! Я падаю, выворачивая крылья! Ревут мотоциклы, воют полицейские сирены.

Гелка выкатила из своей толстопузой сумочки бутылку водки – жуткое рождественское войско на столе пополнилось. Я дал себе зарок не напиваться и владеть ситуацией. Рафик с хрустом выворачивал крыло у жаренного цыпленка – подумалось, что когда-нибудь и мне так же равнодушно, но с аппетитом обломают крылья. Гелла изучала Дениса и наконец разразилась пошловато-пышным тостом: «За небесного юношу с глазами оленя и за поэта Найтова, которому боги поручили увековечить это создание:» Денис зарделся, а мне было почему-то противно смотреть на гелкину рюмку, края которой были выпачканы блядско-яркой помадой.

Христос родился. И в ту ночь пришли ко мне эти некоронованные короли – Гелка с Рафиком, и Раф выглядел странно благостным и умиротворенным. Я молился о том, чтобы не превратить чудесную вечерю в черную мессу, а в ушах все звенел шепот юродивого: «А меня за содомский грех господь разума лишил:» Господь разума лишил. Если когда-нибудь литературный моралист с негодованием спросит, как у меня рука поднялась написать эту повесть, то я отвечу в простоте сердца теми же словами:

Мы пили крепкую русскую водку, вытравливали в душе дьявола химическим способом, Денис тянул через соломинку «Цинандали», и вокруг постепенно вспыхивали огни и звучали радуги. Гелка, впрочем, опять рычала над унитазом как могучее животное. Рафик прокомментировал: «Вы слышите рев раненого мастодонта из палеозойской эры,» – и стал наигрывать знакомую грустную мелодию, мягко педалируя. На полочке пианино пошло стояла рюмка водки, совсем как в декадентском кабаке. Закончив музыкальную цитату, Раф подошел к Денису, похлопал его по плечу и вымолвил почти патетически: «Веселись, юноша, во дни юности своей». Рафик имел обыкновение выдавать высокопарные цитаты, и чаще всего не

к месту. Было душно, я поднял жалюзи, и в комнату всплыла огромная африканская луна. Бледная Гелка прошептала: «Боже, какая страшная луна».

– Луна, – повторил Рафик и брякнул клавишей. Звук облетел Вселенную и опять повис в воздухе. – Почему ты пишешь стихи, Андрей?

Я растерялся перед тривиальным вопросом. Я и сам не знал, откуда приходят ко мне эти странные облака с музыкой и детскими голосами. Как печально, что есть душа, почему она никогда не находит покоя? Я хочу быть волшебником или, хотя бы, фокусником. Может статься, что только из скромности я не показываю главного своего чуда. А вдруг я могу воскрешать мертвых, откуда вы знаете? Вы не верите? Я опять молчу. Из скромности. Поэзия стала моим дыханием, а остановка дыхания равносильна смерти. Интересно, кому или через кого я буду диктовать безымянные стихи после своей физической смерти? «Да такие писатели, как ты, пишут в аду судьбы людей,» – кто-то сказал мне в тон грязным голосом. Бельчонок сопел рядом, а я смотрел бы и смотрел на его детский профиль.

Я чувствовал, что опять
спускаюсь
в ад...

– Дорогой мой Андрей Владимирович, вы ведете себя как мальчишка, из нашей клиники еще никто не убегал, да и что бы вы стали делать в жутком Лондоне? Вы посмотрите на себя в зеркало – какой страшный покойник! От вас же все шарахались! – доктор рассмеялся и подкатил мне кресло. – Садитесь, успокойтесь, выпьете что-нибудь?

– Да, водки. Или джина. Или чего там у вас заведено подавать новоприбывшим?

– Так водки или джина?

– Того и другого. Без тоника.

– Господин Найтов, с вашим банковским счетом я бы вел себя увереннее.

– Не издевайтесь, садист. Лучше скажите, как вы собираетесь меня мучить? Что вы сделали с Денисом, и настоящий ли это был Денис?

– Какой еще Денис? Что вам приснилось?

– Сами знаете, какой Денис, – тот мальчик, в зубоврачебном кресле, которого вы при мне накрыли черным тюлем, это был настоящий Денис Белкин или:?

Доктор промолчал, только поцокал языком и покачал головой. Он долго рассматривал на свет хрустальный стакан и наконец подкатил мне напитки на сервировочном столике. Я смешал в стакане джин с водкой.

Доктор поморщился:

– Огонь любит спиртное, поэтому не очень налегайте на горючее.

– Какой еще огонь? – стакан запрыгал у меня в руках, но я старался казаться невозмутимым и повторил свой вопрос жестче: – Это был Денис или его двойник, кукла для моего устрашения? Если это Денис, пригласите его сюда немедленно.

– Стоп, стоп, стоп: я очень сожалею, но я тут не команду парадом, у того русского мальчика есть свой врач, и вообще, он на моем уровне только временно.

Я обхватил голову руками и обнаружил, что свез ладонью несколько оставшихся клочков волос. Ссадины кровоточили. Я расползался по швам. Собеседник похлопал меня по плечу:

– Постарайтесь привыкнуть к новому облику, Андрей Владимирович, это обычный процесс – распад белковых тканей. Я, если хотите, могу немного остановить это безобразие, давайте подкачаю цинкового раствора в вены? И мышцы немного округлятся. Всего 220 фунтов за сеанс.

Я взорвался:

– Вы сволочь, вы наглец и циник! Я хочу покоя!!! Я: я хочу абсолютного покоя, я расстался с телом, мне не нужно этих обносков:

– Какой вы трудный покойник, однако: Я хочу как лучше – предлагаю вас подремонтировать, можно сказать, от чистого сердца, а если не хотите – что ж, продолжайте разлагаться и вонять. Дня

через два сами попросите, но это будет стоить уже дороже. Время – деньги, особенно здесь.

– Нет уж, дорогой мой доктор: как вы там себя называли: доктор Хантер, да? Если я в аду и если, как вы сами не перестаете замечать, мой банковский счет еще чего-то здесь значит: или вы издеваетесь? Конечно, издеваетесь, но в любом случае, я хочу чтобы вы продемонстрировали чудеса вашей черной магии: всей вашей демонологии – я хочу по-ко-я!!! Или верните меня на землю, но в нормальном облике.

– Уж не вампиром ли? – док расхохотался. – Хотите вампиром? Это фан! Спать весь день, ночью развлечения – и никогда не стареешь! – доктор внимательно посмотрел мне в глаза.

– Вампиром? Вы серьезно? Но ведь: нет, это непостижимо: это ведь временная работа, ведь и там скоро все кончится? – я машинально показал пальцем вверх. – И я опять буду здесь рано или поздно, не так ли?

– Так вы принимаете мое предложение?!! – психиатр вдруг весь побагровел и задвигал скулами. Он схватил бутылку и разбил ее об мою голову с визгливыми криками: – Сволочь! Продажная шкура, говно! Подумай, бля, о своем щенке!..

Морщась от боли и обливаясь кровью, я рассмеялся ему в лицо:

– Фашист! Люблю фашистов! Вот так-то лучше, теперь я чувствую, где нахожусь, – давай, бей меня, сука, режь, жарь, расстреливай, вешай! Занимайся своим делом, садист, а не развлекай меня глупыми разговорами: Где моя камера пыток? Где, блядь, мой котел? Кстати, где черти? Давай чертей сюда гони! Где крючки и инструменты, где персонал? Хуево работаешь! Я буду жаловаться, кто тут у вас самый главный?

Док побледнел и безвольно провалился в свое кресло, все еще сжимая в руке отколотое горлышко. Я похлопал в ладоши и прокомментировал:

– Аплодисменты: жидкие, но аплодисменты: Прошу на «бис», дорогой мой мучитель, где мой терновый венец?

Доктор подъехал на своем кресле поближе:

– Ладно, не выпендривайся, Найтов: Прости, я погорячился. Дело в том: дело в том, что я не владею этой ситуацией полностью, к моему глубочайшему сожалению: Теперь слушай меня внимательно:

– Слушать внимательно? После того как вы едва не разбили мне коробку? Интересное приглашение к разговору. Что же будет дальше, я уже заинтригован, мародер. Кстати, позвольте поинтересоваться – что у вас за специальность?

– Не беспокойтесь, мистер Найтов, уверяю вас, вы попали по адресу. Я сексопатолог. Но, в основном, специализируюсь в области куборгазма, эрототроники и теледилдоники.

– Ого, да вы компьютерный злодей! Кстати: вы человек?

– Наука сделала меня Богом, – смущенно заметил благообразный монстр и скривил тонкие, бескровные губы. – Вам повезло, Найтов, я устрою вам такой вселенский оргазм, что звезды посыплются с неба! Добро пожаловать в мои джунгли! Здесь весело, здесь фан, а там, – он потыкал пальцем вверх, – умрете со скуки, ха-ха-ха! Неужели вы предпочитаете порхать с полупавлиньими существами и славить того, чье имя я не имею силы произнести? Бесполое танцы:

Мне стало не по себе от этой тирады и от ядерной смеси, которая обжигала горло, но не пьянила. Я разбил стакан о стену, встал, подошел к сексопатологу, мертвой хваткой схватил его за галстук и, притянув к себе, прошипел сквозь зубы:

– Теперь выслушай меня. Ты имеешь власть над моим телом, которое по недоразумению я еще таскаю с собой, но ты меня не проведешь ни хитростью своей обезьяньей, ни теледилдоникой, потому что Кое-кто имеет ключи ада и бездны, и ты это прекрасно знаешь, рогатый эротроник: Я не мальчик-девственник, умиляющийся над райскими лубочными картинками деревенского батюшки: Я получу сполна за свою гордость и дерзость, но я знаю, Чье имя я повторю как спасительный пароль и в огне и в холоде. Дискотеку твою скоро закроют, как бы не был обилен твой улов. Ты знаешь прекрасно, что вожатый, ведущий слепых в гиблое место, сам

себя обманывает. Вы умеете только копировать, вы аниматоры, кукольники, художники, но душу бессмертную, которая есть Дух Живой, вам не укрыть ни на дне морском, ни среди звезд. И имя мое из Книги вам не вычеркнуть:

Сексопатолог расхохотался и с фантастической силой, как бы шутя, отбросил меня к стене. Полчища откуда-то появившихся рыжих муравьев заползли в штаны и под рубашку, в уши: Док накинул на свой ястребиный нос позолоченное пенсне и сладко так вымолвил:

– Как от тебя ладаном пахнет, мой хороший: Вон, сними со стены огнетушитель со святой водой, ха-ха-ха! Ты, видно, книжек каких-то старых начитался, а мы здесь книжек не читали и университетов не проходили. Да и мало ли что в книжках напишут – будь проще, и мы найдем общий язык:

Я лежал на полу как самый обыкновенный холодный труп, чувствуя иллюзорность органики своего водянистого тела, которое когда-то боготворил, омывал, подкачивал на тренажерах – все было создано из праха и в прах обратилось: Потом два красивых негра здесь же, на полу, отрезали мне голову и бросили ее в скользкий ящик, где уже лежало несколько других буйных головушек:

Утреннее солнце нашло нас обессиленных на измятых простынях. Мы смешали свой пот. Не люблю утро, потому что оно беспристрастно. «Пакт с дьяволом, кажется, не состоялся,» – подумал я и разбудил Дениса поцелуем. Он захлопал ресницами и долго рассматривал меня спросонья, смешно нахмутив лоб. Я осторожно укусил его за ухо, поцеловал глаза, лоб и яркие детские соски, скользнул языком по животу: Он зажмурился, застонал и поджал под себя коленки. Только сейчас я заметил капли крови на изжеванной простыне. Денис поймал мой удивленный взгляд, покивал головой и как-то простуженно, срывающим голосом, переходящим с тенора на подростковый баритон, сказал: «Ты вчера сделал это так грубо, Андрей, мне было очень больно:» Потом я увидел на полу разорванную футболку и трусы: Так! Началось: «И мальчики кровавые в глазах:» Я стал неистово покрывать поцелуями его

вздрагивающее тело и просить прощения. В то утро в целом свете не было человека виновнее меня: Откуда эта медвежья грубость? Как он вынес мои слоновые удары? Кровавые простыни вывешивают с гордостью на заборах, да? Господи, Господи, откуда эти приступы всепоглощающей любви, как бесконечная любовь уместается в тесных рамках твоей сжимающейся вселенной? Мне тесны доспехи тела. Средневековый содомский бес Асмодей напоил меня своим вином, и я бы пил и пил это вино, даже если бы чаша была сделана из черепа отца. О крик Демона длиною в мою жизнь, крик раненого зверя, глаза затравленной лисицы! Зачем, Господи, ты дал мне это жало? Мне больно. Диалектический момент познания Творца, издержки первородного греха? Сомнительный путь. И один на один с Богом так страшно остаться – все хочется, чтобы рядом прыгал еще какой-нибудь бельчонок, которого я люблю. Смешно, да? Но, в то же время, ведь никто не ляжет умирать вместе со мной, даже Денис: Да и кто я ему? Школьный мастер. В моей Британии целый слой гомосексуальной культуры основан на конверсации ученика и учителя, скрепленный традицией школьных пороков. Не учительский ли кэн я купил недавно за пять фунтов в секс-шопе лондонского Сохо? Какой изящный и совершенный предмет! Школьная дисциплина. Темные уроки. Светлые коридоры. Мое дикое солнышко, Денис, любовь моя, радость и свет: Глаза зеленые. Ясность и живая вода. Седой майор с серпами и молотами в глазах кричит в мой сон: «Твоя любовь пахнет говном и розами». Бренчат браслеты. Гремят железные засовы.

...Денис фыркает под душем, как маленький тюлень. Странно, он запер дверь. Обиделся? Подогреваю на кухне консервированный суп – физиологический раствор с похмелья, но желудок заранее протестует и приготовился к революции. Зачем я залил вчера столько горячего?

– Я что теперь, твоя жена? – лукаво спрашивает Денис, вертясь перед зеркалом с полотенцем. Я хватаюсь за камеру, но бельчонок вертит головой – стесняется. – Андрей, – продолжает Денис, – ты

взаправду меня любишь или тебе нужно только это? – он похлопал себя по заднице и подмигнул мне. (Ведет себя как маленькая проститутка:)

За завтраком я выпил холодную бутылку сухого. Кажется, это был «Рислинг», потому что через десять минут я блевал кислятиной, супом и проглоченной наскоро яичницей. Я блевал с удовольствием, ожидая облегчения – облегчение пришло вместе с усталостью. Я заметил на лице новые морщинки. Возле глаз. Глаза совсем чужие: Опять и опять обнимаю унитаз – все-таки такой изящный предмет! Нет формы совершеннее. Унитаз похож на мальчика. Унитаз похож на меня – сколько бы дерьма в него не смывали, он сверкает белизной! Блюю, блюю, Божия овечка, нажравшаяся дерьма: Блюю как собака, как кошка: Вот опять подкатывает к горлу. Зачем я надел пиджак? Можно ли блевать от любви? Можно, джентльмены, можно.

Денис не хотел мне рассказывать о развязке вчерашнего вечера, в памяти свистела черная дыра. Блэкаут с фейерверком?

– Денис, был ли фейерверк?

Бельчонок пожал плечами и нахмурился.

– Ну что ты такой сердитый? Денис, скажи мне только одно – был ли фейерверк?

– Да, был.

– Да?! – сердце мое оборвалось и висело на ниточке над бездной. Где-то на улице играли похоронный марш. С похмелья все мои фобии превращаются в огромных монстров в татуировках, символизирующих мои грехи: Так, теперь разложим этот сумбур по коробочкам и ящикам. Да-да, Гелка приставала к Денису, пытаюсь запустить руку к нему в штаны, смеялась как идиотка. Я помню эти рыжие волосы, собранные в пучок на затылке. Ее пьяная голова болталась на тонкой шее как редиска, я хотел оторвать эту кукольную голову и бросить ее на рождественский снег. А Рафик? Раф обнимал меня, почему-то плакал.

– Мы танцевали, Денис?

– Да, мы танцевали. Точнее, это вы танцевали, а я заперся в ванной.

– ?!

– Я: я боялся Гелки, я умывался, я стирал с лица ее губную помаду. В этих ляпках я был похож на клоуна: Андрей, а знаешь еще чего я делал в ванной? Догадываешься, да?.. Я: ну: мастурбировал! Потому что ты так завел меня, когда наши ноги переплетались под столом: У меня постоянно стоял, и я стеснялся выйти из-за стола, а потом Гелка:

– ?

– она схватила меня за: это: У нее была горячая-горячая рука:

Теперь я понимаю, почему я выставил за дверь своих дорогих гостей! По рассказу Дениса, я пытался задушить Гелку шарфом – и не удивительно! Я обязательно задушил бы ее, если бы не вмешался Раф. Ему тоже попало, но он все-таки знает, как успокоить меня в сумеречном сознании.

– Что было потом?

– Потом ты: ты зажег свечи и раздел меня, целовал от головы до пяток. Потом сделал это, но очень грубо и больно. Я кричал. Мне до сих пор больно.

Я еще раз посмотрел на окровавленную простынь, но даже вид крови моего бельчонка возбуждает меня до неистовства, я едва сдерживаю в груди kloкочущую взрывную энергию. Она – адский пламень. Ад во мне. Мой милый мальчик, я уже давно спустился в ад. Земля гудит подо мной, когда я стою перед Денисом на коленях. А что касается моего домашнего садизма, то это для меня давно не новость. Стыдно признаться, но еще в розовом детстве мне хотелось иметь слугу-мальчика, которого мне обязательно хотелось мучить, бить и трахать – срывать одежду с его загорелого тела, хлестать его кожаным ремнем и делать с ним все, что захочется. А как насчет роли надзирателя в детском концентрационном лагере? Или сейчас, почему бы мне не найти работу в детской колонии? По крайней мере, я каждый день могу любоваться, как стриженные грубые мальчики плещутся под душем! Я мог бы даже вычислить своего

подростка. В детских колониях всегда есть нужные петушки, которых трахают по ночам их товарищи, и никакие строгие наставники ничего не могут поделать с юношеской гиперсексуальностью. Хорошо, что у меня есть Денис и я не стал сахарным дядей для какого-нибудь сиротливого юного криминала: Да я сам живу вне закона. Хорошее дело – вся моя жизнь вне закона! Но уверяю вас, что после рутинного опроса населения вы будете шокированы количеством педофилических желаний: Нет, я холоден к детям – мне нравятся подростки. Признайтесь себе, разве не с затаенным интересом вы посмотрели бы видеокассету со взрослыми детскими играми? Да, с интересом, потому что и вы фантазировали в этом диапазоне, не так ли? Я вас поздравляю и понимаю как никто другой. Моему Денису повезло – он встретил своего Мастера в четырнадцатилетнем возрасте; я в полной мере осознал свою необычность в этом же возрасте, но я не встретил Мастера. Зато после мрачных пособий по советской психиатрии я поставил себе роковой диагноз и считал себя больным. Не улыбайтесь, совершенно серьезно – я считал себя больным! Я был уверен, что почти одинок в своих фантазиях и усердно выращивал комплекс неполноценности, обнимал по ночам подушку и мастурбировал, воображая, что сплю со своим одноклассником, который врезал мне по зубам, когда я признался ему в любви: Я уже в детстве был сверхсексуален, меня возбуждала школьная форма и белые носки, на уроках физкультуры я больше всего боялся обнаружить эрекцию в самый неподходящий момент, и в душевой я окатывался холодной водой – это успокаивало мой неподконтрольный пенис. Мне не с кем было поделиться своим сокровищем, и даже дивные, дремучие заросли моих юношеских стихов не выдавали моей прекрасной тайны: Конечно, детские сексуальные порывы облечены в форму игры. Законы юношеского этноса позволяют приобрести гомосексуальный опыт. В летнем школьном лагере мальчишки называли это «сражаться на мечах». Когда все засыпали, мой сосед по кровати Никита прыгал в мою постель. Я любил его запах, ершик выгоревших

волос, сердцебиение и прерывистое дыхание. Мучаясь таинственным желанием, я судорожно проглатывал слюну, кусал губы, чтобы не вскрикивать от электричества, щекотавшего мое тело. Странно, но тогда мы почему-то не доходили до оргазма. Это смешно, но, честное слово, мы совсем не знали, как утолить нашу жажду в полной мере. Однажды Никита прошептал мне на ухо:

– Андрей, я люблю тебя.

– Как – любишь?

– Так люблю, – он поцеловал меня в губы, – давай навсегда останемся детьми? Обещаешь?

Я согласился. Никита выполнил свое обещание и навсегда остался ребенком, потому что через год он утонул в речке, где-то недалеко от их семейной дачи во Владимирской области. Никита звал меня в снах, но я стал н. Глаза совсем чужие: Опять и опять обнимаю унитаз – все-таки такой изящный предмет! Нет формы совершеннее. Унитаз похож на мальчика. Унитаз похож на меня – сколько бы дерьма в него не смывали, он сверкает белизной! Блюю, блюю, Божия овечка, нажравшаяся дерьма: Блюю как собака, как кошка: Вот опять подкатывает к горлу. Зачем я надел пиджак? Можно ли блевать от любви? Можно, джентльмены, можно.

Денис не хотел мне рассказывать о развязке вчерашнего вечера, в памяти свистела черная дыра. Блэкаут с фейерверком?

– Денис, был ли фейерверк?

Бельчонок пожал плечами и нахмурился.

– Ну что ты такой сердитый? Денис, скажи мне только одно – был ли фейерверк?

– Да, был.

– Да?! – сердце мое оборвалось и висело на ниточке над бездной. Где-то на улице играли похоронный марш. С похмелья все мои фобии превращаются в огромных монстров в татуировках, символизирующих мои грехи: Так, теперь разложим этот сумбур по коробочкам и ящикам. Да-да, Гелка приставала к Денису, пытаюсь запустить руку к нему в штаны, смеялась как идиотка. Я помню эти

рыжие волосы, собранные в пучок на затылке. Ее пьяная голова болталась на тонкой шее как редиска, я хотел оторвать эту кукольную голову и бросить ее на рождественский снег. А Рафик? Раф обнимал меня, почему-то плакал.

– Мы танцевали, Денис?

– Да, мы танцевали. Точнее, это вы танцевали, а я заперся в ванной.

– ?!

– Я: я боялся Гелки, я умывался, я стирал с лица ее губную помаду. В этих ляпках я был похож на клоуна: Андрей, а знаешь еще чего я делал в ванной? Догадываешься, да?.. Я: ну: мастурбировал! Потому что ты так завел меня, когда наши ноги переплетались под столом: У меня постоянно стоял, и я стеснялся выйти из-за стола, а потом Гелка:

– ?

– она схватила меня за: это: У нее была горячая-горячая рука:

Теперь я понимаю, почему я выставил за дверь своих дорогих гостей! По рассказу Дениса, я пытался задушить Гелку шарфом – и не удивительно! Я обязательно задушил бы ее, если бы не вмешался Раф. Ему тоже попало, но он все-таки знает, как успокоить меня в сумеречном сознании.

– Что было потом?

– Потом ты: ты зажег свечи и раздел меня, целовал от головы до пяток. Потом сделал это, но очень грубо и больно. Я кричал. Мне до сих пор больно.

Я еще раз посмотрел на окровавленную простынь, но даже вид крови моего бельчонка возбуждает меня до неистовства, я едва сдерживаю в груди клокочущую взрывную энергию. Она – адский пламень. Ад во мне. Мой милый мальчик, я уже давно спустился в ад. Земля гудит подо мной, когда я стою перед Денисом на коленях. А что касается моего домашнего садизма, то это для меня давно не новость. Стыдно признаться, но еще в розовом детстве мне хотелось иметь слугу-мальчика, которого мне обязательно хотелось мучить, бить и трахать – срывать одежду с его загорелого тела, хлестать его

кожаным ремнем и делать с ним все, что захочется. А как насчет роли надзирателя в детском концентрационном лагере? Или сейчас, почему бы мне не найти работу в детской колонии? По крайней мере, я каждый день могу любоваться, как стриженные грубые мальчики плещутся под душем! Я мог бы даже вычислить своего подростка. В детских колониях всегда есть нужные петушки, которых трахают по ночам их товарищи, и никакие строгие наставники ничего не могут поделать с юношеской гиперсексуальностью.

Хорошо, что у меня есть Денис и я не стал сахарным дядей для какого-нибудь сиротливого юного криминала: Да я сам живу вне закона. Хорошее дело – вся моя жизнь вне закона! Но уверяю вас, что после рутинного опроса населения вы будете шокированы количеством педофилических желаний: Нет, я холоден к детям – мне нравятся подростки. Признайтесь себе, разве не с затаенным интересом вы посмотрели бы видеокассету со взрослыми детскими играми? Да, с интересом, потому что и вы фантазировали в этом диапазоне, не так ли? Я вас поздравляю и понимаю как никто другой. Моему Денису повезло – он встретил своего Мастера в четырнадцатилетнем возрасте; я в полной мере осознал свою необычность в этом же возрасте, но я не встретил Мастера. Зато после мрачных пособий по советской психиатрии я поставил себе роковой диагноз и считал себя больным. Не улыбайтесь, совершенно серьезно – я считал себя больным! Я был уверен, что почти одинок в своих фантазиях и усердно выращивал комплекс неполноценности, обнимал по ночам подушку и мастурбировал, воображая, что сплю со своим одноклассником, который врезал мне по зубам, когда я признался ему в любви: Я уже в детстве был сверхсексуален, меня возбуждала школьная форма и белые носки, на уроках физкультуры я больше всего боялся обнаружить эрекцию в самый неподходящий момент, и в душевой я окатывался холодной водой – это успокаивало мой неподконтрольный пенис. Мне не с кем было поделиться своим сокровищем, и даже дивные, дремучие заросли

моих юношеских стихов не выдавали моей прекрасной тайны: Конечно, детские сексуальные порывы облечены в форму игры. Законы юношеского этноса позволяют приобрести гомосексуальный опыт. В летнем школьном лагере мальчишки называли это «сражаться на мечях». Когда все засыпали, мой сосед по кровати Никита прыгал в мою постель. Я любил его запах, ершик выгоревших волос, сердцебиение и прерывистое дыхание. Мучаясь таинственным желанием, я судорожно проглатывал слюну, кусал губы, чтобы не вскрикивать от электричества, щекотавшего мое тело. Странно, но тогда мы почему-то не доходили до оргазма. Это смешно, но, честное слово, мы совсем не знали, как утолить нашу жажду в полной мере. Однажды Никита прошептал мне на ухо:

– Андрей, я люблю тебя.

– Как – любишь?

– Так люблю, – он поцеловал меня в губы, – давай навсегда останемся детьми? Обещаешь?

Я согласился. Никита выполнил свое обещание и навсегда остался ребенком, потому что через год он утонул в речке, где-то недалеко от их семейной дачи во Владимирской области. Никита звал меня в снах, но я стал н мне, оно накачено гормонами и искрами любви, так томится избытком плодоносящее дерево, и если никто не срывает его плодов – они падают на землю. В моих дремучих ДНК закодированы родовые запреты, составляющие интуицию греха. Первородный грех падает к моим ногам спелым, сочным яблоком. В сущности, главная дилемма жизни каждого из нас сводится к одному простейшему ветхозаветному вопросу: «Вкушать или не вкушать от плода?» Велик соблазн, особенно для очарованного странника, одержимого жадой. Но не вкусить – значит, не познать. Интересно, сколь лет было Адаму и Еве, когда они полакомились заветным яблочком? Даже если они были детьми, то после принятого соблазна они простились с детством. Их первое чувство? Чувство стыда! Ваше первое чувство помните? Чувство стыда прародителей. Стыд. Это чувство спасет современный мир. Теперь я понимаю, почему Никита

хотел навсегда остаться ребенком – всегда, вечно рождаться только ребенком! Теперь я понимаю, что я сознательно украл у Дениса детство, как бы я себя не оправдывал! Сволочь, змей Найтов, своими грубыми руками разрушил городок из цветных кубиков: Может, это восстановимо? Построить, срочно построить заново, какая была комбинация?!

– Денис, прости меня, Денис, я вмешался в Божий замысел твоей жизни, я испортил программу! – кричал я плача, положив свою безумную голову к бельчонку на колени.

– Какую еще программу? – растеряно улыбался Денис, глядя мои волосы. – Ты бредишь с похмелья, да? Тебе хорошо со мной, а? Ты вправду меня любишь?

– Я понял, Денис, ты потом поймешь: Ты: как объяснить? В общем, я понял. Слушай. Адам и Ева были детьми, когда вкусили запретного плода. Понимаешь, они были детьми! Как ты. Плод предназначался для них, иначе его вообще бы не было: Предназначался, но в свое время. Они вкусили слишком рано. Я твой змей, Денис, я хитрый, изощренный в злодействе змей:

– Какой еще плод?

– Яблоко.

– Яблоко? Я люблю яблоки, в саду у бабушки было много яблонь. Антоновка, в основном. Они кислые, но получается хорошее варенье. И еще папа вино делал: Напьется пьяным и начнет нас с мамой целовать, но я боялся его пьяного, прятался всегда. У него глаза делались другими. Не его были глаза. Но если ты, Андрей, и взаправду змей, я все равно люблю тебя. Понял, да? Если понял, то молчи и никому не рассказывай. А то показываешь меня своим друзьям как: я не знаю:

– Как игрушку?

– Я не знаю.

– Новая игрушка Андрея Найтова.

– Перестань! Но, может быть, твои друзья и думают, что я твоя игрушка.

– Тебе стыдно?
– Немного.
– Тебе стыдно будет рассказывать кому-нибудь, что ты спишь со мной?

– Да, – прошептал Денис и прикусил губу.
– Денис, ты знаешь, что я сделал с тобой и с твоим детством? -
– Что? – у него на глаза навернулись слезы.
– Я развратил тебя.
– Развратил?
– Иначе говоря, я украл у тебя детство.
– Украл? Мне все равно. Я не ребенок, как вы все думаете. Я, может быть, больше понимаю, чем вы: Я хочу быть с тобой, и меня больше ничего не интересует: Мне не интересно без тебя и мне скучно без тебя.

– Ты не Денис, ты Никита. Ты тот Никита, да?
– Называй меня как хочешь, но я хочу быть с тобой.
– А я хочу быть тобой.
– И я хочу быть тобой: – Денис улыбнулся и крепко обнял меня. –
Чем закончился твой больничный роман с Алешей?

– Ты ревнуешь?
– Ну: немного, – Денис театральным жестом схватил меня за горло:
– Хочешь, я тебя задушу? Мне кажется, я тебя убью, если бросишь меня:

– А что потом?
– А потом: А потом я сяду на твой байк и разобьюсь вдребезги – проеду сквозь витрину магазина. Тут недалеко интересный есть магазин. Антикварный или не поймешь какой, всякие забавные и необычные вещи. Маски клоунов, шляпы какие-то нелепые:

– Маски клоунов? – переспросил я взволнованно.
– Да, маски клоунов, а что?
– Ничего, ничего, продолжай, я слушаю:
– Нет, лучше ты закончи свою историю. Признавайся, ты: Ты взял от Алеши, что хотел? Кто кого оседлал, давай рассказывай!

– Да никого я не оседлал. Я ошибся. Точнее, плохо добивался – я тогда не был таким опытным, как сейчас. Стал я ночью к Алеше под одеяло проситься, а он от меня отбивался и даже выпалил: «Отстань, а то я утром все главному врачу расскажу». Я больше не забрасывал удочку.

Денис притих, но просиял – ему, несомненно, нравилась такая развязка, потому что детская ревность не знает границ. Я солгал святою ложью. На самом деле искусный наездник Найтов не только оседлал, но и объездил жеребенка, как он не брыкался поначалу.

Той ночью луна светила особенно ярко. Я выпрыгнул из постели и плотнее задернул шторы. За моей спиной – его изменившийся, ночной голос:

– Ты боишься луны, да? Ты случайно не лунатик? Я боюсь лунатиков, у нас в лагере был один. Ходил как привидение.

Шепот Алексея звучал интимно. Я решил, что сейчас вполне подходящий момент поиграть в привидения, и, не отвечая на его вопрос, стал кружиться по палате в немом полубезумном вальсе с воображаемым партнером. В ночных покоях пахло аптекой и хлоркой. Я кружился головокружительно, и вальс как-то сам собой перешел в ритмичный африканский танец – я слышал странные ритмы, и это был почти гениальный экспромт. Правда, огромные черные трусы смотрелись смешно на моем худеньком силуэте – а, может быть, трусы не по размеру делали мой танец еще более эротичным: Когда под окнами проезжала машина с горящими фарами, моя тень бежала по потолку. Свет зеленого ночника и елочные огоньки делали всю сцену магической и нереальной. Поначалу Алексей едва сдерживал смех, но потом как-то странно притих, только его темные глаза блестели как черная смородина. Я устал и вспотел, жгучая капелька пота катилась по спине, и было щекотно. Алеша посмотрел на меня с затаенным восторгом и как бы шутя спросил:

– Андрей, а ты:

– Что, тебе понравилось?

– Забавно. Ты сумасшедший, я знаю. А ты:

– Что?

Алексей вдруг выпалил то, о чем он фантазировал во время моего бесплатного представления:

– ...а ты можешь без трусов станцевать? Ну просто так, это еще забавнее:

Я не выдержал многозначительную паузу и изобразил на лице крайнее удивление, хотя душа моя ликовала. Он сам сделал первый шаг, он хочет видеть меня голым. Волнуясь, я подошел к Алеше совсем близко и спросил:

– Ты что, стриптиз заказываешь? Тогда самними с меня это:

Он тоже заметно волновался; его ладони были горячими и влажными, когда они скользнули по моим бедрам. Я приготовил ему другой сюрприз, и Алеша осторожно сжал в своей ладони мой подпрыгнувший кок. Алексей испуганно заглянул мне в глаза: кажется я переценил диапазон его возможностей, когда спросил:

– А тебе не хочется взять его за щеку? А потом я у тебя, согласен?

Алексей грубо оттолкнул меня:

– Ты совсем ебнулся, да? Ты думаешь, я гей? Лучше не шути так со мной. Ты, парень, ошибся. Спокойной ночи! – он перевернулся на другой бок и даже голову спрятал под одеяло. Я тоже послушно и без слов нырнул в свою холодную постель. Я слышал его близкое, глубокое дыхание и мучался своим желанием: Вторая попытка была более удачной – осторожно потолкав его за плечо, я попросил извинения. Он повернулся ко мне. Смущаясь, я спросил: «Мне холодно. Можно я погреюсь с тобой?» Алеша долго смотрел мне в глаза, сглотнул слюну и кивнул головой. У него тоже стоял. Мы стали обниматься, я целовал его грудь и плечи, он вздрагивал и позволил снять с себя трусы; когда я попытался поцеловать его в губы, он отворачивал голову, отбивался, но через мгновение мы оба забылись в глубоком поцелуе. Целоваться он не умел, и, судя по всему, я был у него первым.

Странные сны снились мне в ту медовую неделю. Тогда я уже по-настоящему писал стихи. Сны рождали поэзию, и в одном из астральных странствий я понял, что есть особая Муза – десятая, и она сильнее девяти предшествующих. Это Муза больниц, возглавляющая скорбный сход, молчаливый праздник в сумеречной аллее. Под сводами аллеи стоит длинный стол, заваленный сухими венками, в мутных графинах плавают мертвые пчелы. Мы с Алешей сидим за столом в больничных пижамах. Я проколол ржавой вилкой зажаренную летучую мышь на медной тарелке – мышь пискнула, брызнув мне в глаза чернилами; засмеялась Муза, приласкала холодной ладонью, захлебнулись водосточные трубы, гроыхнуло над нами: Сидим, сумерничаем, бледные и промокшие, прижались друг к другу. Шуршат в венках мыши. Ветер гонит обрывки рукописей, дневников и писем: «Что же я есмь? Человек из влажности беловатой. Ибо в пункте моего зачатия от семени человеческого зачат. Потом влажность, с оным сгустевая и помалу возрастая, сделалась плотию. Наконец, с плачем и воплем изведен на ссылку мира сего: и се умираю, исполнен беззаконий и гнусностей. И сказано будет мне: се человек и дела его. Ибо что мы ныне объявить стыдимся, тогда всем явно будет, и что мы здесь притворно не сокрываем, все-то там обольститель-огонь сожжет:» Алексей целует меня. Мать напротив укоризненно качает головой и говорит: «Я не виновата, это луна виновата».

Что было дальше с Алешей и со мной? Абсолютно ничего. Запомнилось только кресло пыток в кабинете цистоскопии, когда сестра попросила меня придержать Алешины руки, пока она вводила в его канал металлический катетер: Алексей кусал до крови губы, а в глазах бесцветной медсестры был странный нехороший блеск. Ей нравилось выполнять эту процедуру, она тащилась и пьянела, придерживая двумя пальчиками детский пенис. У нее был яркий маникюр. Слава Богу, мне не пришлось сесть в это кресло: Моего мальчика вскоре выписали, а всю свою фрустрацию я выместил на ни в чем не повинном рыжем чертенке, занявшем Алешину постель.

Этому ушастому персонажу подкладывали под простыню клеенку, но он нашел свой способ не афишировать мокрую слабость, и довольно странный – перед сном он приматывал пластырем бутылку к своей смехотворной заготовке и просил меня никому об этом не рассказывать. Сейчас мне жаль его, но тогда едкий Найтов сделал этого писюкиша объектом своих язвительных насмешек.

* * *

Было время, когда о Западе мы знали ровно столько же, сколько о жизни на других планетах. Когда железный занавес немного приподняли, в Россию хлынула лавина мусора, хотя мы все пребывали в иллюзии относительно высокой духовности Запада. Но народ сам разберется и все устроит с Божьей помощью, обустроит Россию. Божья Матерь опустила свой покров на мою страну, и весь сор будет выметен. Вы помните то лето, когда страну особенно лихорадило, а лето было особенно цветущим, благоухающим и солнечным? Господне лето тысяча девятьсот девяносто второго. Большинство не заметило этого благодатного времени, потому что некогда было остановиться, оглядеться и вслушаться в тишину: Небо над Россией наконец-то было открыто. Да вы понимаете ли, о чем я говорю? Небо было открыто! Снизойшла благодать, а мы как-то и не заметили среди забот и мелочных обязанностей. Но после такого лета, уверяю вас, ничего страшного уже не будет! Все страшное позади. И праведники на земле нашей еще есть, и сила богатырская не иссякла. В один из дней того лета я ехал в вагоне зеленого пригородного поезда, и напротив меня сидел обычный, скромно одетый парень. Я смотрел в окно на леса, поля, сады и застенчивые кладбища. Мне верилось, что замороженное на время величие русских земель возвращается и что скоро оживут усадьбы и будут петь соловьи в рощах: Тот парень поймал мой взгляд и как-то в ход мыслей ответил на май не прозвучавший вопрос: «Да, именно так и

будет. Божья Мать над Россией». Он сказал это так просто и тихо, что я вдруг поверил ему. Это неслыханное дело, просто невероятно – я, циничный насмешник Найтов, вдруг так легко поверил ему и кивнул головой! Кивнул головой, в которой столько мерзостей и мусора: Тот парень со своим тощим рюкзаком сошел на какой-то глухой станции, а я вдруг догадался, что это был Он. Это он среди нас, и только что Он сидел напротив меня, и я не узнал Его:

Кто мне Россия? Мать? Жена? Сестра? Незнакомка? В детстве моем и отрочестве была матерью, потом стала женою, а теперь – как двоюродная сестра в Чердынцевской губернии: Живет как-то там, но даже письма не доходят. Сколько раз в пьяном припадке я порывался взять билет не на тот самолет. А теперь уж и не знаю, какая она, моя Россия. Совсем другая, неизвестная страна – приехать как домой уже не получится, а туристом не хочу. Да и не к кому мне приезжать – таких людей, ради которых это стоило бы делать, уже нет. Или почти нет. К тому же, лирический герой не всегда имеет власть изменить ход повествования:

Хватит, хватит, арлекины! Занавесьте луну черным, заканчивайте представление, гасите свечи, подайте мне бобровую шубу и сани. Сяду в сани, запахнусь в шубу, и пусть мчат меня кони. Зачем так ярко горят звезды? Зачем так ярко?

– А теперь выбирай дорогу, барин, – обернулся кучер с красным кушаком, – в Россию или к Денису?

– Гони к Денису, мужик, Денис дороже России.

* * *

Холодно моим арлекинам зимой – или русские морозы им непривычны, или одеты не по сезону? Зябнут, растирают покрасневшие уши, замерзли как Маугли. Ничего, ничего, сейчас я достану из кармана серебряную фляжку с коньяком – согреемся.

– Денис, хлебнешь?

Он молча берет флягу. Пригубил и закашлялся.

Мы едем в грязном вагоне пригородного поезда на дачу к Рафику, который пригласил нас провести несколько дней в его «поместье». У меня были другие планы, но Денис почему-то уцепился за это приглашение – видимо, такое отступление от нашей каникулярной программы казалось ему многообещающе-романтичным: старый дом среди зимнего леса, вечера у камина, зимняя замкнутость и одиночество вдвоем. Звонил вчера твоей маме в больницу – отчитывался, можно сказать, а заодно выпросил ненужное разрешение «провести несколько дней за Волгой, на даче у близких друзей: Да, это семейная пара: да, мальчик очень подружился с моим племянником, не беспокойтесь ни о чем:» Я пролепетал в трубку кучу ненужного мусора, а вдова растрогала меня своей патетической фразой: «Благословляю вас, Андрей Владимирович, на любые ратные подвиги! Денису с вами хорошо, и я спокойна. Спасибо вам, спасибо». Я пожелал ей скорейшего выздоровления, но в глубине моей души какой-то чужой человек желал ей скорейшей смерти. Не пора ли вызывать того самого таксиста? Мальчик будет принадлежать только тебе: Гроб уже обивают. Слышишь, как стучит молоток? Нет, это сердце мое стучит – бьется как рыба об лед. Парное, теплое мое сердце подадут Денису на золотом блюде с укропом и сладким перцем, скажут: «Кушай, мальчик, пока не остыло:» Денис разрежет сердце и найдет в нем ржавый ключик от моей квартиры, стертую медную монету и жемчужину. Мой милый мальчик, у тебя кровь на губах, возьми салфетку. Ешь меня и пей меня.

Мой компьютер только еще вычислял комбинацию смерти вдовы, анализировал события, расположение звезд, побочные действия дигидролизованного кодеина (абстиненция, ночной пот, хронические запоры, интоксикация), февральские морозы и скорость перерождения печени в жировые клетки; еще стресс, климакс, безденежье, бездорожье, безоружность и безнадежность. Скудоумный пейзаж за окном поезда похож на тихое, протяжное

безумие, а небо: небо точно наскоро заколотили досками, солнышко едва пробивается сквозь щели. Хорошо, что я взял с собой коньяк. Не надо больше гробов. Да я же молиться должен о ее здоровье, а то сразу же найдется какой-нибудь дядя в Киеве, тетка в Саратове, или добренький директор детского дома будет покупать моему мальчику трусы «Кальвин Клейн» и конфеты: Да не посадят ли меня в тюрьму? О, мой дневник развлечет моралистов из зала суда! Перепечатают и будут давать друзьям и знакомым, чтобы развлеклись и подивились: Не слушайте меня, я безумен, меня за содомский грех Господь разума лишил, поэтому мне больше позволено – какой с дурака спрос?

...Длинный, длинный поезд. Снег в копоти. Замерзшая моча на стенах тамбура. Все какие-то огни, станции, на всем печать запустения и признаки глубочайшей анестезии. Единственно живой человек смотрит на меня зелеными глазами. Мой Денис. Румяный, доверчивый и дикий. Я люблю Дениса. А вокруг – сплошная ледяная равнина.

Вы замечали, что разговоры в пути, в поезде особенно сокровенны? Это потому, что в пути мы находимся вне времени, на другой шкале теории относительности; все математические задачи о некоем субъекте, движущемся из пункта А в пункт Б не предусматривают вопроса о том, чем занимал себя субъект – возможно, что в это же время он был где-нибудь еще. Кроме того, не обладая способностью телепортации, вполне возможно находиться в пункте А и пункте Б одновременно. Мне же было абсолютно все равно, в каком пункте находиться – лишь бы с Денисом; если мы и разделены в географическом пространстве, то расстояние между мной и Денисом это и есть Денис.

Я люблю быть в пути – может быть, это неосознанные поиски утраченного времени и попытка бегства от самого себя. Если за вас некому молиться, смело отправляйтесь в дальнюю дорогу, а православные всем миром помолятся «о плавающих и путешествующих»:

– Я люблю поезд, – сказал Денис, оторвавшись от окна.

– А пароход?

– Ни разу не плавал на пароходке – наверное, тоже интересно. Но когда я был маленьким, я мечтал склеить огромный воздушный шар и полететь в дальние страны. Мне хотелось приключений и опасностей, я хотел быть героем: Скажу тебе смешное. Представляешь, я до сих пор не могу представить Землю шаром, а могу представить только плоскость, только огромный остров на спинах трех китов – или на спинах трех слонов, стоящих на ките – как рисовали в старинных книжках.

– Денис:

– Что?

– Денис, я люблю тебя.

– А?

– Я люблю тебя.

– Ага: – Денис шмыгнул носом и улыбнулся. – Я твоего мишку всегда с собой ношу, – бельчонок вытащил из кармана медвежонка и положил его на столик.

В тамбурах красные огни горят как лампадки, и даже ангел-хранитель не знает, на какой станции мне когда-нибудь придется сойти; когда-нибудь придется возвратить творцу свой прокомпостированный билет и помахать шляпой остающимся пассажирам. Счастливо оставаться, господа!

Полушутя-полусерьезно, но что-то вы далеко заехали, Андрей Владимирович – уж месяц за окном летит, места какие-то глухие: За пять минут до прибытия Денис уже стучит ногами от нетерпения, и мне почему-то приятно смотреть на его обшарпанные коричневые ботинки – старые несуразные ботинки со швом посередине.

На вечернем перроне холодно и пустынно. Снежинки плавают в рыбьем жире фонарей, а здание деревянного вокзала столь же призрачно, как и этот городок, забытый Богом, грязненький и спивающийся. Орангутанг в ушанке матерится в телефонной будке, на башне часы со светящимся циферблатом отстают на два часа и

девять минут. Сначала показалось, что это луна, а не часы. Горящий циферблат жутко мерцал над заснеженной местностью. Денис взял меня за руку, точно боялся потеряться в снежной мгле.

Рафик обитал за рекой. Он должен был встретить нас на снегоходе у дебаркадера. Денис не знал про звероподобный «Буран», это должно было быть для него сюрпризом. Недоумевающий таксист подвез нас до безлюдной набережной, мы спустились к берегу по крутой деревянной лестнице с шаткими перилами – ступени обледенели, и спускаться пришлось с большой осторожностью. Бельчонок думал, что на другой берег нам предстоит переход по льду, и как будто испугался приближающегося издали рева со снежным вихрем и горячей фарой. В этом белом облаке я увидел Рафика в валенках и дубленке. В горнолыжных очках и в шерстяной спортивной шапочке Раф был похож на авиатора первых фанерных аэропланов. Снегоход ревет как раненый зверь, Рафик уже издали машет нам рукой – так торжественно, по-правительственному, как великий пилот Чкалов с облаков. Денис до сих пор ничего не понимает, но испуганное его удивление постепенно, по мере приближения товарища Чкалова на деревенском звездолете, переходит в экспрессию робкого детского восхищения: Выпендриваясь, Рафик столь лихо и круто развернулся, что едва не кувырнулся, чудом удержав равновесие: Я не мог удержаться от смеха и крикнул:

– Привет! Нельзя доверять такую технику эскимосам, уж лучше бы ты встретил нас с упряжкой собак:– Здорово, Найтов и маленький принц, – орет Рафик, стараясь перекрыть мотор. – А ты опять издеваешься, поэт непризнанный? Представляешь, забыл о горячем – в самый последний момент у местных аборигенов выменял на два пузыря: Хорошо, что у меня еще старые запасы в подполье: Ну садитесь, что ли? Поехали!

Раф был заметно выпивши, мне не нравилась его клоунская бравада, с которой он старался выписывать на льду иероглифы, но

Денис хохотал в искрящемся вихре, его цветной шарф развевался на ветру, «Буран» подпрыгивал на неровностях и скользил по льду.

Уже когда стало видно огни на другом берегу, мотор вдруг захлебнулся и заглох – мотор прекрасно знает, когда заглохнуть, и Рафик напрасно матерился, молился и бегал вокруг снегохода как чукча. Разум Вселенной приготовил нам огненное испытание, и у того писателя в аду, который пишет мою жизнь, видимо, не на шутку разыгралась фантазия. В кошмарных снах ко мне приходят почти игрушечные волки с горящими глазами – демонические игрушки на день рождения мальчика, который не слушается своих родителей, страшные сказки перед сном для Андрея Найтова и его несовершеннолетнего принца.

Но волки были отнюдь не плюшевыми – Денис первым заметил этих милых собачек без намордников, он дернул меня за рукав и показал пальцем в молочную темноту: «Андрей, смотри – собаки!» Когда я увидел их приближающиеся силуэты, меня охватил панический ужас, ноги стали ватными – я вдруг услышал колокола собственного сердца. Я хорошо знал, что в волжских лесах водятся такие хищные зверушки, но никогда не предполагал, что мне придется с ними встретиться. Позже я узнал, что в ту зиму волков развелось особенно много и их специально отстреливали, сохраняя поголовье в приемлемых рамках.

Господи, хоть бы какая-нибудь спасительная рука обложила нас красными флажками! Рафик мгновенно протрезвел, увидев медленно надвигающуюся стаю. Нас было трое, а их – пятеро. Более всего я переживал за Дениса, который уже понял, с кем посчастливилось нам встретиться.

Я почему-то более всего боялся увидеть именно их глаза. Рафик стал нервно возиться с зажиганием, а я уповал только на Господа. Я как мог успокаивал Дениса, который спросил, собираются ли волки нападать на нас. Нет, Денис, волки не нападают на человека, волки просто очень любознательные, они как собаки. А может быть, они и вправду не собираются нападать? Только бы не сделать какой-

нибудь ошибки, но как владеть такой ситуацией? Господи, что делать, что же делать? Рафик, милый, заводи мотор: Рафик, они ближе: Боже, какой ужас. Я почему-то вспомнил Преподобного Серафима Саровского, который кормил сухарями дикого медведя в своем скиту: Неожиданно простое решение пришло в голову – меня в буквальном смысле осенило! Я попросил у Рафика спички или зажигалку, он же посмотрел на меня как на придурка, решившего выкурить перед смертью свою последнюю сигарету. Слава Богу, сам Рафик был курильщиком. Если бы он бросил курить, я, может статься, уже не писал бы эти строки. Мне был нужен открытый огонь. Они боятся огня! Пламя задувал ветер, но с помощью Дениса мне наконец удалось поджечь свой шарф. Фокус сработал! Увидев огонь, волки остановились! После того как сгорел цветной шарфик Дениса, Рафик вымочил бензином свою шерстяную шапочку и бросил горящий шар на лед. Волки неуверенно отступили, а потом, вслед за вожаком, развернулись и стали удаляться – медленно и гордо, как все хищники. Мы ликовали. Снегоход по неписаному закону, конечно, сразу же завелся. Денис прыгал от радости и хлопал по спине глупо улыбающегося Рафика... Это происшествие не было простой случайностью.

«Во-первых, луна в Скорпионе. Я уж молчу про Плутон и Марс,

но Ювелир знает, где спрятана жемчужина; я видел всполохи огня под волжским льдом – место было выбрано с большой проницательностью. Под луной катались на коньках клоуны и кидались снежками – это были даже не снежки, а что-то кулинарное, в сахарной пудре. Мальчик, надо заметить, видел клоунов, и официант на снегоходе „Буран“ (выпуска 1979 года) накануне видел меня во сне. Я повесил ему на шею ожерелье из мороженных вишен с волчьим клыком. Официантный пианист также был транспортирован в мечеть девятнадцатой зоны в сопровождении Трубача и двух Монголов (к слову сказать, у них хвосты волчьи на шапках): О настороженном Найтове мне писать вообще лень – козел натуральный. Судите сами – я двадцать лет (!) готовил им мученическую смерть, уговаривал и задабривал бессердечных игв, скармливал им контробандный гаввах тоннами. Наконец получил разрешение, приготовил поэту с мальчиком третье рождение в Швейцарии, а он Серафиму Саровскому молиться стал! Идиот, совершенный идиот – волков испугался!.. Сидят теперь за Волгой и пьют водку от радости, не зная, какого подарка лишились. Такой подарок, такой огромный! Что ж, плод упал на землю, будем ждать следующей осени и нового урожая, новой земли и нового неба. Какой, однако, ливень был вчера в Нью-Йорке! Пастух гнал черное облако на Флориду. Мне страшно, мне очень страшно. Это просто страх. В сущности, существуют только две эмоции: любовь и страх, остальные – производные. Меня вызывают в Тибет. Писать заканчиваю, потому что в окно влетела сиреневая птица с тонким длинным клювом: Надо же, какой длинный клюв! Клюв немного загнут на самом конце, а ее когти точно позолочены. Какая смешная, право, птица – чего тут только не увидишь! И еще, напоследок, чтобы не забыть: православие русской зимы это и есть главная причина т. н. загадочности русской души: Боже, как все-таки трудно

писать на могучем русском языке – другое дело итальянский, а на русском – точно жернова вертишь или мебель передвигаешь. До встречи в эфире. Красный арлекин.»

...Дом издалека встречал нас горящим окном на втором этаже. «Это я лампу настольную включил, чтобы нам было веселее ехать на свет,» – прокомментировал Рафик. Мы въехали на широкий двор, оббили снег с одежды и вошли в темные покои разоренного «дворянского гнезда». Уют этой берлоге придавал только аромат свежесваренного чая с мятой, расстилающийся по холодным комнатам – в напоминание, что в доме обитает кто-то живой. Здесь не было фамильных портретов, старинной библиотеки, пузатой мебели с позолотой, фарфора и канделябров.

– Были у меня часы напольные и стол, инкрустированный черепаховым панцирем, – сказал Рафик, приглашая нас в гостиную, – но не успел спасти вовремя – все спиздили, что можно. Этой зимой в округе всех дачников обчистили: Вот в такое время мы живем. Одно утешает, что душу украсть не так просто. Вообще, здесь много было антиквариата, да бабка моя после войны все продала городскому театру – по дешевке тогда у нее все взяли, для чеховского репертуара. Ну а то, что уцелело, я к себе перевез, а сейчас для меня это «поместье» – просто убежище от житейских бурь. Только есть опасность спиться в одиночку, надо бы хоть собаку завести. Правда, соседи тут летом веселые – художники из Москвы. И еще, Андрюшка, тут один молодой фермер: ну нет слов, полжизни за ночь!

Осматривая гостиную, я увидел икону в красном углу и, приблизившись к ней, пришел в крайний трепет. Икона была образом Преподобного Серафима Саровского! Дрожь пробежала по спине мурашками, и я опустился на колени. Еще никогда я не молился так горячо, и даже не я, а сама душа, дух мой молились; я молился со слезами благодарности, точно само небо было открыто передо мной, живое мое небо. Было просто невозможно не понять, что всего минуты назад нам был явлен факт обыкновенного чуда; душа понимала это, но холодный, извращенный и циничный

рассудок все переводил в разряд случайностей. У ошеломленного Рафика я попросил свечу – он принес простую стеариновую свечку и подал со словами:

– Ты что, Андрюха? Ты плачешь?

– Я? Я как будто: да! Я свечу хочу поставить перед этим образом за чудесное наше спасенье.

– Я предлагаю выпить по такому случаю. Ты что это, Денис, присел на краешке дивана как бедный родственник? Давай, разваливайся в кресле, ты у меня самый дорогой гость! Этот Найтов со своими непредсказуемыми эмоциями, я боюсь, тебя вместе с собой когда-нибудь в дурдом заберет: Ну давайте, мужики, я вас так долго ждал на этом блаженном острове, я вам так рад, вы просто представить себе не можете:

Рафик затопил камин. Весело затрещали сухие березовые поленья, стало еще уютнее. Свет зеленого абажура превратил комнату в аквариум с водорослями, тенями и бликами. Казалось, вот-вот начнется увлекательнейшая беседа старых друзей, зазвенят у ворот колокольчики, и другие – незванные, странные – гости придут на наш скромный пир: и бабушка Рафика в розовом шуршащем платье с декольте, в жемчужном ожерелье, странный доктор Редлих, почтальон с вишневой домашней наливкой, какой-то отставной генерал-вдовец с красавцем-сыном, две сестры милосердия, румяный священник, поэт-декадент с испитым оспенным лицом, неизвестная хорошенькая барышня с бисерной сумочкой, цыган с гитарой и много, много других, которые знали этот дом и которых нет, но которые опять заглянули на огонек зеленой лампы и застенчиво столпились в прихожей – не смеют войти. Заходите, заходите, милые, родные и долгожданные. Простите, мы читали ваши письма, сберегаемые кем-то за иконами в старых домах, мы растеряли семейные альбомы, мы не помним даже самих себя. Вы были лучше, чище и проще. Вы и сейчас живее нас. Утешьте, помогите или просто говорите до самого рассвета, а мы будем только слушать, только внимать:

Раф достал из подполья ледяную водку, и даже бельчонку в очередной раз было позволено пригубить за наш Великий Переход через Волгу. Кстати, я так и не сказал им, что нам покровительствовал Серафим Саровский – наверное, нужно было рассказать. Впрочем, сами когда-нибудь узнают.

Как славно и легко спится в этом доме, населенном добрыми и споспешествующими духами. Ночь трепетна и нежна. Денис кладет мне голову на грудь – я никогда еще не знал таких мягких, шелковых волос. Зимняя луна в окне над верхушками темных елей – там мороз и вьюга, там другая сказка, а нам хорошо и тепло вдвоем. Все-таки как мало нужно человеку для счастья. Как мало и как много: Если бы я был сейчас один, то бессонная ночь при лампе и тетради была бы мне гарантирована. Может быть, я написал бы кучу стихов высочайшей пробы, по секундам раскладывая дисбаланс разлуки, но вся поэзия не стоит и минуты, проведенной рядом с тобой. Даже мысль о встрече за гробом не утешает меня – ты нужен мне здесь, на земле, а не где-то там. К тому же, я имею весьма смутное представление о загробной жизни. Но здесь, в этом слое материальности, как же все хрупко и недолговечно, точно я прикрываю ладонями одуванчик, чтобы ветер не потревожил его: Только с тобой, Денис, я живу в настоящем времени, а без тебя – в прошлом или будущем. Я и после смерти хочу следовать за тобой вторым ангелом-хранителем (первым, первым!), следя, чтобы нога твоя не преткнулась о камень, чтобы ни один волос с головы твоей не упал. А сейчас спи глубоко и сладко, пусть белый филин принесет тебе добрые сны, в которых много русского солнца и любви, где ангелы сходят с неба по радуге, где всплакивают жаворонки и звучат неизреченные песни: Если бы я имел такое право, я сам бы сочинял тебе сны, сидя высоко в облаках, в своем сновиденческом кабинете – каждый сон я заклеивал бы в голубой конверт и отправлял бы с трубящей небесной почтой в светящуюся на глобусе точку: планета, страна, область, город, улица, дом, квартира.

Какая славная ночь! Рафику не спится – шлепает по коридору, кашляет надсадно, спускается по скрипучей лестнице. Он много курит и пьет и почти ничего не ест, на чем держится? Живет на спирте и горячем дыме. Но выглядит, как будто, неплохо, хотя уже заметно, что молодость его становится моложавостью. Какой он одинокий и какой добрый человек! Я до сих пор не знаю его. Он умеет прощать и уступать, всеми покинутый, всеми обманутый. Пианист милостью Божьей, а играет в кабаке, без ста грамм за клавиши не сядет – руки дрожат. Да и я сам свою поэзию могу загнать в кабак, разметать бисер перед свиньями. Мне захотелось сказать хотя бы несколько добрых слов Рафику – да, прямо сейчас, немедленно, потом будет поздно, или не будет внутренней потребности, как сейчас. Почему мы всегда так скупы на добрые слова? Я осторожно освободился из объятий спящего Дениса, скрипнул дверью и спустился вниз. Рафик сидит в кресле, тлеет в полутьме огонек его сигареты. Мерцают угли в камине. Уже начало светать. Раф улыбнулся мне и, как-то уютно запахиваясь в старый махровый халат, спросил:

– Ну а тебе-то чего не спится в медовый месяц?

– Раф, спасибо тебе: Раф, дорогой мой человек, спасибо тебе.

– Да за что, Андрюшка? Какой ты чудной, бля: – он глубоко затаился и, запрокинув голову, выпустил дым через ноздри. – Андрей, ты знаешь, что я люблю тебя?

Я растерялся и опустил глаза. Рафик продолжал:

– Да ты не бери в голову, старик. Мне не надо от тебя взаимности, секса, разговоров при луне и вздохов. Ты просто рядом, и этого достаточно. Я вечный твой любовник, Андрей. Хочешь, я тебе Брамса сыграю?.. Нет, я завтра вам сыграю, а то твоего котенка разбудим.

Рафик бросил окурочек в камин, плеснул в стакан водки, выпил залпом, потом опустился на колени и стал целовать мои руки. Эта сцена показалась мне если не дешевой, то жалобной. Да, к Рафику у меня осталась только жалость, но и этого было достаточно, чтобы по-своему любить его, – доброго, глуповатого, сгорающего.

* * *

Солнечное замороженное утро неожиданно упало на землю со звоном всех сосулек, как тяжелая хрустальная люстра с лепного потолка. Облака были именно вылеплены как бы наскоро – безумным скульптором, одержимым гигантоманией. Сменив дубленку на старый овечий тулуп, найденный в чулане, я скольжу с ведрами вниз по горке – за водой к обледенелому колодцу. Заглянув в дремучий сруб, я вижу отраженные в колодце облака, гремлю ржавой цепью – ведро достигает воды, разбивает черное зеркало и, наполненное облаками, тяжело поднимается, покачиваясь от полноты. Жадно пью воду с похмелья – прямо из ведра, губы прилипают на морозе к железной кромке. Я пью холодное небо и не могу напиться. Огонь горит во мне. Да выпей ты хоть несколько ведер святой воды, Найтов, все равно не угасишь адский пламень, пожирающий тебя. Но все-таки какой торжественный покой, какая благодать разлита вокруг! Быть бы мне смиренным инком в здешних местах, жил бы себе в трудах и молитвах, укрощая страсти. Может быть, в этом и было бы мое спасение. Да и крест не тяжел – не даст Господь крест, которого не осилишь:

Рафик, как и обещал, играет Брамса – старый «Беккер» с подбитым крылом мы выкатили из гостиной на веранду, залитую солнцем. Денис сидит на подоконнике с чашкой горячего чая. Рафик покрасил ресницы и подвел брови; в белой мятой рубашке и клетчатом пиджаке он был похож одновременно на смуглого грустного Пьеро и на запущенного постаревшего мальчика. Инструмент был безнадежно расстроен, но это ничуть не смущало слуха, а наоборот, придавало брамсу истинно русский колорит, а точнее, отражало нашу жизнь – расхлябанную, раздолбанную, тайную, но все еще сохраняющую некую классическую гармонию и внутренний строй. Мы сами были расстроенными инструментами нашего рокового времени. Мы как-то не заметили, что сами стали героями своего

времени, в полной или неполной мере соответствуя пародийно-абсурдной реальности девяностых; карнавальной толпой трагикомических клоунов мы прошли под желтым знаменем, танцевали на гробах, юродствовали, но за цинизмом мы прятали доверие, за несдержанностью – великое терпение, за пренебрежительностью сочувствие, за эгоизмом добродетель и соучастие, за распутностью чистую любовь – и истинную веру за святотатством. Рафик сказал мне как-то: «Я вовсю стараюсь казаться идиотом:» И, наверное, только так в наше время можно сохранить главное. Вот Рафик – играет, морщится от фальшивых звуков, педалирует острым ботиночком с развязавшимся шнурком и, кажется, плачет: Да, плачет. Маскара потекла с ресниц. Смотрится больно и смешно – так клоуны плачут, и никто не верит их слезам. Во всем этом странная кисейность гомосексуального стиля, камп-культура – и розы, и бусы, и слезы, и балет: Денис нашел осколок зеркала и стал пускать по клавишам солнечного зайчика – Рафик заулыбался, обернулся, подмигнул бельчонку и заиграл экспрессивнее.

Днем, прихватив фотокамеру, бинокль и термос, трое сказочных персонажей пошли осматривать свои владения. К моей досаде, наш пианист не расставался с бутылкой, так что когда мы дошли до полуразрушенной церкви на утесе, откуда открывался чудный вид на Волжские просторы, Раф уже неуверенно держался на ногах. Но, судя по улыбке, не сходявшей с его усталого лица, он получал искреннее удовольствие от зимнего пьянства. Рафик переступил черед некий барьер, за которым только благодать и покой нирваны – в такое высокое сознание я входил обычно после классического девятидневного запоя: С другого берега доносился радостный колокольный звон, и мы с Денисом по очереди смотрели на ту сторону, где горели на солнце купола Троицкого собора и темнели древние городские стены волжского городка. Я сделал несколько снимков, в том числе запечатлел Рафика, танцующего с бутылкой на могильной плите. Я прекрасно понимал, что хотел он этим сказать,

пусть и неосознанно, но когда пианист стал расстегивать джинсы, чтобы здесь же справить свою надобность, я не без раздражения взял его за рукав и отвел в сторону. Часто задаюсь вопросом: почему, почему все мои чистые порывы, движимые трепетным расположением духа, чаще всего обращаются в дешевый фарс? Почему, в конце концов, трагедия моей жизни становится фарсом – если не с моей, то с посторонней помощью? Арлекины, милые мои арлекины, почему вы танцуете на похоронах и плачете на свадьбе? Да и могу ли я задавать вам такой неуместный вопрос, когда я сам бы хотел, чтобы на моих поминках гремела веселая музыка, лилось рекой шампанское, а покойник Найтов лежал в гробу в кожаной куртке, темных очках и в подбитых железом бронксовских ботах. Только, пожалуйста, не надевайте на меня галстук – въеду в свой ад на мотоцикле с красной фарой, в обгоревшем шлемаке и с черным вороном на плече; рассудок и ум будет упразднен, и в голове только огни и грохот больших городов – Париж, Нью-Йорк, Лондон: и имя, что звучит и пишется как «ДЕНИС».

А пока мы стоим на берегу русской реки Волга, и река течет по моим венам, и голова моя как этот оскверненный храм с обезображенными фресками, на фоне которого я фотографирую сейчас Дениса: у него румянец от мороза, улыбается застенчиво, белобрысая челка выбилась из-под шапки, голая тонкая шея. Он лепит снежок, который собирается запустить в меня, – обыкновенный русский мальчишка, красота которого проста и естественна, которую оценит всякий, независимо от сексуальной ориентации. Голова моя кружится от счастья и странной тоски – неосознанный страх потерять то, что так долго искал: Но вот твое счастье, Найтов, сейчас и здесь, не упускай бесценных мгновений, запечатлей это навсегда на сетчатке твоих глаз, а не целлюлоидной пленке!

Сейчас, вспоминая ту зиму, я бесконечно завидую самому себе. Но и прошлое, и будущее – в настоящем, как течение одной реки. Спросите в данную минуту у Андрея Найтова, какова же главная тема романа его жизни, и он ответит: «Навсегда Денис». Моя история

стара как мир, и вряд ли мне удастся сообщить вам что-то новое и экстраординарное – экстраординарным в своей гениальной простоте и (вот именно!) обычности был Денис, мой бельчонок, а остальное – медные кимвалы и рой блуждающих звезд.

:Рафик жил на отшибе в прямом и переносном смысле: его усадьба с запущенным садом мирно почивала в нескольких милях от деревни; отношения с местными жителями, как в крепостное время, были чисто функциональными, основанными на натуральном обмене водки на более прозаические предметы. Даже богобоязные старушки протопали народную тропу к Рафику, обменивая свои пузыри на лекарства, привезенные Рафом из города для выгодных сделок. Часто к нему заглядывал паромщик с бычьей красной рожей, который, в свою очередь, старался выменять только что пойманную рыбу на стакан или, в случае удачи, на целую бутылку. На жидкую валюту можно было заполучить все, что угодно, даже молодого колхозника, если тот не слишком закомплексованный: Паромщик как-то мне рассказывал в подпитии, что местные мужики «знают про странности этого пианиста» и, когда у них кончается выпивка, нередко посылают гонца в дом на утесе – с известным спецзаданием. Сначала я был поражен, услышав такое, тем более, что Рафик ничего мне не рассказывал о подобных новациях, но я оценил сексуальную благотворительность алкоголизированных аборигенов, с одним из которых я впоследствии познакомился. А почему бы и не помочь одинокому музыканту? Обе стороны получали желаемое, да и диапазон фантазий моего друга небогат и ограниченно пассивен. Секс не любовь, всегда продается и покупается. К тому же не мне, распиздяю, судить:

Вечером Денис не расстаётся с биноклем – раскрыл окно, смотрит на морозные звезды. Звезды неправдоподобно яркие, и если бы Раф не насиловал внизу расстроенный рояль, то мы наверняка бы услышали, как перезваниваются звезды над Волгой. Как хрустальные подвязки. Как баодингские китайские шары, как Инь и Янь, Дракон и Феникс. Тяжелый военный бинокль в его детских руках кажется

неправдоподобно громоздким и огромным. Голубая оптика Сваровского. О чем он думает, глядя в бездну?

– О чем ты думаешь? – спросил я некстати, рискуя нарушить строй его мыслей. Но ответ меня ошеломил:

– Когда я смотрю на звезды, Андрей, мне кажется, что нам дана великая сила, которой мы не умеем пользоваться:

Эту фразу я вспоминаю часто, потому что всегда мечтал сделать из своей жизни увлекательнейшую повесть. Смешной, глупый и наивный Найтов, твоя жизнь и так удивительная повесть! Зачем мне запредельное знание и сверхсила, когда у меня есть Денис? Целую его руки, млечную грудь с воспаленными сосками, шершавые колени – в который раз: В который раз он облизывает со своих губ мою сперму: Но Раф совсем задолбал звуками из преисподней – спускаюсь вниз и наблюдаю картину: он сидит в халате за роялем, пьяный и какой-то мокрый, камин полыхает как натуральный ад, отблески пламени мечутся на потолке. Пахнет спиртом и затхлостью. Увидев меня, он скомкал нотный лист и бросил его в огонь; туда же полетела какая-то тетрадь в клеенчатой обложке, мирно лежащая на краю инструмента. Рафик и сам горел синим пламенем алкогольного психоза. Я понял вдруг, что передо мной не человек, но сгусток ужаса, когда Рафик схватил раскаленную кочергу и стал разбивать клавиши. Рояль стонал, звенел и трещал как Апокалипсис. С удесытеренной водкою силой Раф опрокинул рояль как лодку, потом провалился в кресло, отдышался и произнес: «Найтов, я победил это громоздкое чудовище. Ты видишь? Я сильнее его: Это давно нужно было сделать, пока оно не сожрало меня всего. Меня, маленького и ничтожного. Да и что такое рояль, – он расхохотался, – это черный лакированный гроб моего таланта. Вот так! Это ты понимаешь, сволочь Найтов?» Я все прекрасно понимал. Денис стоял наверху лестницы, в темноте были видны только его силуэт и белые трусы. Рафик продолжал: «Вся жизнь, бля, как бездарнейшая комедия. Я пьян, да, я пьян. И это хорошо. Хорошо быть пьяным. Давай, Найтов, продадим все, что осталось, и уедем на Запад... Бери своего

цыпленка, садимся в самолет – и пусть они сами строят новую Россию...»

– Кто – «они»?

– Демократы: Ты видишь, я не умею строить, я умею разрушать. Программа саморазрушения, – он хлебнул из горлышка и опять рассмеялся. – Пока нас не сожрали здесь волки, сматываем удочки, Андрей Владимирович.

– Да кому я там нужен, Раф, сумасшедший:

– Ха! А кому ты здесь нужен? Ты же пропьешь мозги в этой пустоте. Ты же поэт! И хороший поэт, не то что я пианист. Пи-а-нист! «Наш Рафик был на все горазд – он пианист и пидарас:» – помнишь, в той песенке?

– Кому же там нужны мои стихи?

– Твоя трава, твои сады! Пиши для Дениса. Или для меня, если я тебя хоть сколько-нибудь еще интересую:

Рафик запинался и говорил нечленораздельно. Следующий основательный глоток нокаутировал его.

Все. Поехали. В кресле сидела крашенная тряпичная кукла в старом халате. Руки обвисли, бутылка покатила по полу: Я взял куклу на руки и осторожно перенес на кровать в кабинете; положил его на бок, чтобы, не дай Бог, не захлебнулся во сне собственной блевотой. Укрыл пледом, вспомнив Мандельштама: «Есть у нас паутинка шотландского старого пледа – ты меня им укроешь как флагом военным, когда я умру. Выпьем, дружок, за наше ячменное горе, выпьем до дна:» Мы же тоже пили до дна, до донышка, шли ко дну как желтые субмарины.

При свете ночника затаенно оглядываю кабинет моего пианиста: пыльные бумажные цветы и сухие колосья в псевдокитайской вазе, ворох исписанной нотной бумаги на подоконнике (неужели он сочиняет, никогда не говорил об этом:), пожелтевшая фотография на стене – женщина в белой панаме на фоне размытой черемухи или яблоневого цвета (или вишневого?). В бусах. Красивая. Улыбается застенчиво. Мать? Наверное, мать, кто же еще? Стол перед окном

дубовый, основательно-крепкий. Капитальный стол. Хорошо, наверное, пишется за таким столом в долгие зимние вечера. А что, интересно, в выдвинутом верхнем ящике? Стоп, любопытный Найтов, какая разница, что там в верхнем ящике? Ну все-таки: Аморальный тип. Ну что там может быть? Ничего. Ну, посмотрим просто так – Раф не узнает: Я выдвинул ящик еще больше и обнаружил кучу писем и открыток. Ого, а вот и моя открытка! Рождество три года назад! Я выбрасываю этот мусор, а Рафик все это хранит сентиментально. А все-таки приятно: Может, прочитать какое-нибудь письмо? Ну это уж слишком! Ну просто так, заглянуть поглубже – друг все-таки: Вот именно, что друг, – задвинь ящик! Ну одно хотя бы, наугад: Так:

«Дорогая Анна Леонидовна!»: А какой год? Боже, шестьдесят первый!.. «Дорогая Анна Леонидовна! Надеюсь, Вы здоровы и, как и мы, наслаждались этим великолепным летом. За Волгой у нас просто рай! Рафику купили велосипед, но лучше бы не покупали – мальчик стал еще больше отвлекаться от инструмента, но все говорят, что он очень, очень способный мальчик. Смотрю на него сейчас в окно – они с Сашей в саду сажают куст крыжовника. Должен прижиться хорошо, почва здесь хорошая: Вы бы тоже приезжали к нам, чем сидеть одной в пыльной и шумной Москве. Приезжайте и будьте с нами сколько хотите. За тем и письмо к вам пишу. Кстати, наши соседи тоже москвичи – молодые филологи с сыном десяти лет. Славный мальчик, высвистывает Рафика с утра пораньше, но я боюсь отпускать их одних в лес или к реке. Саша не пьет после операции, так что насчет этого не беспокойтесь – здесь мир и тишина. И просто хорошо. Ждем вас и любим:»

Ну и что? Письмо как письмо. Я поднялся наверх, но еще долго не мог заснуть, думая о своем и о чужом детстве, о судьбе чужой семьи и: мало ли о чем я думал, обнимая спящего Дениса и глядя на морозные звезды: Но толпы милых, знакомых и незнакомых теней шли в мой сон – и солнце детства, и мама с зонтиком на лодке, тетушка Элизабет, и бабушка дает мне двадцать копеек на мороженое – и я безумно, безумно счастлив, и лето такое цветущее,

и небо такое открытое, и облака такие, и купола: и твой воздушный змей, Андрюшка: Я еще сильнее обнял Дениса, точно обнимал свое детство, точно я до сих пор боюсь расстаться с тем временем, когда я был абсолютно счастлив. Вчера я буду счастлив, вчера я буду счастлив: Небо вчера будет ближе, краски вчера будут ярче, и ангел-хранитель опять возьмет меня за руку и поведет по тропинкам моего детства.

Моделируя свой мир и определяя вектор своей странной судьбы, в который раз прихожу к выводу, что прекрасные феи положили в мою колыбель лучшие свои дары, но одна из них: впрочем, и ей спасибо, ибо она «часть той силы, которая вечно желает зла и этим совершает благо». От меня вы услышите только благодарность, даже если и ты, читатель, бросишь в меня камень. Спасибо.

:Я снова просыпаюсь в перламутре зимнего утра, в который раз с ощущением счастья – и утро солнечное, чистое, как молитва ребенка. Спускаюсь на веранду. Затапливаю камин, завариваю чай с мятой. Прикуриваю от уголька. Люблю домашний, старинный дух, начало нового дня, и я влюблен, и я на краю счастья. Скрипнула дверь – Рафик выглянул из своей норы. Он похож на взлохмаченную испуганную обезьянку – пожелтее, чем обычно, и с воспаленными глазами. Я не мог удержаться от смеха. Он дрожал так экспрессивно, что мне показалось, даже рюмки в серванте зазвенели. Не говоря ни слова, пианист греется у камина, искоса и с сожалением поглядывая на побежденный рояль, рухнувший вчера с оборванными нервами и выбитыми зубами – он действительно похож на страшный гроб, который долго плыл по волнам и разбился о скалы. Рафик стесняется посмотреть мне в глаза – я знаю, что такое утренний похмельный стыд, поэтому первым ободряю пианиста, но он все равно не находит себе места и бродит по гостиной как слепой котенок, тыкаясь во все углы и как бы с удивлением рассматривая давно знакомые предметы. Босоногий Денис в обтянутых джинсах и зеленой майке резво соскочил по ступеням – в золотистом свете зимнего утра он такой свежий и гениально красивый (или просто

красивый как все гениальное). Даже Рафик на миг остолбенел перед чудесным его появлением и вымолвил: «Доброе утро, Денис Белкин. Боги спускаются на землю. Не ты ли вчера был виночерпием на пиру у Зевса?» Бельчонок не понял вопроса, посмотрел на меня и зарделся. Я поспешил за него ответить, что вчера: на пиру у Зевса: был виночерпием какой-то невесть откуда появившийся пианист, который: наливал только себе, но играл столь виртуозно, что даже духи Аида слетелись послушать его игру и, возревновав, устроили мелкую пакость:

«Стоп, господа, стоп. До сих пор кусаю от досады свои покрашенные ногти. Ведь они уже родились в Швейцарии, а теперь сидят, пьют чай с мятой. Терпеть не могу пепперминт. Ночью я хотел поджечь дом, но стало жалко этого бездарного пианиста – Великий Монгол уснул в тринадцатой позиции, луна пошла на ущерб, и всполохи под волжским льдом угасают. Пианист играл бы в красном кабаре – в красном фраке и с золотыми зубами, но все равно бы кожа сползала с его рук как перчатки – клавиши-то горячие! Вы знаете, как черный кот подпрыгивает, обжигая лапки, на раскаленной крышке гранд-пиано? Уморительное, скажу вам, зрелище! Но публика почтенная, денежная, умеет весело коротать время до Страшного Суда. Но скоро Престол разрушится, и ко всякому замку найдется ключ, даже если тот ключ на дне морском спрятан. Но пошлю Найтову черепаху с письмом на панцире – медленная почта, зато надежная. Может, получит послание за минуту до трубы и успеет покаяться. Спасет себя – всех спасет. Меня спасет. Сделаю его богатым, пусть утешится. Но счастливым не будет. Это в моей силе сделать его счастливым, но не в моей власти. Спешу раскланиваться – колокольчики звенят на моем колпаке. Ах, какие колокольчики, какой звон чистый и серебряный! Какой звон! Вижу свет с Востока и падение Иерусалима. Целую ваши старые пергаментные руки. Красный арлекин.»

* * *

Полдень с «Миной», солнцем и Денисом: около двадцати слайдов. Мне нравится, как солнце плавится в объективе, точно рыбий жир детства, гроздь солнечной икры. Играю с солнцем. Играю с Денисом. Горячий зимний ветер – обжигает холодом щеки. Ветер просто как симфония, а деревья в лесу звучат точно диджериду. Не знаю, понимает ли бельчонок всей музыки этого великолепного дня – думаю, что да, иначе откуда этот щенячий восторг и пригоршни жемчужного смеха? Вот он, счастливый день – настолько реален, что реальность кажется иллюзией и снежные шапки с распластавшихся еловых веток слетают как напудренные оперные парики. Рафик не участвует в прогулке – он, как египетская мумия, набальзамированная пальмовым вином, отогревается у камина и наверняка уже опохмелился. В который раз я чувствую себя виноватым перед ним. Честно сказать, не только перед ним, но и перед всем миром, перед этим зимним, торжественно открытым небом, которое я снимаю на слайды в поисках облаков и (кто знает?) на миг обретшего очертания Божьего лица. Нет, небо все-таки зеркало, и мы отражаемся в нем, сами того не подозревая. Это небо фотографирует каждую секунду нашей жизни, это огромный объектив Бога – объектив с трансфокатором. Небо может быть дальше и может быть ближе. Небо живое. Небо православное. Мы православные, потому что нам дано ПРАВО СЛАВИТЬ Бога. Впрочем, не мне, педерасту, говорить об этом.

До обеда катаемся на снегоходе до последней капли горячего. В очках, в фуфайке и валенках я похож на рок-звезду из лечебно-трудового профилактория. «Буря» как будто почувствовал опытного наездника – мы мчимся в снежном вихре, и Денис визжит от восторга. За нами летят арлекины с барабанами, трубами и губными гармошками – играют бравурную какофонию и тоже празднуют один

из многих счастливых дней того, кто был на этой земле Андреем Найтовым.

Я явно недооценивал самоотверженности Рафика, который, несмотря на внутреннюю дрожь, сумел приготовить высокохудожественный обед. Нам щекочет ноздри дух жареных цыплят, картошки и коньяка – это фантастическое сочетание аппетитных запахов особенно кружит голову, если войти в натопленный дом прямо с мороза. Запотевшая бутылка на столе была уже почти ополовинена! Поймав мой озадаченный взгляд, Рафик сказал:

– Это коньяк. Хорошо с цыплятами.

– Я вижу, что коньяк. Еще я вижу, что ты заметно посвежел:

– Ну и что? Вот только не надо таких взглядов, ты же сам: Денис, ты знаешь, что ваш классный руководитель алкаш, он тебе еще не сказал? Ему завидно сейчас, что у меня коньячный румянец, а у него – только от мороза. Давайте, братцы, к столу – я вас обогрею по-русски. Кстати, вы знаете, что эту бутылку я достал из-под земли в буквальном смысле? Это необычайный пузырь. Я уговор нарушил, – продолжал Рафик, профессионально сервируя стол (сразу видно, в кабаке работает, даже салфетки сложил как-то вычурно – веером), – эту бутылку мы в саду зарыли с Олегом. Видишь, даже на этикетке свои автографы поставили, чтобы потом выпить за встречу. Это «святая» бутылка.

– Кто такой Олег? – внутренне я ликовал в надежде, что Рафик не так трагически одинок, как мне это представляется.

– Олег Миронов. Бизнесмен мелкий. Нувориш. В нашем заведении перед Рождеством гуляли – разношерстная была компания, но мы как-то приглянулись друг другу, да ты и сам знаешь всю знаковую систему, я его сразу вычислил. В общем, неплохой парень, но ты сам знаешь, кого я люблю в этом мире, сволочь Найтов: А все-таки приятно, что такой старый козел, как я, может еще кому-то понравиться. Роман для самолюбия.

– Не прибедняйся.

Раф снова катастрофически пьянел, его румянец быстро расплылся, и вот уже все лицо стало алым как знамя. Утром Раф был желтым и зеленоватым, теперь вот красный. Человек-светофор.

– Боже, я весь горю, – он прижал ладони к щекам, – это аллергия. Наверное, парацетомол среагировал:

Когда кончился коньяк, Рафик стал заметно волноваться и минутами спустя торжественно облачился в тулуп:

– Я в деревню, к бабушкам на огонек, пока они на печки не залезли. «Буран» на ходу?

– Мы сожгли весь бензин. Извини.

– Пиздец! Все кончилось! Началась вечность тьмы и ужаса. Ждите через час: – Рафик раздраженно хлопнул дверью, а я, посмотрев на разбитый рояль, разбросанные книги и пустые бутылки, сказал Денису: «Завтра уматываем, Рафик выплывет только через неделю. Это классика».

Пианист не появился ни через час, ни через два, ни через три, а далеко за полночь. И не один. Внизу, в гостиной раздавался его баритон и чужой приглушенный бас. Мы заперлись в нашей спальне, но через некоторое время Рафик забарабанил в дверь:

– Найтов, спускайся к нам.

Я молчал, обняв растерянного Дениса.

– Найтов, спускайся к нам, без тебя тоска, – упорствовал Рафик.

В тот момент я проклял все на свете – приглашение за Волгу, дьявольский ужин, волков на льду, снегоход, зверски убитый рояль и пьяное чудовище, которое когда-то было Рафиком. Мне хотелось набить ему морду и окатить холодной водой, чтобы привидение снова обрело плоть и опомнилось. Одевшись со скоростью пожарника, я вылетел из спальни как растревоженный зверь из норы, как пистолет, выхваченный из кобуры. Мне хотелось раз и навсегда прекратить эту бездарную пьесу, написанную каким-то почтальоном или графоманом-фермером. Но пелена безумной ярости упала с меня, я быстро остыл и едва не расхохотался, когда увидел, что Рафик облачен в старое черное платье с большим

декольте, отороченном паутиной синих гробовых кружев. Бумажная выцветшая роза на груди, траурная шляпка с вуалью, босые волосатые ноги: Бр-р-р: Даже духами дешевыми разит (кажется, «Ландыш», которые любила моя тетушка Элизабет). Рафик делает реверанс, смотрит на меня пьяными глазами с такой любовью, что я все-таки смущаюсь и смеюсь. Денис успел запрыгнуть в джинсы и надеть футболку – выглянул из комнаты как испуганный взлохмаченный заяц и тоже стал хохотать. Довольный произведенным эффектом, Рафик берет меня и Дениса за руки, подмигивает мне накрашенным глазом. Подкупленные театральным обаянием этой веселой вдовы мы с бельчонком, как-то не сговариваясь, решили принять участие в игре – и вот, послушно спускаемся по ступеням под шорох старых шелков.

Свечи в гостиной.

Шипит пластинка с романсами.

«Гори, гори, моя звезда:»

Теперь я убедился воочию, что Рафик пришел не один: таинственный гость расположился в кресле, протянул ноги к камину.

– Арсений, мальчик мой, познакомься – это Андрей с Денисом, – сказал прокуренным фальцетом вошедший в роль пианист, нервно перебирая в руках кружевной платок, выхваченный откуда-то из рукава; при свете свечей Раф был похож на привидение опереточной постаревшей королевы, лунной вдовы, отравившей генерала-мужа из-за любви к бедному французскому лейтенанту. Гость встал и протянул мне тяжелую ладонь.

Я долго рассматриваю его молодое породистое лицо, скопированное с агитплакатов коммунистической империи: лоб неандертальца, но простая и открытая улыбка, волевой подбородок, шрам на щеке. Квинтэссенция мужества. Я едва терплю его дыхание, смешанное с чесноком и дрожжами, и это неудивительно – ополовиненная банка с брагой на столе. Тут же в полутьме, замечаю синяк у него на шее – как укус вампира: нет, это, видимо, губная помада. Да, это lipstick. Ничему не следует удивляться в этом доме,

полном теней, вина и взрослых игрушек. Никакое болезненное воображение не произведет картины более близкой к макабру, чем та, которую сейчас я имею счастье (или несчастье) созерцать, потому что театрализованный реальный ужас страшнее голого детского страха и алкогольных кошмаров. Мне вдруг действительно стало страшно, когда Раф опять взял меня за руку: его бледное лицо с тенями под запавшими глазами было страшным, черное платье, свечи и даже эти старые романсы. Я чувствовал себя так, словно только что потревожил могилу и вот собираюсь вскрыть гроб. Почему-то подумалось, что в холодильнике у Рафика, наверняка, лежат несколько младенцев. И уж совсем инфернальный ужас охватил меня, когда пианист, вспотевший от непонятного внутреннего напряжения, стал петь. Это было смешно и, поверьте, это было страшно – такого смешения противоположных чувств я ранее за собой не замечал и не испытывал впоследствии (кроме классики: любовь и ненависть). Смешно и страшно. И не знаю, как объяснить. Впрочем, Рафик сам помог это объяснить, когда, выпив бокал браги (картинно, отставив локоть в сторону, и с удовольствием, точно это было звездное шампанское), сел на колени к таинственному Арсению и, обняв его за шею, начал свою огненную исповедь:

– Это, Арсений, моей матери платье. Это платье она на похороны отца надевала, он не долго после операции протянул. Почки замкнули. Ты знаешь, я до сих пор ее ненавижу. Точнее, люблю и ненавижу:

– Кого ненавидишь? – зачем-то спросил Арсений.

– Мать свою ненавижу. Ты помнишь, вчера у церквушки на утесе: Я ведь на ее могиле танцевал! Ты думаешь, я пьяный – полный дурак? Хуй! Я с удовольствием танцевал, даже обоссать ее хотел, только ты мне не дал. А зря: Такой кайф обломал!

– Почему? Это ее фото в твоей спальне?

– Ее. И этот дом тоже ее: И рояль тоже ее был. Мне кажется, она даже с того света: она любит меня до сих пор и не может со мной

расстаться. Но ты, может быть, и не знаешь, что материнская любовь превращает нашу жизнь в ад:

Я хорошо это знал. Рафик продолжает:

– Я хочу быть самым собой, понимаешь? Я хочу жить своей жизнью, и жизнь моя не удалась, потому что гадина слишком меня любила, единственного сыночка, урод! Я никогда ей не прощу: Она, бля, до сих пор меня ревнует, – Рафик вдруг поцеловал Арсения и погрозил кулаком куда-то вверх. – Когда она ушла, я почувствовал облегчение, но все равно жизнь была уже искалечена, все было позади – и юность, и свежесть, и вздохи на скамейке под сиренью, и небо в бриллиантах – только огромный монумент Матери отбрасывает тень на всю мою собачью судьбу. И вроде бы хорошим человеком она была – добрая, чувствительная, а все равно ненавижу. Она постоянно повторяла, что живет для меня и ради меня, но я сыт по горло этой навязчивой любовью, мне таких жертв не надо. Хватит. Да что сейчас говорить, все равно все потеряно: – Рафик оставил Арсения, поставил пластинку с начала и закружился с бокалом по комнате, подвывая и трагически закатывая глаза:

«Отцвели уж давно

Хризантемы в саду...»

В который раз он был смешон и жалок. И в который раз я все ему прощал и, наверное, любил, как уважаемая публика продолжает любить состарившуюся балерину с артритом.

«Но любовь все живет

в моем сердце больном!..»

По крайней мере, Рафик был живым (или изо всех сил старался произвести впечатление живого, что ему удавалось). С ним не было скучно. На сцену всякий раз выходил новый артист из многочисленных составляющих его внутреннего «я»: Танцуй, бездарный пианист! Танцуй, подпольный онанист!

Блямм-м-м-м! Рафик выронил бокал. Бокал разбился вдребезги. Боже мой, босыми ногами по осколкам!

– Стоп, стоп, – я кричу, но Рафик не слушает меня и, видимо, не чувствует порезов под алкогольной анестезией.

«...я хожу один,
весь измученный...»

В безумном круженье он срывает с платья бумажную розу и бросает мне – я ловлю ее. Боже, какой пошлый жест:

«и беззвучные слезы катятся
пред увядшим кустом хризантем!»

Пол в кровавых разводах. Пластинку заело: «кустом хризантем: кустом хризантем: кустом хризантем: кустом хризантем: кустом хризантем:» Так иногда заедает определенный круг жизни, и предметы, лица начинают вращаться вокруг лирического субъекта в той же последовательности. Стагнация творчества. Ночные неврозы и повторение тихого кошмара – та же яичница с беконом утром, стакан апельсинового сока, все тот же мир и тот же я. Этот кретин в клетчатом пиджаке – все тот же я, тот же растлитель и развратник бреется каждое утро: Какой ужас. Иногда пытаюсь хоть что-то изменить – беру зубную щетку в левую руку, изменяю маршрут на работу, покупаю новую рубашку или бросаю пить – нет, не срабатывает. Стагнация. Этот мир давным-давно заело. Земную ось заело, вот и кружимся на карусели как старики, впавшие в детство: мелькают яркие лошадки, мигают гирлянды, а мы думаем, что скачем по прямой: По кругу, товарищи, по кругу. И лошади ваши ненастоящие, и все удовольствие за пять рублей.

Обмываю ступни Рафика марганцовкой, как грешница ноги Христу – древний обряд, но, слава Богу, порезы неглубокие. Извлек несколько мелких осколков, заклеил раны пластырем и надел шерстяные носки. Ноги его костлявые и сухие, просто библейские ноги, ходившие по моей родной земле. Таинственный Арсений как будто протрезвел – по крайней мере, его простая армейская рожа обрела осмысленное выражение. Он помог мне перенести раненого танцора в спальню. Я еще раз взглянул на фотографию на стене – красивая женщина в белой шляпке на фоне выцветшего лета.

Фотография, конечно, выцветшая, а не лето – а может быть, и лето выцвело: Шестидесятые. Станный все-таки Рафик – на могиле пляшет, а снимок вот бережет – под стеклом в рамке, на видном месте. Впрочем, и это объяснимо. Наверное, это она его музыке обучала – мечтала, наверное, станет сын знаменитым: афиши, гастроли. Так ведь и начиналось – мальчик был вундеркиндом! Но в большинстве случаев почти все вундеркинды, простившись с детством, становятся заурядными профессионалами. Рафик рано пригубил славы, а потом ушло детство, ушли чудеса, улетели в небо воздушные шары, и брюки стали коротки, и концертный пиджачок уже теснит в плечах. От пышных букетов до разбитого рояля. «У разбитого рояля» звучит как «у разбитого корыта», и осталась старуха у разбитого рояля, и уплыла золотая рыбка:

Рафик стал обнимать и целовать Арсения. Я поспешил уйти. Уже закрыв за собой дверь, я услышал: «Найтов, вернись:»

Денис сидит в кресле у камина и задумчиво смотрит на догорающий огонь, потом мы вместе греем ладони над умирающим пламенем, стараясь забрать остатки тепла. Но для тебя у меня тепла гораздо больше, и огонь мой неиссякаем, мой мальчик, моя сказка. Я могу все отдать и раздарить, но для тебя у меня останется самое главное – моя любовь, все мои игрушечные клоуны, все веселые арлекины.

В спальне холодно. Догорает оплывшая свеча в медном подсвечнике. Здесь – как в келье – хорошо перечитывать Библию, терпеливо ждать конца света. Впрочем, конец света давно уже начался, только мы как-то не заметили. С головой – под одеяло. У меня руки как ледышки, и я боюсь прикоснуться к тебе. Ты сам стал обнимать меня. Медвежонок в берлоге сосет лапу. Взлетаю к седьмому небу.

Проснулся в тревоге ранним утром. Небо лиловое. Страшное и мертвое. Непроницаемость. Тишина. Только часы тикают, отсчитывают какое-то время в полном безвременье. Впереди вечность, а эти стрелки что-то отсчитывают. Наше время сжато до предела. Времени

мало. Но что за тревога во мне? Я весь дрожу. Смутный сон приснился. Мама. Моя мама. Похудевшая, усталая, но улыбалась – стояла около двери в своем стареньком голубом поплиновом платье с бархатным воротничком, которое она почему-то любила. Ужасное платье, старомодное. Стоптаные туфли. Я не догадывался во сне, что она давно умерла и укорил ее: «Ну мама, мама, почему вы так одеваетесь, ну купите же себе что-нибудь новое». Она в ответ: «Платье хорошее, хоть и скромное. Удобное платье и всем нравится. Ты мне туфли купи новые, недорогие. Я буду довольна. Живу я хорошо, сынок, но вот кольцо обручальное потеряла:» И весь наш разговор. Меня прошиб пот. Я вспомнил, что маму положили в гроб без обручального кольца. Я был против того, чтобы с нее снимали кольца и серьги, но функционировал в пьяном забытьи в те темные дни – в тумане и слезах. Толпа этих шумных дальних родственников распорядились по-мародерски: один из них, сибиряк, потом с непонятной гордостью заявил, что он у своей матери даже золотые зубы выкорчевал. Своими волосатыми руками. Плоскогубцами. Ублюдок:

На душе было так тяжело и сыро, так безвыходно, как будто только что я похоронил солнце и теперь вечно будет над миром это мертвое лиловое небо и вечная зима, и даже дикие звери придут из лесов к человеческому жилью искать тепла и утешения. Мне не с кем разделить чувство всепоглощающей вины – перед матерью своей, перед Денисом, друзьями, даже перед Россией. Впрочем, «отцвели уж давно хризантемы в саду». Постараться снова заснуть бесполезно. Постараться умереть? Время еще не пришло. Я люблю Дениса. Я люблю Дениса. Сильнее прижимаюсь к нему, вырастаю в него всей своей тканью, всеми сосудами и обгоревшими нервами. Мы одно тело. Мы один крест. Мы одно. Несмотря на все мои мрачные опасения, рассвет все-таки занялся, и я опять услышал музыку – свою внутреннюю музыку, которую ждал слишком долго. И за окном на ветке сидят два снегиря. Один расправляет крыло и чистит клювом перышки. Пора и мне привести себя в порядок –

спускаюсь вниз, тщательно бреюсь, но руки немного дрожат. «Тяжелый физический труд – лучшее лечение депрессивного психоза» – вспоминаю строчку из учебника советской психиатрии. Ну что ж, попробуем. Одеваю тулуп, беру лопату и выхожу в сад разгребать дорожку к воротам – за ночь снега намело почти по пояс. За этим занятием меня и застал бельчонок, он распахнул окно в спальне и кричит:

– Эй, Андрей! С добрым утром! Я уже проснулся.

– Вижу, что проснулся. С добрым утром, Белкин! Закрой окно – простудишься.

Он мотает головой, улыбается, весь исполнен света и радости. Если вам кто-то улыбается столь же неподдельно, то я понимаю, что и вы когда-то были счастливы. Как и я в это чудесное зимнее утро.

Пьем чай на веранде. С малиновым вареньем. Солнце бьет в начищенную медь самовара, по радио – «Весна Священная» Стравинского. У Рафика вид больного голубя с растрепанными перьями (представляю, как хорошо его оттянул ночью этот бык, полная сатисфакция гарантирована). Заспанный Арсений сидит в майке. Я замечаю грубую татуировку на его предплечье: горящий факел и топоним «Приднестровье».

Кажется, личность нашего таинственного гостя теряет ореол загадочности, уже почти все с ним ясно. Он ловит мой взгляд и раскалывается:

– Это я в Приднестровье воевал – метка осталась.

– За кого воевали?

– Как за кого? За Приднестровскую республику! А, стало быть, за Россию.

– Вас что, туда в армию призвали?

– Да нет, – усмехается, – это я сам поехал. Добровольцем. По голосу совести, можно сказать. Да и просто повоевать захотелось – я парень горячий, хочется кости размять, а то сидишь тут в лесу как отшельник.

– Арсений в деревне живет, с отцом, – поясняет Рафик, нервно закуривая третью сигарету. – Слушай, Андрей, – вдруг заявляет Раф, – может быть, и мне на войну уйти? Я серьезно. А то я здесь погибну, сам видишь. Уж лучше пулю где-нибудь на Кавказе.

– Кинжал тебе в задницу вставят на Кавказе. Тоже мне, искатель приключений! Мне же приключений и здесь хватает, – попытался я пошутить. Рафик совсем съезжился и как-то увял, когда я объявил, что сегодня мы уезжаем домой.

Арсения послали с двумя канистрами за бензином для прожорливого «Бурана», и Раф посекретничал со мной: «Мне нравится этот парень. Нас с ним бутылка подружила в начале зимы. Они с отцом сейчас свою ферму хотят основать, технику у колхоза арендуют. Но он не гей, а так: Я для него просто секс-объект. Говорит, что у него девушка в городе есть, но я ее в глаза не видел. В деревне одни старухи, и я уверен, что мой Арсений убежит за первой попавшейся пиздой. Я его не удержу. Да и любви он хочет только когда пьян. Ты его про это лучше не спрашивай».

Отправляясь в путь, я осенил себя крестным знаменем перед образом Серафима Саровского и только на другом берегу вздохнул с облегчением, когда наш снегоход, фыркнув, остановился у замороженной пристани. Дом за Волгой казался сновидением, страницей из утерянной повести, которую сам же написал. Или это киношники отсняли нужную сцену, но режиссер впоследствии вырезал ее из фильма как малохудожественную. Старинный городок встречает нас колокольным звоном, и Арсений, посланный Рафиком не только в качестве вожатого, но и за водкой, комментирует: «Люблю я этот звон, душа гуляет». На мой рассказ о волках он отреагировал с поразительной холодностью: «В этих местах не волков, а людей бояться надо». Он немногословен, и мне это нравится. Так, наверное, и надо жить – не показывать эмоции, хранить глубоко свои чувства и мечты и, уж конечно, не торговать ими. Но я-то всю жизнь такой торговлей и занимаюсь, продаю

страницы своего прошлого – все, что было в душе, уже кричит на гляцевых плакатах книжных витрин. Проститутка.

Возвращение из пункта Б в пункт А. Поезд вспять времени. Не люблю возвратного движения, но Одиссей тоже всегда возвращался в исходную точку, «полный пространства и времени». Вся разница в том, что эпический герой возвращался с обретенным временем, а я с утраченным. Или это мне только так кажется, ведь все мое «утраченное время» живет теперь на этих страницах. Квинтэссенция жизни какого-то Андрея Найтова. Чем же интересен этот субъект? Да ничем не интересен, но как раз этим и интересен, что совсем неинтересен. Интересных людей вообще не бывает. Один человек спросил меня о сверхзадаче этой повести, но посмотрите вокруг – какая цель всего этого? Нет никакой сверхзадачи у Бога. Нет цели. Точнее, бесцельная цель – ИГРА. Жизнь – игра в жизнь. Игра в одну игру, правила которой взяты совсем из другой игры. Но и игроки обмануты – они думают, что это они играют, а на самом деле, ими играют совсем другие игроки, ибо сказано: «Делаю дело во дни ваши:» Если игра прервется, то ничего абсолютно не будет. Даже Страшного Суда не будет. И кто знает, может быть, и Бог осознает Себя только через нас. Может быть, и Денис всего лишь мое зеркало, а Себя во мне любит только Творец. Но я достаточно грязный сосуд для чистого Духа – это все равно, что лить шампанское в грязные стаканы с водкой. Любой человек – центр Вселенной, и окружающие только призваны играть для нас свою роль. Блестящая пьеса! Сейчас передо мной проходит столько милых теней, с которыми я хотел бы встретиться в будущей жизни. Есть у меня такой журавлиный свисток, который увенчивает имя «Денис Белкин». Боже, сколько лет счастья и отчаяния! Ночи. Много ночей. Он был моей игрушкой? Даже если так, он был самой любимой моей игрушкой. Как плюшевый медведь из детства, с которым не расстаешься всю жизнь. По моим венам течет река Волга, горит окнами в ночи домик на утесе. Свеча. Постель. Но ветер судьбы уже уносит арлекина на воздушных шарах – и он взлетает в грозовое небо, болтает ногами и поет песню, чтобы было

не так страшно: Но нет, это не громы и молнии, а хлопушки и гирлянды, барабаны и духовые оркестры приветствуют клоуна! Безумная пожарная машина с мигалкой и сиреной мчится в ночных облаках, и к каждому человеку на земле спущена с неба веревочная лестница.

...В поезде я заснул, утомленный представлением прошлой ночи, и мне опять приснилась янтарная комната, полная света и зеркал. На троне сидит Клоун и рассматривает перстни на своих длинных пальцах; меня встречает карлик в широкополой шляпе и подает мне букет роз – свежих и благоухающих, сочных, с капельками на лепестках красных роз.

Поезд въезжает под стеклянный купол вокзала.

На заднем сиденье такси опять вспоминаю Алису. В момент отделения души от тела у Алисы произошло непроизвольное опорожнение кишечника. Простите за вульгарность. Но так и в жизни: говно и розы на каждом шагу.

...Боже, как хорошо быть дома! После душа прыгаем в постель и обнявшись смотрим слайды. Мур, заботливо усыновленный соседкой на время нашей Одиссеи, истосковался ужасно, даже заметно похудел, а теперь не отходит от меня ни на шаг, просится на руки и ревниво посматривает на Дениса. «Мур, не ревнуй меня, я тебя люблю,» – шепчу ему на ухо и в знак моего особого расположения надеваю ему на хвост свой перстень. Он знает мои причуды и прекрасно понимает этот ритуал.

Проектирую облака на потолок: мы лежим под открытым небом и смотрим на белые тучки – вот женский профиль, вот младенца, а это медвежонок. Кажется, Денис начинает понимать мое облачное хобби. На моей могильной плите пусть будет высечено: «Андрей Найтов. Фотограф облаков».

* * *

Наши каникулы закончились, мне опять предстоит болезненный этап перевоплощения из твоего сумасшедшего поэта и любовника в скромного учителя литературы под портретами классиков. Мне в который раз будет трудно открыть дверь и, окинув взглядом ребят, вымолвить: «Здравствуйте». Все смотрят на меня, а ты все-таки опустишь глаза. Что ты расскажешь своим друзьям? Был у дяди в Петербурге? Я в дурацком положении, и даже взгляды моих коллег кажутся мне подозрительными, точно мы плаваем на одном корабле и вся команда знает, что капитан влюблен в юнгу. Как всегда рассыпаю в учительской глупые шутки, стараясь казаться беспечным и своенравно-веселым – это арлекины пускают пыль в глаза моих сослуживцев, чтобы школьные пугала не заметили, что я все-таки растерян, что улыбки мои грустны, что до сих пор чувствую за спиной тень Алисы, но она безоружна в материальном мире – холодно ей сейчас, наверное, в дешевом сосновом гробу, наскоро обитом красной материей. Хотел свечу в храме поставить за упокой ее души, но рука не поднялась, словно это мне же в осуждение, будто вина моя станет еще тяжелей: наша дуэль давно закончилась, я вышел сухим из воды, но мертвые всегда бывают победителями.

В нашем школьном зоопарке было много экзотических созданий, но рутина работы приводила меня в состояние духовного паралича – я не был учителем по призванию, богослужением моей жизни была и остается Поэзия, и только поэзия спасала меня от творческой мумификации, которой подвергались мои уважаемые коллеги. Поэзия была той самой потаенной янтарной комнатой, куда я запирался ночами и делал свое дело. Пусть эти виньетки не покажутся вам слишком эстетскими, ведь, в конечном счете, всякий художник живет в нормальном конфликте с обывательским миром. Оглядываясь назад, события своей жизни я воспринимаю, прежде всего, как флаг литературный – вот и на этот раз Поэзия спасала

меня от стагнации, когда я получил приглашение на московский фестиваль «Молодой поэзии» – долетевший из столицы резонанс успеха моей первой книги «Крест на горе». Я был настолько самолюбив, что иногда перечитывал читательские письма, почивая на лаврах. Я был наивным, дерзким и самоуверенным, и то, что нужно было говорить шепотом в аллеях, я хотел кричать на стадионах. Теперь же я не только не стремлюсь к публикации своих произведений, но и испытываю откровенную неприязнь к абстрактному поклоннику, проникающему в святилище моих дум и чувств.

А пока – я еду в Москву продлевать свои каникулы. Карен даже оплатил мне командировку из скудной школьной казны – он, как и всякий кавказец, был стихолюбив. В столицу поезд прибывал слишком рано, я не знал что делать до открытия метро, но решение пришло само собой, когда, выйдя из вагона, я увидел маршрутное такси – микроавтобус, конечной остановкой которого значился на ветровом стекле: Свято-Даниловский монастырь. Такое «лирическое отступление» было мотивировано тем особым расположением духа, которое, по прошествии нескольких лет, трудно воспроизвести во всей палитре моих тогдашних духовных поисков и метаний. Несомненно, Найтов искал нечто более важное, чем эстетические впечатления. Православие как культурный универсум его, конечно, интересовало, но он понимал всю музейность православия – то есть именно то, что лишает любой предмет первопричинной сакральности при эстетическом любовании им. Я сам чувствовал себя в церкви музейным экспонатом. Нет, я искал не Бога в церкви (в существовании Которого у меня не было сомнений), но примирения с Богом – примирения через падение, через мой внутренний Содом и, если хотите, через самопрощение. Бесполезная, в общем, попытка. Я понимал, что нахожусь на тонущем корабле, и я ждал чуда, преображения, нового неба над головой. Заблуждающийся Найтов ждал, в первую очередь, признания на небесах, а не каких-то особых знаков Божьего благоволения (от которых я бы тоже не отказался) –

признания своей страсти как главной темы жизни, страсти без раскаяния, как займа без процентов. Сейчас это звучит глуповато, но зато искренне.

Свято-Даниловский меня несколько разочаровал своей парадностью, свежевыкрашенностью, официальной опрятностью: купола горели на зимнем солнышке как елочные игрушки, и я понял, что в первую очередь нахожусь в резиденции Патриарха, а не на поклонном месте. Фотографы уже поджидали туристов, в ворота въезжал чернолаковый «Зил» как концертный рояль (не иначе Президента уговорили окунуться в купель!). Собственно, я и сам, в черных очках и с пилотным кейсом, набитым «нетленными» рукописями, был похож на интуриста. Вот именно, я в который раз чувствовал себя иностранцем среди благообразно-заспанных соотечественников, стекающихся к заутрени. Стадо возвращалось к пастырям, пастыри ревностно окормляли приумножающееся поголовье. Не люблю толпу, особенно церковную, и до сих пор не понимаю идею русской «соборности» как формы духовной общности – мне кажется, что «соборность» не что иное как признак недоразвитости отдельной личности, индивидуальности, это вечная русская болезнь, в конечном счете загнавшая нас в стойло. Время выходить из толпы. Время собирать камни, а не слушать байки недоучившихся, недопостившихся батюшек, которые и сами едва спасаются.

В соборе было почему-то жарко, пахло оттаявшими с мороза шубами, шапками. Покашливание. Шепот. Здесь слишком помпезно, роскошно и богато (не Россия, а торжество Византии), мне же нравились маленькие домашние церквушки с темными дониконовскими образами, с деревенской строгостью и неподдельной сердечностью, где, может быть, и дьякон иногда пропускает полстраницы, и батюшка запаздывает с выходом, но уютнее, теплее: Одним словом, благодатнее. Впрочем, если мне иногда и давалась благодать, то на очень короткий срок. Бывает, даже ноздрями чуешь Духа Святого, серебряный голубь трепещет в

радуге, душа радуется, а вернешься домой после троллейбусной давки и мрачных пассажирских рож – куда все улетучилось? Как же стяжать Духа, если и крупницы удержать не могу, точно воду черпаю решетом?

...На службе мне вдруг ужасно захотелось выпить ледяной водки, что было довольно необычным желанием в столь ранний час. Бессонная ночь в поезде давала о себе знать, и служба проходила словно во сне, в золотистом тумане, как в детстве. Да, я почувствовал себя в детстве, но не в своем, а в чужом детстве, случайно мною украденным (в детстве Дениса?); разноцветные блики витражей бегали по мраморному полу, и все это было похоже на огромный шаровидный аквариум, где священник в праздничных ризах выплывал из грота как вуалехвост, и слова молитвы поднимались вверх как пузырьки воздуха: И еще внутри храма всегда осень, в какое бы время года вы туда не зашли – золотая осень с дымом ладана, с потемневшей позолотой алтарных ярусов, и в этой осени – заблудившееся лесное солнце моего детства, мой улетевший воздушный змей, и мои старые кеды спрятаны где-то за алтарем, и мой велосипед, и бейсболка, и теннисная ракетка с лопнувшей струной, а на Престоле со св. Дарами лежит мой выгоревший плюшевый медвежонок:

Я не был готов к исповеди, но неведомая сила вела меня вниз, по потрескавшимся каменным ступеням в подвал, служивший исповедальней: Наверху шла служба, и хор можно было слышать отсюда, из подполья с низкими, выбеленными сводами. Пахло краской, цементом, стояли какие-то швабры и ведра с замерзшей известкой. Откуда-то из полутьмы ко мне подкатилась сгорбленная инокиня и, перебирая четки в трясущихся руках, предупредила: «Ты, сынок, чемоданчик свой с собой прихвати, не оставляй на лавке, а то воришки украсть могут. Воришки плохо живут. Народ тут всякий бывает:» Неужели крадут прямо в исповедальне? Воистину святое ремесло. Но о чем мне беспокоиться? Украдут мои сомнительные рукописи – как камень с души снимут, мне же легче будет, а то

ношусь с этим мусором как курица с яйцом. Чего же здесь темно-то как? И лампу какую-то синюю ввернули – специально, что ли, страху нагоняют? Можно было бы повеселее, ребята, все-таки к свету идем: А кейс я взял с собой, не оставил – жалко расставаться со всеми бессонными ночами и сомнениями, это мой мусор, родной, мои герои, к которым так привык за время повествования, что и расставаться тяжело, честное слово. Впрочем, рукописи в пилотном кейсе давно уже не принадлежат мне, это повзрослевшие дети, у них своя жизнь теперь, своя судьба, а я в своей жизни все никак не наведу порядок – вот, на исповедь пришел, зачем? Каяться! Самому смешно стало: Да не отвезут ли меня в тюрьму прямо из этого подвала? Я закрыл глаза и увидел лицо Дениса – этот слайд зрительной памяти был таким живым и ярким! Более живым и более ярким, чем бледное испостившееся лицо иеромонаха напротив, готовящегося принять грязевые потоки моего сознания: Вдруг с поразительной ясностью предстали перед глазами горячие эротические картинки наших последних ночей на старой усадьбе, я даже услышал звуки разбитого рояля... опять долго путаюсь с твоим ремнем, снимаю твои узенькие джинсы и разрываю футболку на детской груди: Я помню твой запах и горячий шепот, стон, поцелуи – сначала осторожные и неловкие, потом настоящие и глубокие: дрожь тела, тюбик вазелина и вишни, много вишен и роз: какие еще вишни: губы? Сколько литров своей спермы я уже вкачал в твое маленькое, вздрагивающее от боли и наслаждения тело? Сколько миров мы сожгли в наши ночи? Чьи нерожденные дети кричали в саду, полном красных маков и бабочек? Лежим в гостиной на медвежьей шкуре перед полыхающим камином: Но выйдем в сад через разохшуюся дубовую дверь веранды – там римские солдаты продают пленных юношей. Купим одного не торгуясь, потому что стыдливый румянец на его щеках – горечь бесчестия или подавленное желание? Пересохшие губы. Протяну ему кисть винограда (если примет, то не куплю его, а не примет – заплачу еще звонче):

В результате таких фантазий у меня подпрыгнул кок. Так я и подошел к батюшке: в одной руке кейс, а другая в кармане – ни поклониться, ни помолиться. Но если бы я самостоятельно мог молиться и класть поклоны, то не спустился бы в мрачный подвал. Лицо иеромонаха было точно подсвечено изнутри – не лицо, но древний лик, которого слегка коснулась кисть реставратора. Строгая бесстрастность – вот определение. Мне стало немного страшно, я стал заметно волноваться и, начав свой монолог, физически почувствовал, что вместе со словами из моего рта выпрыгивают холодные змеи. Змеи – зеленые, красные, медные, черные, золотистые змееныши и живородящие беременные гадюки расползались по полу, прятались в дыры и щели, шипели и прыгали как на огне. Слезы были близко, но я сдерживал себя. Изредка поднимая голову, я тонул в бездне прозревших монашеских глаз, я слышал звон цепей под одеждой схимника (или мне это только показалось – разве сейчас кто-нибудь носит вериги?): Выслушав меня, он произнес:

– Ваше положение тяжелое. Но хорошо, что вы сами нашли в себе силы и смелость рассказать про это. И чтобы вы не впали в дальнейшие искушения, я отлучу вас от Церкви.

– ?!

– Только вы сейчас можете спасти этого мальчика вместе с собой. Еще все можно исправить. Ваши грехи я возьму на себя.

– На себя?

– Да, я возьму это на себя и буду молиться, – с этими словами он положил свою правую ладонь на мою шею и слегка принудил меня опустить лоб на холодный, серебряный оклад Евангелия, инкрустированный эмалью.

– Но я не рассказывал вам об арлекинах.

– Арлекинах?

– Нет, это я: это неважно.

Звон серебряных колокольчиков за спиной – чистый, прозрачный. Какой звон!

– Не забудьте выдержать пост, который я вам назначил, и каждый день читайте хотя бы главу Евангелия, – напутствовал монах.

Выйдя на свет, точнее, увидев свет в конце туннеля, я полной грудью с облегчением вдохнул свежесть зимнего воздуха, почерпнул пластиковым стаканчиком воды из крытого источника. Умыл лицо, сделал глоток, перекрестился. Было холодно, но я почему-то вспотел. Кто-то сзади тронул меня за плечо. Оглянувшись, я увидел ту же самую инокиню, протягивающую мне мой пилотский кейс со словами:

– А чемоданчик вы все-таки забыли, я вас предупреждала, сынок. Хорошо, что батюшка вовремя заметил, а то где вас потом искать: – она улыбнулась просто и тихо.

– Спасибо, матушка.

– Спаси Бог, спаси Бог:

Стоит ли говорить, что в злополучном «чемоданчике» уже кричали первые наброски этой автобиографической повести вместе с ворохом стихов и предметами первой необходимости: фляжка с коньяком, напестольный крест, презервативы, упаковка снотворного: В иконной лавке я обратил внимание на красивого отрока, ровесника Дениса, продающего глупые душеспасительные брошюры, в которых один привет, один ответ, одна мелодия. Боже, неужели и этот мальчик с застенчивым румянцем на пушистых ресницах проведет юность под иконами и увянет, высохнет в постах, потеряв великий Божий Дар – физическую красоту? Но о чем я говорю? Всем известно, что у них там в монастырях творится – вкушают от плода с завидным аппетитом; фанатичное воздержание – лучший афродизиах, вот и оглушают чертей своими палками: Ну почему я такой злой? Почему дух всяческого отрицания, неприятия проник не только в мой змеиный мозг, но и в печень, кости, селезенку? Если сексуальная ориентация и есть дело свободного выбора, то я наверняка добровольно решил стать гомосексуалистом в знак протеста против старой, зацветшей морали, против менторских речей самых разных воспитателей и наставников – и

духовных, и безбожных – всяких. Не хочу посредников между мною и Господом, не хочу вожатых и поводырей, большинство из которых сами слепы и убоги. Почему все объединяются в общины, общества, ассоциации, партии? Стадо. Быдло. Глупое, глупое стадо баранов. Есть бараны – найдется и пастух! Неужели я не люблю людей? Нет, люблю – по отдельности, а не в скопище своем. В каждой стае свои законы, вот пусть члены стаи их и выполняют, пусть пляшут на своих свадьбах и плачут на похоронах, а мои арлекины будут плясать на ваших похоронах и реветь на ваших свадьбах. О, теперь я хорошо понимаю педофилов – только дети достойны внимания, они еще не научились скрывать свои истинные чувства, порывы и искренние желания, а потому являются чистейшими зеркалами, отражающими нас без искажений. Посмотрите в детей. Вокруг них золотой свет и энергия Универсума музыкально льется по каналам, еще не заблокированным дерьмом и шлаками. Как выпускать их в фальшивый взрослый мир, где шипов гораздо больше, чем роз?

...Поймав такси, я доехал до гостиницы и целый час отмокал в горячей ванне с лавандовой пеной, распевая арию Мефистофеля, пока кто-то не постучал в дверь. Номер был рассчитан на двоих, и по закону вселенской подлости ко мне не замедлили подселить неприятного микроскопического типа с каббалистическим талисманом на волосатой груди; он почему-то сразу же переоделся в махровый полосатый халат и завалил стол своими манускриптами. Стол в комнате был только один, и этим самым он показал, кто в доме настоящий хозяин. Несмотря на смехотворно маленький рост, этот человек был громоздким – как низкий, прочно сколоченный книжный шкаф, и когда он склонялся над своими листами при настольной лампе, его полированная лысина работала как хороший рефлектор. Книжный шкаф представился Давидом – такие коренастые, приземистые типажи обычно прочно стоят на земле, отличаются крайней практичностью и фантастической способностью пускать свои корни даже в самой каменистой почве. Давид подолгу фыркал в ванной и едва ли не каждые пять минут вбивал в мясистое

лицо биологический крем подушечками обрубленных, жирных пальцев. К тому же комната провоняла его тяжелым, мрачным одеколоном – смесь церковного ладана, красного вина и сандалового дерева. Мой «сожитель» вполне производил впечатление старомодного доминирующего гомосексуалиста, если бы не фото его бесцветной жены, которое он сразу же пристроил над кроватью. Будучи непьющим, некурящим семьянином, он, однако, не отказался пропустить со мной вечером за шахматами пару рюмок коньяку. Книжный шкаф поведал мне, что пишет рассказы ужасов и, как доморощенный кондовый мистик, даже показал мне странный ритуал со свечой и яйцом, призванный, по его словам, привлечь удачу и деньги. В то время и в том, и в другом я остро нуждался и выдержал до конца двухчасовое бессмысленное мракобесие.

После пары дней общения с Давидом я понял, что он просто глуп, и утратил к нему всяческий интерес; он это почувствовал и старался платить мне той же монетой. Наши долгие паузы в пустых разговорах становились невыносимыми, мы оба быстро построили между собой стену непонимания (при соблюдении дежурной, приторной вежливости), но я стал всерьез опасаться, что обиженный колдун Давид наведет на меня порчу или напоит приворотным зельем. Ну ничего, если будет плохо себя вести, прижгу его крестом, который таким бесам – язва. Я после исповеди чистый и легкий, как облако, одолею всю нечисть, которую он расплодил в комнате. Но ситуация разрешилась сама собой, когда, выслушивая бесконечные монологи Давида о женщинах, я как-то между прочим заметил, что являюсь гомосексуалистом – он переменялся в лице и заявил, что брезгует разделять со мной одну ванну. Я ответил, что это его проблема, и вскоре колдун испарился, а на его еще не остывшую постель откуда-то с луны свалился полубезумный уральский поэт Роман Арканов – вечно пьяный, вечно грязный и страдающий недержанием мочи. На семинарах все старались держаться от него подальше – каково же было мне, вынужденному открывать по утрам окна и едва сдерживающему себя, чтобы не сбросить Ромку с

балкона как вонючего мокрого котенка! На мой вопрос о возможной помощи с какими-нибудь медикаментами он ответил, что его лучшее лекарство – коньяк. Теперь пришла очередь Найтова искать более приемлемую форму существования, и на третий раз мне повезло (вы замечали, что удача часто приходит именно на третий раз – другой закон Универсума?) – я упал в объятия белорусского юноши, чье имя оставляю при себе, чтобы оградить его от кривотолков и спекуляций на случай, если этот чудесный девятнадцатилетний поэт когда-нибудь станет знаменитым (в чем я сомневаюсь): Двухместные номера призрачных гостиниц похожи на двухспальные вагоны, стучащие в неизвестном направлении, и до чего только не договорятся за бутылкой скучающие пассажиры! Так в тесной камере осужденные на длительный срок неизменно влюбляются друг в друга и не расстаются даже после освобождения. А что было? Ничего не было. Двое похожих людей, почти ровесники с разницей в три года, встретились на мгновение в долгом пути и протянули друг другу руки. Разве я не догадался, что розы в вазе на ночном столике предназначались для меня; разве я не понимал, что как бы случайно раскрытая дверь в ванную была распахнута опять для меня, и этот плеск воды, и мокрые следы на паркете, и улыбающаяся рожица, нарисованная пальцем на запотевшем зеркале, и спортивные трусики на спинке стула, и фемининный одеколон «Тристано Онофри», и яркий галстук, и предательский краешек зеленого платка в левом нагрудном кармане, и на глаза спадающая челка, и: паролем опять стал балет:

- Чайковский? «Лебединое озеро»? Нет, слишком сладко.
- «Спартак»? Да, «Спартак».
- Нет, Стравинский – «Весна священная». Разрушительно:
- Ваш любимый инструмент, Андрей?
- Флейта. Конечно, флейта. Моя осень, моя простуженная дудочка.

А Ваш, мистер Н.?

- Саксофон.
- О, вельвет и сливки? Золотая рыбка! Не плачь по мне, Аргентина:

- Да вы эстет:
- Нет. Я Андрей Найтов, фотограф облаков.
- В таком случае, я облако в штанах: Кстати, кто ваш любимый герой?
- Маленький принц.
- О, я, кажется, начинаю вас понимать.
- А я вас давно понял!

Мы рассмеялись, и в этот же вечер я помогал Н. завязывать галстук перед выходом в ресторан, где два поэта очень мило наладились сладкого муската и лимонной водки, потом мы искупались в гостиничном бассейне и шагнули в лифт в одних полотенцах вокруг бедер. В лифте Н. начал страстно целовать меня, но когда двери разомкнулись, мы нос к носу встретились с кабалистическим Давидом. Он сплюнул, грязно выругался и решил воспользоваться лестницей. Пригоршни нашего смеха летели ему в спину, точно крепкие саркастические снежки той русской зимы.

Я боялся, что Н. по-настоящему влюбится в меня (хотя где-то в глубине души я, может быть, и желал этого – из тщеславия, только из тщеславия, которое до сих пор стараюсь вытравлять каленым железом), и когда он предложил посвятить мне один из лучших своих текстов, я как-то уклонился от ответа, оставив Н. в недоумении. Я и сам мог влюбиться в него и пригласить навсегда в свою жизнь, и приносить кофе в постель, и врать в него всеми корнями, и состариться вместе с ним, но со мной всегда бы следовал неизвестный мальчик в полумаске, берущий меня за руку и уводящий в чужое детство. Проснувшись в одно прекрасное утро, я бы понял, что жизнь прошла почти напрасно – в самогипнозе и бесполезных поисках, а смерть пришла бы в образе Дениса, с букетом свежих роз, лепестки которых Н. сейчас разбрасывает по простыне, как это когда-то делал я. Горячие ночи в поту и звездах. Танцующие звезды. Скрипит палуба, и кораблик вот-вот разобьется о скалы.

Мистер Н., где сейчас ваша свежесть, ваша неповторимая, обаятельнейшая улыбка, вы помните прощальный ужин в ресторане «Арагви»? Зачем вы признались мне в любви и разбили «в доказательство» хрустальный бокал? Сомнительное доказательство, но еще одну бабочку я приколот в свой гербарий. Кстати, я вам солгал – я терпеть не могу устриц (Вы с аппетитом глотали эту морскую сперму). Но пожалуйста, пожалуйста, прекратите читать стихи, я сыт по горло лирикой – поймите меня правильно, но нельзя жить только на шоколаде и шампанском, иногда хочется черного хлеба, жареной картошки, водки и соленых огурцов. Прозы жизни хочется. Ваш поезд через сорок минут с белорусского вокзала, кто же опохмелит меня завтра, туманным морозным утром?

...Увядавшие розы на столе, драный гондон в пепельнице, желтая визитка и тонкая книжечка с вашим автографом; за окном – золотоглавая столица, авангардистские луковицы Василия Блаженного. Но Москва-то уже давно не Москва – совсем другой, иррациональный город с низкой вибрацией. Время отстегивать крылья, платить по счетам и ловить свой заблудившийся поезд «Либра-Аквариус».

Что касается семинаров, то здесь мое литературное тщеславие (если бы оно у меня еще было!) было удовлетворено на тысячу лет вперед: Найтова в который раз «заметили» и «открыли», несмотря на обвинения в беспочвенности и даже «европейской семиотике». Что еще? Стоит ли писать о вселенских поэтических попойках или о том, что молодой поэт Илья Гребенкин устроил на сцене стриптиз и, повернувшись голой жопой к литературным генералам, прохрипел в микрофон: «А это вход в Союз Писателей»: Жена кубинского посла демонстративно покинула зал; а что, собственно, делала жена какого-то посла на шабаше полубезумных сочинителей? Почему пьяный Давид спрятался за пальмой в фойе? Мой метр Юрий Левитанский в неизменной потертой кожанке попыхивает вересковой трубкой. Лет пять назад я, подражая своему божеству, тоже начал курить трубку. Прыщавый длинноногий подросток с

трубкой. Боже, какой ужас! Тогда и Москва была другая – столица моей поэтической весны, Бертик, о Бертик! Тусовки на Пречистенке, песни «Аквариума» на крыше самого высокого здания столицы, где, по хипповскому преданию, прощался с Москвой булгаковский Воланд. Эпоха портвейна, свежей сирени и анаши. От того мира не осталось и следа, и те доморощенные хиппи уже давно превратились в респектабельных семьянинов. А я? Я не изменился, я просто стал осторожным и немногословным – более циничным, может быть. Но волчонок уже превращается в матерого волка, у арлекинов прорастают крылья, но я очень боюсь, что они повзрослеют. Бронзовый Пушкин на одноименной площади задумчиво смотрит на очередь в ресторан «Макдональдс». Грязный снег над Москвой и синюшные облака перегара. Гомосексуальные приведения в сквере у Большого театра (сквозь морозное стекло троллейбуса, как сквозь калейдоскоп) – я вышел на следующей остановке и возвратился к скверу. Молодые люди группировались кучками, а старые «театралы» с масляными глазами как бы случайно неторопливой походкой проходили через этот публичный сад в страстной охоте за молодым мясом. Сторонний прохожий и не заметит, что за тайные действия проходят прямо перед его сексуально близорукими глазами, но эротоман Найтов и спинным мозгом почувствует, где совершается праздник жизни! Я волновался и чувствовал себя неловко, зная, что меня сейчас обстреливает множество любопытных глаз – но, с другой стороны, я знал, что Найтов чудовищно привлекателен, и жадно удовлетворял несуществующее самолюбие. Я до сих пор купаюсь в комплиментах и не устаю благодарить родителей за то, что вышел ростом и лицом: Зачем я пришел на эту ярмарку тщеславия? Тщетного тщеславия.

Он стоит у фонтана. Челка спадает на глаза, черный цвет волос резко подчеркивает бледность почти детского лица. Огромная солдатская шинель без знаков отличия тяжело обвисла на худых плечах. Джинсы каменной варки и массивные боты, оставляющие на девственном снегу тракторные следы, спортивная шерстяная

шапочка с кисточкой. Вздернутый носик, веснушки. Нервно курит и исподлобья поглядывает в мою сторону. Я кивнул ему – он заулыбался и опустил голову: Нет, я не искал секса, но мои созвездия зачем-то уготовили мне нечаянную, странную встречу с этим московским мальчиком. Он сам последовал за мной. Мы нырнули в ад метро. Он сидел напротив меня, но я смотрел на его профиль, отражающийся в стекле. Кажется, я глупо или грустно улыбался. Он тоже улыбался, и ямочки на порозовевших щеках делали его улыбку просто обворожительной. Портье в гостинице подал мне ключ так торжественно, словно он был Апостол Петр, а ключ – от райских врат. Этот яркий портье всегда был со мной подозрительно вежлив – так у тайкуна кланчат чаевые, но с меня-то чего взять, кроме нескольких изящных стихов и вот этой грустной, почти знаменитой, саркастической улыбки? В номере еще витали волны одеколona мистера Н., и это почему-то раздражало. Уже совсем стемнело, и купола Василия Блаженного за окном были сказочно иллюминированы. Рубиновые звезды Кремля резали сжатое пространство, но сам силуэт трагической крепости был как бы накрыт черным тюлем. Мы еще не оттаяли с мороза и осторожно потягивали дешевый портвейн из гостиничного буфета. Второй стакан разлился теплом по всему телу. Облегчение. Пробили куранты Спасской башни: Странное, странное время. Станные разговоры. «:Артем. Семнадцать. Нет, я больше не живу с родителями, я сам по себе, квартиру снимаю в Останкино. У меня собака есть. Тобби. Немецкая овчарка. Красавец! Уф-ф, жарко: (Наконец-то он сбросил шинель, и я повесил ее на плечики. Шинель пахла дымом, поездом, дорожными передрягами, необжитостью, неприкаянностью, сырыми листьями, московским снегом, псиной, потом и грибницей; шинель грубая, самого простого покроя, как и жизнь Артема; шинель висела как повешенный дезертир; шинель была с чужого плеча, и она тосковала по настоящему хозяину, ошетиновая шерсть и тяжелея.) Андрей, дай мне сигарету, пожалуйста. (Он выпил залпом третий стакан, глубоко затянулся и передернул плечами; мне нравился его

острый вздернутый носик.) Я сказал маме, что я голубой, так она мне психиатра пригласила на дом. Понимаешь, она хорошая, моя мама, но сказала, что никогда этого не примет. И не поймет. И не понимает, конечно: Представляешь? И отцу, говорит, не говори, а то он тебя вообще убьет. Отец? Работал таксистом, теперь барменом. Странно, да? Нет, сестра у меня есть, студентка МГУ. Биолог. Брат был: (Артем посмотрел в окно, глаза его заблестели. Нервно вертит сигарету в пальцах. Грязь под ногтями. Руки обветренные.) Брат был. Был. Утонул два года назад. Глупо. По пьянке, конечно. Мать чуть с ума не сошла, даже рубашки его мне носить поначалу не разрешала. Два года, да. Теперь мы с ним ровесники. Странно:» Портвейн в стаканах горел точно так же, как кремлевские звезды. Дыхание пахло пережженным сахаром. Мы пили много. Мы пили звездно. Мы пили медленно, но в конце концов мы все равно напились. Хорошо напились. Боже, как легко сейчас, как тепло после пятого (шестого, седьмого, восьмого) стакана. Хочется парить над ночной Москвой или, усевшись на кремлевской маковке, прокричать: «Как странен этот мир!» Я слышу, как кровь шумит в моих позолоченных венах, как тяжелы веки и: глубокий поцелуй: моя рука в его джинсах: У Артема шершавый язык, у Артема темные глаза, чувствительные соски, мускулистые ноги и заячьи ягодицы. Артем, милый мальчик, я не люблю тебя – я хочу тебя. Золотое кольцо на левом соске. Резинки с банановым ароматом в его нагрудном кармане – это для орального секса, но я рассчитываю сегодня на грубую работу. Пуст он кричит и бьется на моих простынях (одеяло уже прилипло к моей вспотевшей заднице). Чем мы любвеобильнее, тем дебильнее наши рожи, особенно с портвейном и без закуски. Мальчик! Какое же я чудовище! Почему я это делаю, зная, что в теплой норке терпеливо ждет моего пришествия мой маленький принц в алмазном венце набекрень – ДЕНИС! Находится удобное оправдание: наши фантазии никогда не находят полного воплощения в реальности, вот и приходится экспериментировать, всякий раз открывается что-то новое, порой очень занятное (Артем, например, намочил постель во время моего

оргазма, в первые секунды было приятно чувствовать, как теплое пятно расплывается по простыне. Я еще никогда не встречал такой реакции, в которой так смешивались бы страх и эксайтмент.), но, к сожалению, в шампанских брызгах эротических откровений мы все-таки никогда не долетаем до седьмого неба, и узники желания вынуждены опять идти за вечным призраком в полумаске.

Этот отрок с застенчивой улыбкой явился ко мне в ювенильные годы и вот – безвольно следую за ним – очарованно, покорно, молчаливо. Кажется, скоро покажется в облаках позолоченная беседка, увитая виноградом и плющом, дом с мезонином – родной и незнакомый, и выйдет навстречу Денис (или тот, кто был Денисом) в тесных джинсах, в выцветшей красной футболке и скажет, жмурясь от солнца: «Хороший день, Андрей. С утра радуга была». И я рассмеюсь и заплачу, заплачу и рассмеюсь, и вскину свою камеру, мимолетно подумав: «А разрешено ли фотографировать в раю?» Кончится время, начнется вечная вечность, и я буду вечно смотреть в твои глаза и обнимать твои колени. Можно, я сосчитаю родинки на твоём теле?

* * *

Пока я не уехал из Москвы, еще один штрих. Право, стоит описать тетушку Элизабет, которую я навестил перед самым отъездом. Моя тетя, моя милая одинокая тетя – единственный человек из всех моих родственников, кто понимал меня и принимал таким, какой я есть. Почему я был так невнимателен к вам, когда вы были живы? Вон горит окно в ночи на пятом этаже на Котельнической набережной – сталинский дом плывет как ледокол по Москве, сквозь время и безвременье. «Летучий Голландец» потерянных поколений. Я почему-то боюсь заходить в саркофаг старого громоздкого лифта и поднимаюсь по крутой лестнице; на лестничных площадках

неизменно разит кошачьей мочой и кухонными парами. Прозвенев цепочками, дверь мне открыла добрая фея, специально надевшая для долгожданной встречи сатиновое сиреневое платье. Смешно, старомодно. Шерстяная белая шаль обвисла на костлявых плечах. Благоухание свежих ландышей (ее любимые – дешевые духи «Душистый ландыш»). Целую ее сухие венозные руки с облупившимися на ногтях лаком. Она обнимает меня и плачет: «Андрюша, дорогой мой мальчик, какая долгожданная встреча, какой счастливый день сегодня!..» Тетушка такая хрупкая, почти прозрачная – совсем, кажется, невесомая – белое облако в сиреновом платье, одуванчик. Величие былой красоты еще сквозит в ее чертах: та же балетная грациозность жестов, точеный орлиный профиль (из-за носа с горбинкой ее иногда принимали за еврейку) и совершенно голубые, уже выцветшие глаза. Серьги с маленькими бриллиантами дрожат как дождевые капли, опаловый перстень на безымянном пальце. Тетушка поймала мой взгляд и пояснила: «Этот перстень – память о Леониде. Ты его помнишь? Вдовый камень: Говорят, опалы приносят несчастья, но какого-то сказочного счастья мне ждать уже поздно и, наверное, просто глупо. Станный перстень. Камень мутнеет, если не ношу эту безделушку несколько дней, а стоит надеть – оживает прямо на глазах, весь искрится. Посмотри – в нем точно золотые всполохи, видишь? Люблю опалы».

Вдовой моя тетушка была трижды. Первый муж погиб на фронте; другой, офицер НКВД, был репрессирован в то время, когда машина диктаторской паранойи стала пожирать сама себя; а последний – партийный босс, шутник и краснобай (которому и принадлежали эти шикарные апартаменты с хрусталем и антиквариатом) – повесился после очередного запоя, поставив вопросительный знак в конце повести своей жизни. Мы никогда не говорили об этом, а настоящая тетушка Элизабет осталась в моей детстве, когда она забирала меня на столичные каникулы, пичкала разными вкусностями, покупала дорогие игрушки и дизайн-одежду. Она меня баловала, потому что была добра и бездетна; всю свою любовь и настоящую материнскую

заботу она проектировала на сопливого Андрея, который любил до умопомрачения грассировать на пони в Центральном парке. Все дети завидовали моей матросской бескозырке и позолоченному кортику, болтающемуся на кожаном ремешке с настоящей солдатской пряжкой. Вечером мы катались по дождливому Цветному бульвару в белой «Победе», ужинали в ресторане «Прага», славившемся тогда раковым супом, многослойными расстегаями и тортами «Птичье молоко». Еще картинки памяти: водный трамвайчик, весь в цветных огоньках, медленно плывет между гранитных берегов Москвы-реки, дядя Леня пьет много пива, а тетушка разрешила мне пригубить шампанского. В солнечный полдень плаваем на лодке возле Шереметьевского дворца, тетушка прикрывается от солнца шелковым зонтиком и декламирует наизусть какие-то смешные стихи Агнии Барто, а на ночь читает мне макабры Гофмана – после «Корабля мертвецов» я наотрез отказываюсь спать один, и она кладет меня в свою бескрайнюю постель; я утопаю в пуховой перине, так волнующе пахнет ландышами и вином в спальне:

Мама ревновала меня к тетушке, и в одно лето они даже поссорились, когда мама отказалась отпустить меня с ней на каникулы к Черному морю – мама, конечно, не осилила бы такой поездки сама, она вечно переживала о состоянии семейного дырявого бюджета. Но на следующий крымский сезон тетя все-таки увезла меня на побережье; мы жили в бывшем екатерининском дворце возле Ласточкиного Гнезда, служившем домом отдыха для партийной элиты. Я был тогда в возрасте, когда мальчикам уже дарят на день рождения арабские сказки «Тысяча и одна ночь», а терпкие магнолии так кружат голову, что хочется убежать в теплую лунную ночь к морю и следить из расщелины за ночным девичьим купанием. Да, я был тогда фантастически влюбчив. Я влюблялся и в девочек, и в мальчиков. С одним из местных, до черноты загорелым длинноногим подростком Асланом, мы стрелялись дикими огурцами, ловили крабов и, ныряя с выступа базальтовой скалы, доставали рапаны с подводной песчаной косы. Тетушка Элизабет брала с собой на пляж

театральный бинокль, чтобы наши «опасные заплывы» всегда были в поле ее зрения. К счастью, наши эротические игры с Асланом в поле ее зрения не попадали: Он был моим ровесником, и я завидовал, что его пенис был больше моего – особенно досаждало то, что мой малыш был совсем неоперившимся, а у Аслана были просто заросли. У нас была заветная беседка в винограднике, где мы вместе фантазировали о девчонках и поочередно помогали друг другу мастурбировать. Честное слово, его мускулистое загорелое тело и подпрыгнувший пульсирующий член возбуждали меня больше, чем комментарии о девочках. Я несомненно тоже привлекал Аслана, потому что он первым попросил меня поцеловать его в губы, сказав, что он закроет глаза и будет думать о какой-то Эсмигюль. Мне так хотелось положить его с собой в постель и, подолгу нежась по утрам в кровати, я навязчиво мастурбировал, снова и снова воссоздавая в фантазиях сцены с Асланом, предвкушая новые встречи в нашей беседке. Там же мы тайком курили крепкие папиросы «Герцеговина Флор» и вместе мечтали о морских путешествиях и дальних странах. Первое «путешествие» мы предприняли на надувных матрацах – к белой скале, возвышающейся в море в трех милях от берега. Эта скала в волшебной дымке манила юных романтиков. Однажды тетюшка ушла с пляжа раньше обычного, и мы доплыли до заветного места. Нас ждал сюрприз: посредине скалы было углубление, которое во время шторма заполнялось до краев, а в штиль, прогретое солнцем, превращалось в необычное озеро с горячей пересоленной водой. Вокруг «озера» было какое-то фантастическое множество птичьих костей, и Аслан сказал, что это кладбище чаек, и захватил несколько обветренных промытых белых косточек с собой для обряда белой магии, которой, по его словам, занималась его сестра. На обратном пути нас настиг шторм в три балла, а обезумевшая тетя, заметившая подозрительную пропажу надувных матрасов, уже поджидала нас на опустевшем пляже, где усиливающийся ветер трепал разноцветные брезентовые крыши торговых палаток. В наказание я был на два дня лишен морских

купаний, но Аслан высвистывал меня под окном, и его улыбка рассеивала мою меланхолию. В день отъезда я плакал крокодиловыми слезами, а мой мальчик подарил мне на память коралловое ожерелье, которое я храню до сих пор.

Милая тетушка, я вхожу в ваши теневые комнаты как в свое детство; все предметы лежат на прежних местах, даже тот черепаховый гребень все так же лежит на туалетном столике перед трельяжем в резной раме, точно время остановилось здесь. Я не удивлюсь, если мое отражение в зеркале окажется тем веснушчатым мальчишкой в бескозырке; я не удивлюсь, если в начале февраля пойдет теплый дождь с раскатами весеннего грома и рояль в гостиной вдруг заиграет сам собой, а мы будем шутить и смеяться.

Тетушка собирает ужин, пока я листаю страницы семейного альбома и потягиваю сухое красное вино. В шаровом аквариуме играют вуалехвосты и призрачно-матовые черные московские телескопы. Тетя суетится и заметно волнуется, водружая на стол картошку со свиной тушенкой (гуманитарная помощь из Германии), розетку с черной икрой, запотевший графин с водкой, настоящей на корнях женьшеня, ореховый пирог и вазу с тусклыми морщинистыми яблоками. По нынешним временам все это невиданные деликатесы, и мне до глубины сердца стыдно быть объектом такого расточительного гостеприимства.

Всю жизнь тетушка Элизабет была домохозяйкой, несмотря на то, что окончила романо-германский факультет ленинградского университета и свободно владела английским и немецким. Она была убежденной атеисткой, но всем известно, что именно атеисты, пройдя диалектический момент богоборчества, чаще всего становятся преданными верующими или просто болеют различными формами мистицизма. Так случилось и с тетушкой, которая на закате своих дней вступила в весьма странное эзотерическое общество, члены которого, по-видимому, служили кому угодно, кроме Господа Бога. Это была своего рода нью-эйдж группа с русским колоритом – в любом случае, эти люди давно сбежали от реальности, и в

аквариуме их дневных сновидений мелькали среброгривые единороги, манускрипты непризнанных мессий, хрустальные шары, поэзия древнерусских заговоров и заклинаний, гороскопы друидов, причитанья хорватов, кристаллы, и дельфины ныряли в облаках под звуки австралийского диджериду: Вот и сейчас, во время нашего прощального ужина, тетушка много курит и рассуждает об Атлантиде, реинкарнации, летающих тарелках, о предсказаниях Глоба и последней книге Дэвида Айка, которую она ни с того ни с сего вдруг решила пиратски перевести на русский... Нет, ее монолог был жутко интересным, но я не мог удержаться от смеха, когда тетя заявила, что ничуть не сомневается в том, что в кристаллах горного хрусталя живут маленькие человечки. Видимо, моя Элизабет впадала в старческую детскость, в инфантильный мистицизм, и в этом я еще раз убедился, когда она показала мне странное приспособление, похожее на примитивную теннисную ракетку, подвешенное над ее кроватью: на нитках свисали кристаллы и какие-то перья.

– Боже, что это? – я не мог сдержать недоумения.

– Андрюша, это удивительная вещь! Это мексиканский улавливатель снов! Я за него дорого заплатила, но он стоит того. Представляешь, мне больше не снятся кошмары, но только светлые, славные сны. Чудесные сны, как в детстве! Говорят, в Мексике такие кольца висят над каждой детской кроваткой. Ты только посмотри, ведь это настоящие совиные перышки! Кстати, я давно уже записываю свои сновидения – видишь тетради? После моей смерти...

– Тетушка!

– Да, после моей смерти ты уж не поленись, загляни в них. Я знаю, тебе будет интересно, ты всегда был необычным мальчиком: Кстати, я всегда знала, что ты голубой.

– ???

– Да, я знала. И всегда понимала. Знаешь, в молодости я ходила в балетный класс, и некоторые ребята были такими же. Ты знаешь, как я узнаю людей твоего типа? По глазам! Кстати, сейчас я читаю книгу

Фромма «Душа человека» – он все ссылается на работу Фрейда «Характер и анальная эротика», где тот пишет, что соответствующие личности проявляют три свойства в постоянном сочетании: они особенно бережливы, аккуратны и своенравны. Забавно, да? А сам Фромм вообще считает, что анальный характер – накопительный характер. Так-то, месье!

Тетушка опять долго задерживает меня в прихожей и не хочет отпускать, она плачет и обнимает меня, плачет и обнимает: Боже, как она одинока! Пахнет ландышами. Мне очень грустно. Я взял почитать две книги из ее обширной библиотеки – «Тайную доктрину» мадам Блаватской и «Розу мира» Даниила Андреева. Но вернуть их уже не пришлось.

...Уезжаю из Москвы с легким сердцем, в ожидании чуда и с полупустым кейсом. Рукописи разбросаны по редакциям, и еще долго неизвестными путями стихи А. Найтова будут появляться на страницах «Юности», «Литературной России», в братских могилах альманахов и в претенциозных андеграундных ксероксах. Судьбы стихов. Судьба поэта. Мои свежие розы. Мои опалы. Мои аметисты: Найтов, какой же ты, все-таки, странный человек: Прохожу напоследок по Красной площади, которая пустынна и гулка; звенит каждый булыжник под моими ковбойскими сапогами, голова раскалывается от черных магнитных бурь на кремлевском домом. Откуда эта тяжесть и невидимые иглы? Похожее состояние я испытывал когда-то в Германии, возле бункера Гитлера ночью, куда меня привел мой пьяный переводчик Ральф Мейер. Днем на этом месте счастливые немцы устраивали пикники, загорали и пили пиво, а ночью я почувствовал тяжелую и темную энергетику этого пространства, как беззвучный пронзительный крик. Невидимые энергетические вампиры в прострелянных касках окружают простого смертного. Застывший крик. Свежезамороженный ужас. Анестезия непричастности: Но здесь, в Москве, у Лобного места преобладало именно чувство сопричастности, сострадания, я был почти уверен, что над Крепостью шла небесная вселенская битва и что уже давно в

московском изрезанном небе состязаются сверхчеловеческие силы, но не было у меня тогда духовного огненного меча, чтобы встать на защиту духа добра. Не было такого оружия. Точнее, я не различал тогда границу добра и зла, как вы уже убедились в этом.

...В замороженном полубезумном поезде строчу письмо-настроение к мистеру Н. Зачем-то описал встречу с Артемом, который, как выяснилось впоследствии, крал десять долларов из моего бумажника, пока обессиленный Найтов на другом плане бытия смотрел очередной высокохудожественный кошмар. Противно. Нет, черт с ними, с десятью баксами, но я потерял друга, больно разочаровываться в людях. Впрочем, я тоже разочаровал своего соседа по купе, отказавшись разделить с ним его дорожные пол-литра; это был прапорщик, поэтому вы можете представить его крайнее удивление и злую растерянность.

«Прапорщик! Прапорщик! Он в прошлой жизни был арабским шейхом, между прочим: Луна плачет над тобой, Найтов, луна твоя свидетельница. На самом деле существуют две луны – одна настоящая, а та, которую вы, человечки, наблюдаете – оптический обман. Настоящая луна поднимается со дня океана, потому что эта луна – затонувший корабль Вселенной. Это секрет мусульманского мира. Найтов, я приготовил тебе приключение длиною в тысячу миль, и ты не поверил бы тексту, если бы кто показал тебе хотя бы страничку твоей будущей повести. Это я написал, а розы отдаю тебе с радостью, потому что писал для тебя. Кстати, Алиса ушла добровольно, она теперь все знает, но очень просит сжечь письма ее отца – тогда его перестанет кусать обезьяна, которую он пристрелил в берлинском зоопарке. Смешная, право, обезьяна, и оказалась очень начитанной. Да, Андрей, вчера твой будущий любовник умер в Копенгагене – сердечный имплантант не прижился. Отторжение. Конечно, отторжение – и ты в России не приживешься, как ни старайся. Боже, как хочется свежей сирени! Подмосковной, душистой сирени после дождя. Как надоели снег и свечи! Я шью тебе костюм необычный, звездный. Ах, какой костюм! Такой богатый! Великий

Монгол позавидует! Юпитер входит в твои созвездия. Кричат чайки. Заканчиваю. Звоню в колокольчик триста двадцать пять раз. Хоронили мы кота, хоронили мы кота: Красный арлекин:»

* * *

:Беспощадное резкое утро с мокрым снегом. Я оброс щетиной и после московских приключений выгляжу как ханыга, мне хочется в теплую ванну и в чистую постель. Покупаю на вокзале утренние газеты, ловлю такси – машина с больным пассажиром въезжает в новую полосу моей жизни, и, расплачиваясь с таксистом, я почему-то думаю, что скоро мне придется платить по всем счетам.

Сам кошмар начался с того, что кто-то вывел на двери моей квартиры «Пидор» аэрозольной краской. Пока я стирал это безобразие растворителем, соседка напротив открыла дверь и, ни слова не говоря, плотно поджав губы, смотрела на мои страдания. Молчание длилось недолго – незамужняя матрона вдруг разразилась слезами: «Андрюша, простите меня, ради Бога, не уберегла я: Мура убили: Столько подонков развелось! Ну зачем же живое существо уничтожать: Сволочи-и-и:» Она разревелась еще больше. Мне показалось, что эту сцену я уже когда-то видел, что эта растолстевшая, растрепанная добрая женщина уже давным-давно сообщила мне это нокаутующее известие. Де-жа-вю. Без удивления и почти равнодушно смотрю в ее воспаленные глаза с потекшей тушью и совсем чужим, осипшим голосом приглашаю выпить чаю. Мур, мой милый Мур, сиамский божок с бирюзой, фаворит фараона, моя радость и утешение: «Он как чувствовал, что расстанется со мной, все на колени ко мне прыгал и ласкался. Никогда такого я раньше не замечала, ведь обычно он по вам тосковал, не ел почти ничего и всех сторонился. Выпустила я его погулять, а возвращаюсь из магазина: лежит у самого подъезда. Вчера вечером: Следов вокруг много – видно, эти садисты ногами его запинали. Он

еще теплый был совсем:» – и она опять разрыдалась. Тело Мура она передала мне в полиэтиленовом пакете, и я не знал, что с ним делать. Выпил водки, закусил долькой лимона. Звоню Гелке:

– Как что делать? – отвечает рыжая. – Да тут без портвейна не разберешься. Мазня на двери? Мне кажется, тебе гомофобики мстят. Говорила же я тебе – не афишируй, будь осторожнее:

– А я и не афишировал, – отвечаю, а слезы где-то уже близко у глаз. Чувствую себя беззащитным, наивным и глупым ребенком, у которого украли любимого плюшевого мишку: Гелка прискакала на узких каблучках, в широком красном пальто с воротником ламы и в широкополой фельтовой шляпе; на остреньком носике прыгали огромные темные очки, в которых отражалась моя опухшая рожа – в этих очках и с кудрями, выбивающимися из-под шляпы, она была почему-то похожа на Майкла Джексона. Я так ей и сказал: «Привет, Майкл Джексон, а где же Гелка?» Рыжая кинулась обнимать меня и целовать. Ее губная помада пахла клубникой. Клубника с мороза. Пока Гелка оттаивала и растирала покрасневший носик, моя гостиная наполнилась благоуханием «Живонши».

– Вы что, мадам, прямо из Парижа?

– Заметно, да? Представляешь, я, кажется, становлюсь проституткой – видишь это барахло на мне? Неделю назад в «Коломбине» стою у зеркала, крашу губы:

– Что красишь?

– Губы крашу! Не издевайся. Подходит сзади один тип мягкой походкой и начинает меня обнимать – нагло, но нежно, да? В общем, приятный мальчик. В стиле. Оказалось – рэкетир Никита, боксер, они с командой лоточников выдаивают. Напились мы с ним вдребезги. Симпатичный блок, улыбка обаятельная. Блондин! Но: член как у голубя – заготовка, одним словом. Но на следующий день он меня обул и одел, завалил парфюмом. В любви признался! Я ему пока не ответила, но буду использовать этого Никиту функционально, на всю его финансовую мощность.

– Ну ты и сволочь!

– Не сволочь, а деловая женщина с умом и с талантом, – ответила рыжая, разминая сигарету, – по крайней мере, наконец-то почувствовала себя женщиной, а то с вами, педерастами, никакой личной жизни: Кстати, где покойник?

– Вон, в пакете лежит под пальмой. Не знаю, что делать.

– Положи в холодильник.

– ?!

– Говорю, положи в холодильник, у меня есть египетская идея, – настойчиво повторила мадам.

Я поспешил на кухню, а когда вернулся, Гелка достала из сумки бутылку коньяка и шоколадку:

– А теперь обмоем его лапки, да? Как расположение духа?

– Похоронное расположение.

– Ничего, сейчас разгуляется, рассеется, где рюмки?

Рюмки запрыгали как пешки на шахматной доске, превращаясь в ферзей. Мы сидели напротив друг друга как два гроссмейстера, но, кажется, этот фигуральный поединок закончился вничью. Точнее, я заранее был согласен на ничью, потому что Гелка все равно меня перепьет. После седьмого «хода» она пояснила свою полубезумную идею:

– Мы из твоего Мура чучело сделаем! Представь только – поставишь ты его на своем письменном столе и:

– И он оживет в ночь перед Рождеством и выцарапает мне глаза.

– Спокойно! Спокойно! Я уже нашла чучельника.

– Не чучельника, а таксидермиста.

– Нет, такси рано вызывать, в такси по ночам ездит Алиса, пытаюсь найти твою улицу и дом. Она слепая и синяя, у нее в сумке крючки и цепи. У нее на губе сидит жирная навозная муха:

– Хватит, а то я с ума сойду, – пытаюсь остановить разыгравшуюся фантазию Гелки.

– Ты уже давно сошел с ума! Ты спятил окончательно, Андрей Владимирович, я вызову бригаду: Нет, позвони Рафику, пригласи его

на кошачьи поминки. Давайте устроим пышные сюрреалистичные поминки!

– Рафик! Рафик из-за Волги еще долго не выплывет, он с молодым фермером романсы поет. «Отцвели уж давно хризантемы в саду:» – затянул я на такой высокой ноте, что сам удивился:

– «...а любовь все живет в моем сердце больном...» – подхватила Гелка. Мы обнялись, повалились на диван и расхохотались. Я почему-то стал целовать Гелку, она пыталась вложить в мой рот свой острый шершавый язычок – не вынеся этой пытки, я заперся в ванной и стал стирать с лица ее клубничную губную помаду. Гелка врубила музыку, и, возвратившись в гостиную, я увидел, что моя подружка вытянулась на ковре перед камином в одном неглиже. На ее шелковых минитрусиках была вышита розочка. На правом предплечье – свежая татуировка. Ласточка. Мы допили коньяк и стали танцевать при свечах. Гелка жутко вспотела, а меня колотил озноб. Передавая друг другу пузырек поппера, мы все выше и выше взлетали под компьютерный ремикс, а Гелка так надышалась золотого пара, что сняла свои черные трусики и умоляла меня ввести вибратор между ее чресл – в пучок осенней травы, пахнувшей рыбой. В ритм музыке я стал хлестать свою певчую птичку кожаным хлыстиком, и она визжала от восторга. Я так надышался поппера, что увидел извивающихся змей на ее голове, множество змей в наэлектризованных рыжих волосах – некоторые падали на пол и расползались по углам. Электронная какофония уже звучала внутри меня, в моей голове, пока я искал снежок в ящиках письменного стола, выбрасывая на пол бумажный ворох. Потом я вспомнил, что заветный пакетик с кокаином спрятан за иконой. И мы нанюхались снежного волшебства как котята. Во второй раз я увидел в зеркале своего визитера – точнее, это был другой Андрей Найтов, в облачении римского легионера: золотой шлем блестит при луне, медный панцирь на груди, наплечники, серебряные застёжки на голубом проливном шелку. Мне нравится его волевой подбородок, прямой нос с едва заметной горбинкой и орлиный взгляд. Визитер,

прикрываясь ладонью от снежного ветра, говорит: «В вольных скитаниях по афро-азиатскому пространству не забывайте о ребенке, который спит внутри вас. Пусть этого ребенка разбудит женщина, которая утолит твою жажду чистой водой, тяжелой от серебра. Вместо того чтобы посмотреть на звезды, ты смотришь на китайские бумажные фонарики. Подними же голову, тебе дана другая сила, и ты вытащишь себя за волосы из темного колодца времени. Ты помнишь запах хлеба, молока и полыни? Ты помнишь розовую зарю над березовой рощей? Радугу над старыми стенами Кремля? Звон в Сергиевом Посаде? По кому звонят колокола? Клоуны бросают цветы с облаков. Ты выращиваешь странный кристалл, но вынесешь ли ты, слабый воин, испытание славой?..» Тут я замечаю, что другой рукой визитер прижимает к груди моего кота: у Мура в ушах золотые колечки, бархатный красный ошейник с колокольчиком. И Мур говорит: «Путешествуя по Великобритании, сверни на деревенские дорожки Уэльса, заросшего розовым рододендромом, гони мотоцикл прямо к морю, и старый рыбак перевезет тебя на катере к острову Бардси, там и встретимся в часовне, где нарисовано Дерево Жизни».

...Днем нас разбудил телефон. О голос с небесных высот, солнечный зайчик, жемчуг в ракушке! Мне звонил ангел, сбежавший с последнего урока: Задыхаясь от волнения, почти вкрадчиво: «Ты про меня не забыл? Мне: мне плохо без тебя. Можно, я приду к тебе? Да, прямо сейчас: К тебе. Нет, мама опять болеет, сидит дома, точнее, работает на дому – шьет костюм для соседки, мама еще объявление в газету дала, она хорошая портниха: Я думал, ты сегодня на работу выйдешь, я волновался утром и совсем забыл, как завязывать галстук. Я мигом, да? Жди».

Гелка почему-то вошла в роль хозяйки и кинулась готовить завтрак, даже кофе в постель принесла, когда я отказался опохмеляться. Шипит и стреляет яичница. Я, убрав звук, смотрю телевизионные новости, но по лицу диктора видно, что он сообщает какую-то гадость.

- Через час священник придет! – кричит из кухни Гелка.
- Какой еще священник?! – я даже пролил кофе от неожиданности.

Гелка вошла в комнату в моем халате, с полотенцем на голове, ее бледное лицо блестело от крема и без макияжа было похоже на выцветшую фреску Великой Княгини Ольги. Устроившись на полу, поджав под себя ноги и разминая сигарету, Гелка продолжает:

– Отец Роман придет Канон за единоумершего читать – помнишь, мы вчера в Епархию звонили, ты все рыдал и повторял, что младший брат умер? Вообще, мне твоя экстраординарная идея понравилась. Эстетично. А почему, собственно, нашего усатого любимца не проводить по-человечески? Я его потом с собой заберу, чучело сделаем:

Боже, в очередной раз я заказал бездарную комедию, уже превращающуюся в дешевую драму с холостыми выстрелами и искусственной кровью! Весь мир вдруг содрогнулся в кривом зеркале, которое держали передо мной паясничавшие арлекины. Мир содрогнулся, а мне ничего не оставалось делать, как пассивно созерцать генеральную репетицию. Хотелось только одного – смотреть в твои зеленые глаза и молчать. Пожалуйста, Денис, не оставляй меня таким растерянным, опустошенным, побудь со мной хотя бы вечность, я твой поэт и любовник, я твой арлекин, жонглирующий лимонами. Побудь со мною – до паровозного свистка, до полного моего развоплощения. Денис, я просто люблю тебя. Просто люблю. Вот стою перед тобой на коленях, прижимая к груди бумажную розу, и тысячи моих двойников за спиной тоже стоят на коленях, прижимая к груди бумажные розы. Играет расстроенный рояль, а клавиши залиты вином и закапаны свечами: Душа моя, душа – не голубь, а летучая мышь – висит вниз головой в китайской пагоде:

Появившийся Денис растерялся, когда увидел Гелку в моем махровом халате и в черных очках; я же ходил по комнате в спортивных трусах и в бейсболке. На столе, в обувной коробке,

покоилась бедная тушка Мура – оскалившегося, скрестившего лапки на груди. Гелка свечу у его изголовья поставила, а я, чтобы подчеркнуть трагическую торжественность момента, включил «Литургию» Чайковского. После короткого замешательства Денис быстро понял правила нашей игры и, когда под окном притормозила белая «Лада» отца Романа, открыл ему дверь в суровом молчании и с выражением глубокой скорби на лице. Батюшка поправил крест на груди, расчесал у зеркала редкую бороду, приосанился, извлек из сумки книгу с медными застежками, свечи, тяжелый серебряный крест с голубой эмалью, спички и кадило. От батюшки пахло чесноком, медом и подвалом. Он сразу же извинился с порога: «Мир вашему дому. Простите великодушно за опоздание. Я на дежурстве сегодня – бесноватых много:» Мне стало вдруг совестно, но Гелка, успевшая причаститься пагубного зелья, незамедлительно спустила всех танцующих чертей на культового работника. Обдав о. Романа облаком табачного дыма, она произнесла металлическим голосом: «Шестьсот шестьдесят шесть,» – и зачем-то хлопнула три раза в ладоши. Священник, испуганно крестясь, попятился к двери, но рыжая удержала его за рукав и принялась бормотать:

– Батюшка, наденьте мои черные очки перед сакральной акцией. Пожалуйста, наденьте мой черные очки, наденьте очки:

Она затащила его в комнату, и батюшка остолбенел, когда увидел, кого было предложено ему отпевать. Он схватился за крест и пробасил:

– Богохульники! Сатанисты! Дело ваше объявится: Отыдите от мене! С нами крестная сила и воинство небесное: – о. Роман ринулся к двери, но Гелка наступила на подол его длинной рясы, и батюшка рухнул на пол как мешок с картошкой. Рыжая с визгом оседлала его, сбросила свой халат и, стегая священника кожаным хлыстиком злым таким голосом приговаривала: «Говорила я тебе, надень мои темные очки, говорила тебе: Тоже мне, ловец душ человеческих!» Всячески извиняясь, я оттащил распоясавшуюся блудницу в сторону. Отец Роман хлопнул дверью, сказав напоследок: «Я знаю, кого я отпою

сегодня:» Иногда просто диву даешься – до чего некоторые наши батюшки сами похожи на чернокнижников и просто кондовых мистиков; литургия в Елоховской церкви так и благоухает черной магией. А стремление просто поразительное – дозволить над Насилием! Но иногда так расцелуются по-церковному с великодержавной властью, что, по словам одного поэта, не разберешь, что блестит – поповская епитрахиль или полицейская пряжка.

Бельчонок не выдержал этого жуткого фарса и заперся в ванной, не дождавшись «занавеса». Гелка еще долго хохотала и голая прыгала по гостиной, прищелкивая кастаньетами; соски на полудетских грудях она выкрасила губной помадой и танцевала до тех пор, пока не упала в изнеможении на ковер. Почему она так юродствовала? Для кого и для чего она распахивала ворота ада и приглашала на пир всех мелких бесов?.. Ее безумие постепенно проходило, она жадно глотала минеральную воду со льдом и, точно Ева после вкушения плода, вдруг как-то застеснялась своей наготы, быстро оделась, осторожно извлекла из коробки несчастного Мура, прижала его к груди, придерживая болтающуюся голову, и неожиданно выдала такую фразу: «А если побрить ему морду, то он будет похож на тебя, Андрей». В тот вечер она убежала с заветной коробкой.

Денис, мне показалось, заметно повзрослел за время моего литературного паломничества. Он был немного другим, как это всегда чувствуют любовники даже после короткой разлуки, ибо даже кратковременная разлука вносит разлад в то необычайное чувство абсолютной слиянности. Разлад не внутренний, но внешний – это потеря дуэта, и снова приходится настраивать инструменты, снова учиться играть в унисон. Но, с другой стороны, – незабвенное чувство обретения, восторг короткой встречи в вечности. Крестики судьбы. Я узнаю твой запах, глаза, знакомая дрожь тела передается и мне, я слышу, как стучит твое сердце, и задыхаюсь в волнении, я краснею, и слезы опять где-то близко, осторожно целую твои обветренные руки,

просто целую руки, просто встаю на колени и целую руки, и ты говоришь: «Здравствуй». Ты говоришь: «Здравствуй, я тебя ждал. Я, может быть, только учусь ждать, но ты знаешь, что я тебя ждал». Я говорю: «Я знаю». Я говорю: «Я знаю, что я ничего не знаю, но знаю только, что я люблю тебя». Кажется, я плачу в смятении, и я счастлив, и мне грустно, потому что это самая грустная радость на свете, потому что мир жесток и прекрасен. Я плачу, потому что мне хочется плакать, и слезы горячи. Ты говоришь: «У тебя горячие слезы. Ты смешной. Почему ты плачешь?» – и слизываешь мою арлекинскую слезу. Ты говоришь: «Соленая слеза». Ты говоришь и улыбаешься. Ты говоришь: «Ты знаешь, что я люблю тебя, потому что я люблю тебя, ты знаешь?» Я знаю. Я знаю, что на этом свете только два чувства – страх и любовь, любовь и страх. Я знаю, что звезд на небе не перечесть, что от Либры до Аквариуса миллионы световых лет, но также я знаю, что в ангельском мире не существует пространства и времени (может быть, я уже в ангельском мире?), я знаю, что сейчас не найдется человека счастливее и виновнее меня, что жизнь была пуста, беспечна и светла, и, несмотря на ее превратности, я буду только благодарить Бога, только благодарить – за крутизну моего пространства, за муки страстей, танцующие звезды моей любви, за стихи в избытке сердца, за свежие красные розы арлекинов, за их чепуху и глупость, за свое высокое безумие, всевидящую слепоту любви, за Россию, в которую не возвратиться – как в юность, как в детство; благодарю за поцелуй Демона, за саксофон и флейту, за земляничные тропинки и утренний березовый туман, пахнущий свежей землей и молоком; за каплю дождя на лесной паутине, за все, за самое главное, неуловимое и безотчетное.

Ранним утром строчу второе письмо мистеру Н. Почему пишу – сам не знаю, просто отчетливое желание. Господи Боже, опять снегирь за окном спальни! Кажется, получился удачный снимок: Преобладающее настроение – радость бытия без мечтательности. Пью крепкий кофе и курю сигару. Хрусталь февральского утра звенит и смеется. Необычно тепло, каплют сосульки, веет весной. Я

проснулся от этой капли: спросонья подумал, что кто-то печатает на машинке за моим столом, потом понял: капли стучат по ржавому подоконнику. Скоро весна. А потом лето. Благодать! Свежести, весенней свежести – вот чего мне не хватает – свежести взгляда, чувств и слова, как в четырнадцать лет. Этой свежестью веет от Дениса, а я, кажется, постарел за эти полгода, но стал как-то нежнее. Только нежность в душе, только нежность. Вот уже почти умею воспитывать чувства – значит, старею и выхожу из моды. Подростки и одинокие парни моего возраста мастурбируют по утрам в постели, а я вот сразу за письмо какому-то мистеру Н. Бывает, проснешься в одно прекрасное утро – чистым и любимым – и понимаешь: все грехи отпущены и без исповеди. Так вот и сегодня. Человек живет в зимней замкнутости как в хрустальной вазе, но скоро весна, скоро весна, мой друг! Мне кажется, что ад будет закрыт. Не будет никакого ада, не будет ключей от колодца бездны. Мы все, растлители и развратники – не домолившиеся, недоучившиеся, нераскаянные, кто с грехами, кто с грешком – все будем в раю. Так и скажут нам: «Ну что с вами делать, змеиное отродье? Вот вы, Андрей Владимирович, встаньте под душ, отмойтесь, очнитесь и проходите с Богом:» Нарколепсия души. Боже мой, боже мой, я живу во сне! Даже незабвенная тетушка Элизабет функционирует в более реальном мире, а я, дурак, смеялся над ней: Впрочем, реальность в России – понятие специфическое, это, скорее, сюрреальность. Однако, какое мое дело? Я не философ, а заурядный домашний фокусник, вполне комфортабельно существующий в одном из слоев материальности. Я просто учу наизусть одного человека, давно ставшего моей жизнью. Даже если бы не было Дениса на свете, я обязательно выдумал бы его, я придумал бы даже эту обворожительную родинку на левом плече. Я придумал бы маленький город у моря, расставил бы фонари на дождливой набережной и осенние деревья (от криков чаек почему-то сжимается сердце), поставил бы несколько соборов и оперный театр, множество кафе и ресторанчиков; я встречу тебя там и, пока ты отмокаешь в ванной после аэропорта, я приготовлю наш

ужин, постелю с хрустом льняную скатерть и, может быть, зажгу свечи.

...Примерно через неделю произошло совершенно фантастическое событие – мне доставили на дом чучело Мура. Оно было аккуратно завернуто в целлофан: бородатый таксидермист собственноручно принес свое произведение искусства, извинившись за задержку («Глаз у меня подходящих не было, это дефицит страшный!»). Оказалось, что Гелка уже заплатила за мумию, и мне оставалось только робко поблагодарить сотворителя чучел за священное ремесло. Бедный Мур выглядел каким-то несчастным, и на меня безучастно смотрели его жуткие стеклянные глаза. Я долго искал место для чучела – наконец поставил его на письменном столе, но на ночь запираю в шкаф: В тот же день второй сюрприз – письмо из Епархии: огромный крест на конверте, а содержание письма примечательное. Видимо, писано всей паствой, но адом не пугали.

Стоит, право, процитировать: «Уважаемый А. В. Найтов! Благоклонно просим Вас перечислить 5000 (пять тысяч) рублей на вышеуказанный счет Епархиального Управления в качестве установленного штрафа за ложный вызов священника на дом. Принимая во внимание специфические обстоятельства несовершеннолетней требы (как то: неуважения к сану, оскорбление религиозных чувств и циничное богохульство), мы настоятельно просим перечислить на тот же счет следующие 10000 (десять тысяч) рублей в качестве компенсации за причиненную моральную травму священнику о. Роману (Куприянову). Общая сумма – 15000 (пятнадцать тысяч) рублей. Со своей стороны, в случае вашей платежеспособности, мы обещаем не передавать нашего заявления в Областной суд. Храни Вас Господь». Ого! Христос Воскресе! А сколько стоит билет в рай – первым классом и с цыганскими романсами? Когда я стану богатым, я все-таки потребую отпеть моего Мура, по-православному, заочно. За тридцать серебряников и с поцелуем Иуды. А Гелку сделаем святой – раскаявшаяся блудница, русская

Магдалина. Св. Гелла с розами и бутылкой шампанского – пусть молодые монахи мастурбируют перед ее светлым образом: Деньги я перечислил и написал на почтовом переводе: «На вино, свечи и новый „Мерседес“ Его Святейшества». Мне кажется, что православное белое духовенство не понимает простой истины, заключающейся в том, что Царствие Божие внутри нас, а не в отвлеченном Универсуме без времени и пространства, населенном космическими призраками, и мой Ад всегда со мной. Слава Богу, я никогда не открывал эти ржавые ворота.

...Сегодня я проснулся совсем в другой жизни, и город показался другим, и моя школа чем-то отличалась от прежней; чувство подмены и отстраненности усилились именно в школе. Я долго не мог определить характер странного беспокойства. Все прояснилось после четвертого урока, когда меня вызвал «на ковер» Карен Самуилович. Мой царственный покровитель, добрый сидящий кавказец был сегодня желтее обычного и, забивая в пепельнице недокуренную сигарету, вдруг снова прикуривал и снова забивал. В углу громоздились горы связанных в стопки книг, а педагог Макаренко на выцветшем фотопортрете сквозь табачную сизую дымку смотрел строго и пронизательно. Так когда-то смотрела на меня Алиса, и я ясно осознал, что моя inferнальная фурия сидит сейчас вот в этом пустом кожаном кресле, рядом с Кареном, который, указав на перевязанные книги, пояснил: «Это наша Алиса завещала в школьную библиотеку. Устно завещала, как-то в разговоре на выпускном вечере, но книги нам все-таки отдали, у государства итак макулатуры много.» Потом он замолчал на минуту, снова прикурил, тоскливо посмотрел в окно, забарабанил пальцами по столу и произнес сухим голосом: «Над тобой, Андрей, я боюсь, тучи собираются:» Натянутая струнка вдруг лопнула в моей груди. Карен раскрыл свои карты: «Одна из наших коллег случайно обнаружила дневники Алисы Матвеевны, в том числе вот этот, последний, – он показал мне общую тетрадь в красной обложке, – и ты знаешь, она тут зафиксировала некоторые свои суждения об

учениках, учителях и, между прочим, немало места уделила и тебе. Точнее, о тебе она пишет почти что на каждой странице, и я думаю, тебе будет интересно:»

Я резко оборвал Карена:

– Я весьма польщен таким вниманием, но мне совершенно безразлично, какие ярлыки на меня навешала наша дорогая Алиса Матвеевна:

– Не кипятись, не кипятись. А почему ты думаешь, что она характеризует тебя негативно? – спросил мой «следователь». Для этой роли Карену оставалось разве что развернуть настольную лампу и направить мне в лицо пучок яркого света. Опять показалось, что эту сцену я уже когда-то видел, что мы давным-давно разговаривали с директором на эту «тему» и сейчас я просто пассивно следую написанному сценарию: анонимный автор жизни А. В. Найтова совсем не оставил мне свободы выбора, а если и оставил, то по принципу «направо поедешь – коня потеряешь, налево – голову свернешь». Конечно, я владел определенной внутренней свободой, которая особенно проявлялась в трех ипостасях: Денис, Поэзия и коллекционирование облаков. – :Так почему же? – переспросил Карен, закуривая очередную сигарету. Я пояснил:

– У нас с Алисой с самого начала не сложились взаимоотношения. Вы и сами, может быть, заметили, что она встретила меня более чем прохладно – мы люди разных поколений, и, неоднократно пытаюсь найти с ней общий язык, я всегда наталкивался на этот серебряный холодок неприятия. Ее раздражало буквально все, даже одежда. Мне кажется, она по-своему ревновала меня к детям, которые: не буду заниматься саморекламой, но вы-то, Карен Самуилович, знаете мой стиль, вы же сами меня пригласили остаться в вашей школе после университетской практики: Вы же знаете, что мои «богослужения» иногда выходят за рамки школьной программы, я люблю талантливые отступления и импровизации:

Карен кивает головой:

– Я знаю, кого покупаю. Именно поэтому пригласил тебя – свежего, увлеченного, что называется, с незамысленными мозгами, со свежим взглядом. Нет, не об этом речь, я ценю тебя: как учителя. И как поэта, признаюсь: Читаю твою книгу и перечитываю. Но что ты ответишь на это? – он протянул мне красную тетрадь. – Открой на странице тридцать семь.

Я едва не обжег руки, взяв раскаленный дневник: я увидел хитрую улыбку призрака. Она уже наверняка прыгает по кабинету в старческом задоре – не так ли, дорогая Алиса Матвеевна? Смотрите, не намочите от радости свои утепленные панталоны. Читаю (подчеркнуто простым карандашом):

«...неужели этот двадцатидвухлетний цыпленок всерьез думает, что имеет право так фривольно, размашисто и кощунственно интерпретировать пушкинскую „Капитанскую дочку“? А сколько раз перевернулся в гробу Гоголь после фокусов этого мальчика с „Мервыми душами“?»

Так, это не столь важно. Далее самое огненное:

«...самое опасное в том, что А. Найтов – гомосексуалист. И, по всей вероятности, из той породы этих извращенцев, которым нравятся безусые юноши. Моя подруга хорошо знала его мать – несчастную спивающуюся женщину, так и не принявшую образ жизни своего морального выроodka. Она говорила Л. М., что очень сожалеет о том, что Андрей предпочитает мужскую компанию, когда за ним так и бегают все девчонки. Этот педераст даже набрался наглости знакомить своих постельных партнеров с матерью! бедная, бедная женщина, как мне ее жалко... Да стоит только посмотреть на него – все станет ясно: одевается как кукла, приезжает в школу на мотоцикле, вызывая зависть мальчишек. У него даже ногти аккуратно пилочкой подпилены! И еще я заметила: правое ухо проколото. За детей

страшно: Спросила: „Когда женитесь?“ В ответ кокетничает, плечами пожимает, говорит: „Не встретил еще“. Совершенно понятно, что таким людям не место в школе, и я обязательно поставлю в известность Карена Самуиловича о сексуальных предпочтениях нашего поэта, уснувшего на лаврах – таких типов к детям на пушечный выстрел подпускать нельзя! Я уже делилась своими соображениями с В. К. – мы вместе решили, что пока не следует торопиться, надо дождаться скандала и проводить этого „новатора“ с настоящей музыкой! Во-первых, я решила...»

Не в силах читать далее, я отдал тетрадь Карену. У меня вспотели ладони. Более всего меня задела фраза о маме. Несправедливо. Старая заслуженная дура, что она знала о моей маме? Отравленные чернила. Мне хочется вымыть руки. Нет, мне хочется встать под душ, отмыться:

– Это правда? – спросил в лоб Карен.

– Ну какое это имеет значение? Впрочем, лестно, что я еще кого-то интересую. Скажите мне, Карен Самуилович, я хороший литератор?

– Хороший. Но это правда или нет?

– Это сплетни ОБС. Одна Бабушка Сказала.

– Так бабушка правду сказала? – упорствовал Карен. – Если не отвечаешь, значит – правда, значит:

– Карен Самуи:

– Слушай, парень, – оборвал меня кавказский лев, в его голосе появились металлические нотки, – может, ты потерял чувство реальности? Да ведь о тебе чего только не говорят! Мы не на Западе живем, а в России. Я тебя могу понять по-человечески, но я Уголовный Кодекс не перепису – статья сто двадцать первая – знаешь, да? Твои пристрастия вне закона, так? И потом, я им, – он постучал по стене, за которой была учительская, – рот не заткну, а вот это, – он помахал в воздухе тетрадью, – уже гуляет по школе, и мне репутация школы дороже самого талантливого учителя. Кстати,

«капитан уходит с корабля последним» – знаешь, да? А если об этом и родители узнают? Скандал! В отделе народного образования меня же к стенке поставят! Не дай Бог в газеты попасть: – Карен разошелся, но понемногу остывал. – В общем, Андрюшка, пиши заявление об увольнении по собственному желанию. На рекомендации не рассчитывай, не тот случай. Пиши прямо сейчас и здесь! – он хлопнул ладонью по столу.

Я написал заявление, и мир в который раз потрянуло; палуба этого проклятого корабля скрипела и расходилась под ногами. Я почувствовал себя опустошенным, смертельно уставшим и загнанным в прогнивший угол.

– Да, кстати, Андрей Владимирович, – задержал меня в дверях Карен, – этот восьмиклассник: Денис Белкин, да? Он свои зимние каникулы с вами провел? Звонила его мать, просила поблагодарить вас за заботу. Вы не возражаете, если я задам мальчику несколько вопросов?

...Я шел по городу и, казалось, даже деревья в ужасе шарахались от меня. Мокрый снег хлестал по лицу, и я надел черные очки. Бледное солнышко, разбавленное мутным рыбьим жиром, плавало как желтый кубик льда в снежном коктейле. Мокрые афиши на тумбе. Закрытие театрального сезона. Представляю броский анонс: «Андрей Найтов. НА КОГО ПОХОЖ АРЛЕКИН. Билеты продаются». А на кого он похож, этот Арлекин? Где живут арлекины, чем питаются и отчего умирают? Легкость моя, нежность моя, облака мои:

В пустом ресторане пишу на салфетке начало стихотворения об арлекинах, фанерных аэропланах и картонных крашенных звездах. Официантка, увешанная дешевой бижутерией как рождественская елка, принесла мне бутылку дешевого порта и дешево улыбнулась; да и мир вокруг подешевел, несмотря на инфляцию, катастрофически падают цены на души человеческие. Вот и мою погибающую душу возьмите подешевле – дам в придачу пару самых арлекинистых арлекинов, три увядших розы, разорванный барабан и двух валетов на погоны! По рукам? Да погоди, не отмахивайся, есть у

меня еще солдатская фляга со святой водой, карта царской России 1913 года и яйцо динозавра, берешь? Симфония самоубийства звучала где-то далеко-далеко за облаками, тихая и страшная музыка. Кровавые капли портвейна на белой скатерти, бледное лицо самоубийцы в зеркале. Почему у меня такая тонкая шея? Пора, пора отключить этот устаревший перегревшийся компьютер, на дисплее которого мерцают звездочки и крестики, крестики и звездочки: а можно просто уйти навсегда в виртуальную реальность и передавать свои грязные истории по горячим линиям телефонных кабелей. Я в аду допишу свою судьбу, допишу кровью и пеплом. Только никакого ада не будет, ничего не будет, кроме сгустка ужаса и танцующих звезд: Но допил я портвейн и как-то повеселел, даже пустую бутылку стал под столом ногами катать.

– Вы что это хулиганите? – спрашивает официантка злым голосом.

– Я не хулиганю, – отвечаю, – я просто пустую бутылку под столом ногами катаю, – и с улыбкой своей пьяной ничего поделывать не могу. Официантка метрдотеля позвала, он смотрел на меня с серьезной рожей. Я не удержался – подмигнул ему и язык показал. Не ожидал, что это произведет на него такое впечатление: метр сразу как-то подобрел и отвечает «новогодней елке»: «Ну и что такого? Не видишь – человек отдыхает, расслабился немного. У тебя, Тоня, с чувством юмора не все в порядке. Вы отдыхайте, отдыхайте, молодой человек, только не очень расслабляйтесь».

Официантка тоже вдруг смягчилась:

– Вы бы еще раз горячее повторили, а то вас совсем развезет:

Заказываю я еще раз эскалоп и сто пятьдесят грамм водочки. Водка мой туман рассеяла, и я стихотворение до конца дописал, забавный текст получился. И даже заглавие придумал: «Третий Вселенский перелет арлекинов».

Все-таки я слишком серьезно воспринимаю жизнь. Ну ведь это же смешно – Карен какой-то сраной тетрадью размахивает и обвиняет рыжего в том, что он рыжий! Да идите вы все на хуй: «Слушай, парень, мы не Западе живем, а в России:» – звенел в ушах голос

Карена. А почему, собственно, мы не Западе живем? Иди на Запад, молодой человек! Казалось бы, как просто – засосать стакан, сесть в самолет и выйти где-нибудь в аэропорту имени Джона Кеннеди. Но кому я там нужен со своими стихами и облаками, растерявшимися арлекинами, с вечным детством и русской православной осенью? Но знаю, что все равно уеду из этого сумасшедшего дома, навсегда и безвозвратно, с тяжелой головой и легким сердцем; уже где-то отпечатан мой синий билет и багровый заграничный паспорт, и за снегопадами среднерусской зимы уже виден тот приморский город, построенный мною давным-давно из цветных детских кубиков. Город построен, фонари расставлены, осталось только крестик поставить на соборе и маяк на горе. Надо мной опять всплакивают чайки, танцуют звезды, покачиваются яхты в бухте, и я иду своей легкой походкой по набережной.

...В тот вечер я купил огромного зайца в магазине мягких игрушек, но как пришел домой – помню смутно. Заснул с бутылкой виски, а утром обнаружил, что вся постель залита терпким нектаром. Телефон отключен. На кухне до сих пор горит свет. По привычке зову Мура. Но Мура убили три дня назад. Мура убили? Почему? Зачем? Где Денис? Где я? Что со мной происходит? Почему так кидает мою маленькую лодку? Может быть, и меня за содомский грех Господь разума лишил? Может, мне в церковь надо срочно торопиться, на исповедь к о. Роману?

Но в церковь я не пошел, хотя из окон дома ясновидящей Алевтины были видны сверкающие луковицы храма преображения. Второй раз я навещал этот старинный дом со скрипучей деревянной лестницей – первый раз меня притащил сюда Рафик года два назад, а теперь вот я сам приполз с похмельной головой и бубновым интересом: Алевтина встретила меня как старого знакомого, заварила чай и, поправляя дрожащей рукой афроприческу выкрашенных седых волос, спросила: «Вы, кажется, Антон или Андрей? Вы, во всяком случае, тот поэт с глубокой лунной тайной?..» Я подивился ее памяти. На вид ей было лет семьдесят, а яркая губная

помада и тяжелая штукатурка макияжа только подчеркивали ее прекрасную древность. Алевтина была похожа на живой труп, и в этой комнате с тиснеными розовыми обоями пахло старым человеком, как всегда пахнет в домах давно увядших красавиц. И еще лекарствами и свечами. Мне почему-то нравилась ее черепашья шея и выпученные глаза, придающие ее лицу постоянное выражение удивления или изумления; мне нравилась ее манера пить чай из блюдечка, ее способность легко уходить в прострацию – смотреть на собеседника и в то же время не видеть его; мне нравилась ее одышка и черный свитер крупной вязки с тяжелой брошью. Белый ара в подвесной медной клетке начал что-то говорить на невнятном языке и кивать головой, смешно расправляя хохолок. Алевтина поморщилась, набросила на клетку платок и сказала: «Он на итальянском бормочет. Мне его в незапамятные времена подруга детства из Италии привезла. Хотела бы я знать его комментарии. По-русски говорить отказывается. Иностранец, иностранец! Подозреваю, что он старше меня: Закурите? – дрожащей рукой она протянула мне деревянную коробку с сигаретами и сигарами. Я замешкался, но Алевтина настаивала: – Смелее, мой мальчик, возьмите хорошую сигару. Это бесплатно, с комплиментами:» Сигара оказалась сладкой и вонючей.

На стенах – множество обрамленных фотографий, но я не успеваю их рассмотреть – Алевтина приглашает меня в кабинет, чтобы приступить к сеансу. Окна здесь плотно занавешены тяжелыми бордовыми портьерами с позолоченными кистями; на круглом столе, накрытом такой же бордовой скатертью, – хрустальный шар, подсвеченный свечой. В полумраке этого театра лицо Алевтины изменилось: теперь передо мной сидела властительная посредница на границе двух миров; свеча отражалась в ее глазах, очертания лица стали контрастными, она стала странно одухотворенной и почти нереальной. Люди всегда преображаются, выполняя свою, только им присущую функцию: Она опять поправила рукой прическу и приосанилась. Несколько минут мы сидели в молчании, и о том, что

мы все еще находимся в горнем мире, напоминал только шум проезжавших за окном машин – когда шум был совсем близко, Алевтина морщилась и кусала губы: Вдруг ее лицо как бы просияло, она смотрела куда-то далеко-далеко, поверх моей головы. Я почувствовал дуновение летнего ветерка и в то же время был чрезвычайно взволнован. Пламя свечи замерцало как огненная бабочка. Алевтина глубоко вздохнула, спрятала под стол прыгающие руки и стала говорить:

– ...Я вижу мальчика лет десяти или двенадцати, в белой рубашке и темных брюках. Он говорит, что его зовут Никита. Он уже давно умер, но он ждет вас, ждет и немного сожалеет:

– Никита? Какой: ах, Никита: Это был мой друг в пионерском лагере, мы:

– Не перебивайте. Он сожалеет, что вы повзрослели. Но он до сих пор ждет вас, Андрей. Сейчас он улыбается и уходит. Это все: – она опустила голову, закашлялась и вытерла платком губы.

Следующий монолог был еще интереснее:

– Ваша матушка здесь. И еще какая-то полная пожилая женщина. Мама спрашивает, где ее обручальное кольцо: Пойдите, пойдите, еще она просит вас достать из шкафа плюшевого мишку, которого она вам подарила на день рождения. Четыре года вам тогда было, да?

Я киваю головой, не веря своим ушам. Алевтина продолжает:

– Мама вас напутствует – если в дальнюю дорогу собрались, то мишку плюшевого с собой возьмите: Еще она говорит, что здесь много цветов и странных животных: Кошку она любит: Женщина пожилая просит вас сжечь какие-то письма. Вижу старую калитку в сад, жасмин цветет, и дом такой интересный, с характером дом, вроде как, усадьба, но со следами запустения. Мальчик сидит на перилах беседки. То есть не умерший, совсем живой – свет вокруг него льется! Надо же, как отчетливо! – воскликнула Алевтина с дрожью в голосе. Мне ужасно хотелось обернуться, точно за моей спиной показывали интересное кино. Алевтина улыбнулась. – Какой

симпатичный мальчик. Но мне очень тревожно, страх какой-то за него: – Усадебная летняя картинка почему-то быстро сменилась, и в разговор с медиумом вступили два арлекина, которых Алевтина называла «цветными клоунами». Они перебивали друг друга, кричали что-то невразумительное, и после безуспешных попыток войти с ними в нормальный диалог Алевтина гневно попросила их убраться в свои пределы, потому что клоуны устроили драку между собой и стали петь романс о хризантемах. Вдруг Алевтина поморщилась.

– Что случилось? – переспросил я с беспокойством.

– Да матом ругались. Бывает и такое. Хулиганы какие-то, – она рассмеялась, но я знал, что арлекины не одобряют мой визит. Однако, не замечал за ними сквернословия. Но что поделать? Арлекины! Я извинился за них перед Алевтиной – она вскинула в удивлении тонкие подведенные брови, поправила афроприческу и предложила посмотреть в «волшебный шар». Этот ритуал не был столь интересным и, наверное, мне нужно было вовремя отказаться, чтобы не тратить деньги понапрасну. В стеклянном шаре Алевтина увидела дерево, облака и птицу, предсказав мне «путешествие в тысячу миль, в котором я найду самого себя и заработаю много денег, написав несколько книг». Это была неплохая новость, а хорошие новости хорошо оплачиваются. Я расплатился щедро. Мы трогательно простились.

Выйдя во двор, я обернулся по неведомому приказу – она махала мне рукой из окна и посылала воздушный поцелуй. Дети играли в снежки, какие-то вечные старушки сплетничали у подъезда. Одна из них жаловалась: «Никакой жизни не стало. Я молока не могу купить, а эти в мерседесах разъезжают. Сталина надо вернуть. Зять пьянствует третий день, дети голодные:» Перейдя через дорогу, я зашел в Преображенский храм, поставил свечу Николаю Угоднику и иконе «Нечаянная радость» – хотя, уж какая там нечаянная радость, когда жизнь моя трещала по швам и земля уходила из-под ног. Да и не удивительно, что в церкви я почувствовал себя дурно (с князем

тмы у нас есть что-то общее – он ведь тоже возгордившийся ангел!). Службы дожидаться не стал, а напрямик в магазин, за бутылкой – в первый раз до дома не донес, откупорил прямо на улице и основательно подкрепился. Жить стало легче, и мир вокруг опять построился: кирпичик к кирпичику, без трещин.

...Падшие ангелы слетаются на свет моей настольной лампы, слышно шуршание крыльев. Крылья у черного ангела складываются как зонтик – ангел тяжело и с одышкой проваливается в кресло, протягивает ноги к камину, закуривает сигарету и ждет, когда я предложу ему выпить. Ангел был поразительно похож на нейрохирурга Бертенева – а может быть, это и был Игорь? Смутно помню. Но Дениса нет рядом, хотя я и прибивал гвоздями к стене его разорванную футболку, сентиментально сберегаемую как особый фетиш. Футболка до сих пор пахнет тобой, Денис.

На следующий день прискакал бельчонок – растерянный и взволнованный, сразу после допроса, устроенного ему Кареном. Мне кажется, кавказский сухофрукт испытывал сладкую боль в сердце, когда задавал Денису эротические драматизированные вопросы: «Обнимал ли тебя А. В.?», «дотрагивался ли до интимных частей?», «показывал ли какие-нибудь журналы или видео с сексуальными сценами?» «Мне без тебя неинтересно и скучно,» – сказал бельчонок, и в зелени его глаз мелькнуло то неуловимое, что понятно только любовникам. Так звезды срываются с неба в глубину чье-то души. Я вдруг понял, что наши отношения были музыкой – да, мы вместе сочинили нерукотворную симфонию. Может быть, и не жизнь праздновала, а смерть кружилась в вальсе с моими арлекинами. Но за маской любви всегда прячется смерть. Смерть любит любовников, потому что только в любви она осознает свою абсолютную самодостаточность. Любовь – не единство, а поединок, и Денис побеждал меня. Сейчас я не чувствую боль, боль моя уже перешла за границу бесчувствия – анестезия шока. Свободно, вольно или невольно скитаясь по времени, я опять оказываюсь в том доме, полном луны и старых игрушек, разбросанных на паркете. Пахнет

яблоками и осенью. Акварельный кораблик плывет по стене. Стройный мальчик в вытертых джинсах, протяжная перекличка пароходов где-то вдалеке. Найтов, Найтов, почему так невыносимо повенчались счастье и грусть, боль и радость, слезы и смех? Чей костюм арлекина висит в полотняном шкафу? Хотел писать стихи кровью, а пишешь на зеркале губной помадой. Ты, вероятно, влюблен в любовь, жало в сердце. Да только дом тот огню предан – и отсюда, с планеты Лондон, не видно тех гефсиманских садов, не слышно соловьев в кладбищенской роще – туда не идут поезда, не летят самолеты, и даже письма не доходят в прошлое, только из прошлого иногда – засушенная ромашка между страниц семейной Библии. Связь односторонняя. Ромашка с Родины. Впрочем, это уже не важно. Но Арлекины, милые Арлекины не потерялись в огнях большого города, но даже разбогатели, купили «Мерседес» и ездят на премьеры в Квент-гарден. Порой я слышу за спиной звон серебряных колокольчиков, но боюсь обернуться. Всю ночь сегодня я пишу тебе письма и много курю. Длинные, звездные письма. Иногда черный кэб уносит меня в лабиринты Сохо, но я все время думаю о тебе (так повторяют про себя любимые стихи и молитвы). Да, я могу купить Адониса из экспорт-агентства, но, к сожалению, в мой груди бьется только одно оно, огромное, живое, горячее и безумное русское сердце. Сердце, вместившее так много. Сердце в шипах и розах, хоть и звучит пошло.

Думая о смерти, я думаю о тебе – думая о тебе, я думаю о будущей жизни. Вдруг мы друг друга не узнаем?

Душа, летучая мышь из ада, лети в Россию – горят ее купола и полыхают закаты. Садись, барин, в сани, пей водку и гони лошадей по смоленской дороге – слышишь, там, вдали, какая музыка играет?

Он получил твои письма, и домик горит окнами, мелькают шутовские колпаки в разноцветных всполохах. Ждут жениха или именинника. Денис? разве его звали Денис?.. Я хочу покоя.

* * *

В тех садах играет музыка, в тех садах бассейны с дельфинами, надувные звери прыгают в подкрашенных облаках. Там просто хорошо и много света. Оттуда я писал бы тебе бесконечные письма, потому что только в тексте живет моя душа, и остановка текста равносильна духовной смерти. Текст – мое добровольное заточение.

Текст. Текст. Текст.

Сад. Сад. Сад.

Денис. Денис. Денис.

Звезда. Звезда. Звезда.

...Я помню, мы опять забрели в наш парк, погруженный в зимнюю летаргию. Атракционы не работали, только слот-машины в павильоне подмигивали и просили денег. Я сделал интересный снимок: красногрудый снегирь на плече статуи Ленина. Потом мы пили черный кофе и вместе обсуждали наивный план нашего отъезда с исторической родины; ты был в своей смешной шапке, шмыгал простуженной носопырккой и, развесив уши, слушал мой беллетристический бред: Два изменника родины умолкли, когда в стеклянную банку кафе завалилась нейлоново-шерстяная компания возбужденных лыжников – от них валил пар, как от лошадей после зимнего рейсинга. Кажется, я был немного пьян, и в моей горячей голове вырастали джунгли совершенно фантастических планов. Сейчас мне до смешного понятно, что эмигрантом я стал задолго до моего отъезда на Запад. Я уже давно не жил в России моих сограждан, не вращался корнями в родное нечерноземье – я рос корнями в небо, и все в моей жизни было наоборот, как восьмерка, перевернутая с ног на голову, как твой восьмой класс, и даже год моего рождения спокойно можно перевернуть вверх тормашками – 69. Да и арлекины мои как-то приуныли на этой шестой части суши, они давно помышляли превратить жизнь А. В. Найтова в бродвейское

шоу, но среди родных берез, серпов и колосьев где же найти благодарных зрителей?

В свой день рождения ты был грустен – домашняя вечеринка по этому поводу прошла, видимо, бездарно. Три школьных товарища. «Почему у тебя нет настоящего друга?» – «Да есть! Точнее, был – Алексей, но мне с ним сейчас неинтересно совсем, он влюбился в одну куклу с лицом младенца. Из параллельного класса. Анечка. Похожа на флакон из-под дорогого парфюма. Ты знаешь, что я люблю тебя?» – говорит Денис, прибежав ко мне поздно вечером, сразу после торжества. Принес кусок торта с пошлой кремовой розочкой. Но я на седьмом небе от счастья. Сердце прыгает в груди. «Прости, я розу помял немного по дороге,» – извиняется Денис, заикаясь от волнения: Он ждет, что я первым обниму его, но я решил поиграть – стараюсь казаться безразличным и холодным как змея. Не понимая, в чем дело, он краснеет, кусает губы. Как восхитительно, что бельчонок не умеет скрывать свои чувства: Мне бы так: Не в силах более продолжать ледяную пытку, я объявляю, что этот кусок торта я отдам зайцу.

– Какому еще зайцу? – удивляется Денис, но уже приготовился улыбнуться, предчувствуя сюрприз.

– Твоему зайцу! – отвечаю, и, взяв Дениса за руку (у него даже ладони вспотели от волнения!), ввожу его в комнату. За моим письменным столом в плетеном кресле сидит огромный розовый плюшевый заяц в клетчатой кепке и зеленом шерстяном шарфе. Этого монстра, порожденного чей-то нездоровой фантазией, я купил недавно по пьянке, помня о дне рождения моего звездного мальчика. Когда я волочил зайца домой, издалека могло показаться, что плывут два смертельно пьяных собутыльников и один из них просто не стоит на ногах. Прохожие улыбались и оглядывались, я тоже почему-то всем улыбался и мысленно благословлял каждого встречного.

– Вот, – говорю, – мой подарок. Шарф можешь носить сам, взамен того, сгоревшего на волжском берегу. А кепка, увы, не снимается –

пришита намертво. Но я тебя и без кепки люблю.

С зайцем Денис мгновенно подружился и сразу же придумал ему имя: Ботаник Багратион. Связь великого полководца с розовым гигантом он так мне и не пояснил, но имя почему-то очень подходило к этой заячьей морде.

В тот вечер мы несколько раз достигали оргазма. Я превратился в неопалимую купину страсти. Взмокшие и пьяные от счастья, мы вместе встали под душ и даже в ванной умудрились повторить старинный ритуал любви; я уже не боялся делать это по программе «максимум» – тем более, что Денис сам просил меня об этом. В тот вечер мой юнга впервые попросил у меня сигарету. Мы вместе закурили. Устроившись в кресле перед камином, уютно обернувшись мохнатым пляжным полотенцем, бельчонок рассказывал мне о новом учителе литературы, пришедшем мне, развратнику, на замену. Я поймал себя на том, что начинаю ревновать дальнего коллегу не только к тому, что он имеет счастье учить моего мальчика, но и к литературе в целом: Вот это новости! Спокойно, Найтов, спокойно, не довлей над Наследием.

Домой Дениса я отвез на такси. Черный юмор судьбы: на вызов приехал тот самый краснорожий водила, проводивший в последнюю дорогу незабвенную Алису – это был коинцидент в квадрате, потому что теперь на заднем сидении ехал Ботаник Багратион – тоже, своего рода, неживое тело. Это совершенно невероятно! Наш зимний городок хранил столько призраков в своей очарованной замкнутости и отстраненности: Таксист меня, конечно, узнал и усмехался всю дорогу, поглядывая в зеркало на Дениса, обнимающего Багратиона. Таксист начал было вспоминать тот знаменательный вечер, но я демонстративно не вступал в беседу. Наверное, он обиделся. Но какое мне до него дело? А все-таки как прекрасен наш странный, безумный мир, в котором я имею честь пребывать до своего туманного и окончательного конца. Если бы смерть была трагедией, ее бы просто не существовало. Все равно арлекины не умирают: ну разве что от любви, да и то ненадолго.

Я влюблен в любовь,
верю в веру
и надеюсь на надежду.

* * *

...Весна пришла, как всегда, неожиданно. Ветер, свежий ветер перемен рвал мои паруса – чувство обжитости и истощенности жизненного пространства опять посетило меня: желание любых, каких бы то ни было перемен вылилось даже в смехотворной форме – каждый день я как параноик переставлял мебель в комнатах, сжег свой двухлетний дневник, обновил гардероб и подстригся так коротко, что сразу стал похож на молодого румяного лейтенанта. А может быть, это мир стремительно менялся вокруг, а я только подстраивался: Действительно, в тот год над нашими головами проходил Парад Планет, и комета Галлея опять задела наш шарик своим павлиньим хвостом: С каждым днем я люблю тебя больше и больше, и тем сильнее щемила в сердце мифологема разлуки.

Снегири больше не прилетают, но за окном какое-то фантастическое множество синиц. Боже мой, сколько синиц! Искреннее удовольствие рассматривать их сквозь тяжелый бинокль. Волшебная голубоглазая оптика Сваровского. Иногда в окуляре плавится солнечный блик как золотой рыбий жир детства. Весной меняется даже структура физических тканей, и это заметно по Денису – все его соки играют в голубых жилках, он легко краснеет по самому ничтожному поводу, а глаза: Глаза разыгравшегося жеребенка.

Несмотря на то, что я в недавнем прошлом был учителем Дениса, я учился у него гораздо больше. Магия любви: вдруг открывается второе зрение, и мы начинаем смотреть на мир глазами любимого человека и понимаем, что до этого прозрения были совершенно слепы и одурачены. Акварельный островок позднего детства. Вот он,

свежий, простой мир в первозданном замысле Креатора, без оптических обманов Сваровского и кривых зеркал поясничающих арлекинов. Дети разных стран лучше поймут друг друга, чем объевшиеся жареными дикобразами политики. Дети геополитичны – они не граждане отдельной страны, но граждане мира: Денис грызет яблоко, и яблоко в его руке похоже на земной шарик, а континенты – откусы. Сегодня в постели он был похож на резвого дельфиненка, и я, обняв его, нырял в теплых, солнечных и пенистых волнах, прогретых солнцем и намагниченных луной.

Вещий сон в одну из одиноких ночей: Всадник. Я следовал за ним сквозь мертвый лес, и наконец мы вышли на берег бурной реки. На другом берегу – вид великолепнейшего белого города, строения которого были похожи на восточные минареты, выложенные цветной мозаикой. Сферические белые купола – как гигантские яйца мифологической птицы. Я замер в восхищении, поняв, что этот город – мой. Может быть, это была проекция небесного Брайтона:

Схожу по тебе с ума, Денис, и счастлив в своем безумии. Красный кузнечик «Явы» тоже оттаял после зимней летаргии, почувствовал радость пробега по взлетной полосе моей жизни –:и в небо, к танцующим звездам, к Аквариусу! Спидометр накручивал не километры, но возрастание моей любви к тебе – в геометрической прогрессии. Теперь я поджидал тебя не у самых ворот школы, как раньше, а у триумфальной арки парка. Выезжая за город, я выжимал из своего мустанга всю цилиндрическую мощь, и в этом выражалось давно уже не подсознательное желание побега, прорыва. Скорость – одна из самых ярких иллюзий свободы. Теплые названия пригородных деревушек мелькали как субтитры старого фильма; мы мчались на запад, где уже догорало солнце, и хотелось ехать только в одном направлении, через все границы и таможни, без оглядки и безвозвратно. Вектор моей жизни уже давно был проложен на Запад. Да меня ночью разбудите – я точно укажу вам, в какую сторону света дует ветер перемен, словно с Запада на меня был направлен индивидуальный биологический магнит; меня несло к тем

берегам на всех парусах судьбы и времени, и палуба уходила из-под ног. Денис предчувствовал нашу разлуку, и его чрезвычайная чувствительность проявлялась в молчаливой грусти и странном смирении, сквозившем во всем его облике.

Об эмиграции я думал уже давно. Новенький заграничный паспорт с немецкой визой уже лежал на моем столе, сверкая тисненым золотом российского герба. Мой пропуск в мир. Мой выход в свет. С Денисом мы часто говорили на эту тему. Он становился грустным, начинал заикаться, но верил, что в скором времени мы опять будем вместе – на новой земле и в новом доме. Бывают также в жизни моменты, когда мы чувствуем, что не являемся хозяевами своей судьбы, и, повинувшись странному зову, вдруг покидаем обжитые гнезда: Нет, я бежал не от проблем (кармических узлов все равно не развяжешь), я бежал не от самого себя, но к самому себе – в новом воплощении, под новым небом, в новом доме. И отъезд представлялся единственным выходом их тупика. Я почти не помню той весны – совершенно серьезно. Водка. Много водки. Транквилизаторы, как шарики золотой пыли с мохнатых лапок сновиденческих шмелей. Три солнечных таблетки сжимаю во вспотевшей ладони, мне хочется спать, спать, спать, спать, спать и никогда не просыпаться больше. Воздушные замки жизни, миражи отелей в атлантическом океане моей бескрайности, контрапункт мусульманского рая, смуглые мальчики в чертогах Хозяина. Мне всегда подсознательно хотелось сбежать во второй, третий, четвертый (и какой там еще?) план существования, спрятаться у золотого Будды в черепе и спокойно дожидаться последующей реинкарнации. Загробные тайны открываются в цветной упаковке кошмаров запойного очарованного странника, забывшего не только свое предназначение, но и христианское имя. «Клементина, Клементина,» – повторяю странное, неизвестно откуда пришедшее имя и растворяю в могучем стакане свое безумие. Бесы ненадолго успокаиваются, глотают эликсир с желчью, празднуют, пируют и танцуют на детских гробиках, увитых ржавым театральным плющом.

В мире нарколологических растений я не видел своих шикарных красных и свежих роз – там искусственные вощеные цветы и плавающие свечи. «Клементина, Клементина!» – протягиваю свои тонкие высохшие руки почти до луны: Клементина, Клементина! Арлекины выпрыгивают из-под крышки розового рояля, что-то печатают на моей пишущей машинке.

Нет, весну я заметил, почувствовал – сладкий ветерок напоил мою примерную. Я прослушиваю кассету перегревшегося автоответчика и слышу твой голос: «Андрей, где ты?» Короткие гудки: короткие гудки: «Андрей, где ты?!» Твой одинокий, одичавший голос в глухой Вселенной.

– Я здесь, я здесь, – отвечаю, хотя и сам затрудняюсь определить место своего временного пребывания. Я здесь, где-то в России, или черт знает где! Названия нейролептиков повторяю как дорогие сердцу топонимы, как теплые имена русских деревень: фенотиазин, трифлюоперазин, флюфеназин, прохлорфеназин – Найтов в пиперазиновом кольце, как волк, обложенный красными флажками. Осталось только заплакать и вытирать свои арлекинские слезы твоими несвежими трусами. Мой мальчик, я шел на дно: утопающий сначала сражается со стихией, а потом наступает момент блаженства и музыки, хочется лечь на теплый песок и смотреть на расплескавшееся по поверхности солнце, повторяя: «Солнце, солнце, божественный Ра-Гелиос!..»

Однажды я заgrimировал на лице синяк неизвестного происхождения, надел черные очки, поднял воротник кожаной куртки и вышел за вином, как агент ЦРУ. На улице я встретил толпу своих головастика в главе с новым учителем – совсем мальчишка, мой ровесник, в очках, напоминающих спортивный велосипед, а сам похож на голубого лунатика. Без сомнения, гомосексуалист, но уж этот не будет совращать мальчишек на уроках физкультуры, ему самому мужик нужен – из породы рэкетиров, с татуированными бицепсами и гигантским корнеплодом. Какую литературу он им

преподает? Да какое мне дело? Клементина! Клементина!.. Мальчишки окружили меня, спрашивают, почему я ушел из школы. Денис мне улыбнулся и сразу же смутился, опустил голову и залился краской: Клементина!.. Я не знал, что отвечать. Сказал, что скоро уезжаю. И это было правдой. Куда меня несет? Каким ветром дует? И все, что было – только глупая тоска по утраченному раю: Боже, сколько у меня подарков, но кому их раздарить?

Денис прыгнул в мой разрушающийся мир на своей роликовой доске, в красных джинсах каменной варки, в голубой футболке, цветной платок повязан вокруг его тонкой шеи – в который раз он спасает меня, спускаясь в мои подвалы и камеры; уже почти лето, и я не заметил, как пролетела наша последняя весна. Отчетливое воспоминание, момент прозрения: теплым вечером мы сидим под тентом летнего кафе, едим лимонное мороженое. Я все еще заторможен, все еще чувствую вокруг себя поле отчуждения, но вот же, какой материальный мир вокруг, вот его голубая фактура, я могу осязать этот мир, ощущать его вкус и запах, трогать его почти не изменяющиеся формы – фонтан напротив иллюминирован цветными пучками прожекторов, играет музыка военного оркестра на городской площади, прогуливаются влюбленные в кленовой аллее, статуя Ленина с вечно протянутой рукой, на которой сидит живой голубь. Денис сжимает под столом мою руку. Я возвращаюсь в этот мир, только еще учусь ходить и читать азбуку жизни; ангел хранитель вернулся ко мне, забыв про все обиды.

– Скоро каникулы, Андрей, меня мама хочет к тетке в Казань отправить, это кошмар. Почему ты не отвечал на телефонные звонки? Ты был в городе?

– И да, и нет. Я был нигде. Я был в большом плавании. Это все тот же город?

Денис улыбнулся:

– И да, и нет, как ты говоришь. Что-то очень изменилось.

– Ты что, влюбился?

– Я уже давно влюбился: Ты разве не знаешь, кого я люблю?

Я был польщен, но в этот момент к нам подрулил на велосипеде смуглый подросток латинского типа, в грязных белых бермудах, чтобы стрелкнуть у меня сигарету. По своей дурацкой привычке я рассмотрел его с головы до ног (Денис наступил мне на ногу, а велосипедист смущенно улыбнулся). Когда он отъехал, бельчонок ревниво заметил:

– У тебя были блядские глаза.

– ???

– Все равно я люблю тебя.

Он достал из кармана моего медвежонка и положил на столик. Лимонное мороженое сменилось клубничным, потом ванильным: Ну вот, прошла дрожь в руках, мирок опять построился – кирпичик к кирпичику. Прошел страх, и осталась только любовь, и мы потерялись в тех аллеях, и я целовал тебя на старой скамейке под разбитым фонарем и снова вдыхал твой родной запах: Огонек ночного такси мигает из прошлого, арлекины играют на губных гармошках, стучат пионерские барабаны. Ты мой мальчик, ты мой нежный и глупый мальчик, и я люблю тебя. Читай по моим губам: «Я люблю тебя».

Домой я возвратился тогда под утро, и тут не обошлось без пошлого курьеза: перед зданием Областной администрации я попал в толпу протестующих пенсионеров, требующих каких-то жалких льгот. На следующий день мое фото в окружении этих живых трупов с плакатами появилось в газете с подписью: «После пикета протеста мэр города издал распоряжение об организации бесплатной благотворительной столовой для малообеспеченных слоев населения». Сердобольная соседка не замедлила после этого пригласить меня на барбекю и очень удивилась, когда получила

вежливый отказ. Рафик вырезал фото из газеты, повесил в рамке у себя над столом и утомил меня глупыми шутками по этому поводу.

Помогаю бельчонку готовиться к экзаменам. Кажется, мы давно уже разобрались с окончаниями глаголов второго спряжения и со всеми другими «окончаниями». Наши ночи дремучи как лес, и, как в русском лесу, мы заблудились в них, но нашли временную берлогу. Я просто обнимаю твои плечи и читаю страницы увлекательнейшего романа жизни. Это чтение вслух по ролям. Все смешалось в моей жизни – драма, комедия, фарс, гротеск. Горит еще свет в арлекинской гримерной, я подвожу брови, надеваю фамильные побрякушки, пыльную шляпу с павлиньим пером и, как только луна потечет с мокрых крыш, я опрокину кресло, разобью зеркало и вылечу в окно – меня там ждут.

Экзамены ты сдал успешно, если не считать «удовлетворительной» физики; твоя мама опять оказалась в больнице, и ты протестовал против твоей отправки к тете в Казань. Я имел мало шансов заполучить тебя «легальным» образом, и ты решился на побег от всех опекунов и дальних родственников – ты позвонил матери в больницу и сказал, что не улетел в Казань. Поставленная перед фактом вдова только вздохнула и попросила тебя не искать приключений в последующие две недели. Я давно уже получил приглашение от Рафика, и на следующее утро мы укатили на Волгу продолжать наш вечный медовый месяц. Денис упросил меня взять в поместье Ботаника Багратиона, и с этим существом было много проблем – ему нигде не находилось места. Даже контролер в пригородном поезде почесал затылок, увидев неодушевленного безбилетного пассажира, занимавшего кресло:

Перед отплытием на другой берег я купил на рынке саженцы яблони. Три яблони купил. Корни обернул влажной тряпкой. Посадим за Волгой – пусть растут наши яблоньки. Когда-нибудь, Бог даст, будут плодоносить. Антоновка и белый налив. Сентиментальный я все-таки человек:

...А вот и белый пароходик причалил к пристани, прогудел протяжно. Народ толкается, матерится, потому что моросит дождик и никто не хочет мокнуть на палубе. Крестьяне, дачники: Мне же все равно, я давно уже вымок окончательно – хотя бы в вине. К тому же, у нас есть зонт. Огромный, цветной английский зонт – «гольфовой». Чайки кружатся над кормой, и от их криков сжимается сердце. Барашковые облака пасутся над Волгой. Звенит Троицкий собор, и я почему-то чувствую себя потерявшимся гостем из далекого будущего. Денис какой-то притихший и потерянный; поджал мой зайчик ушки и смотрит на меня своими огромными грустными глазами. Он предчувствует разлуку. Да чего там – предчувствует! Он точно знает. Точнее, он тогда уже все знал и все решил. Я ничего не знал, а он все знал. Почему, почему я не понял это тогда? Боже, как мне страшно, как обрывается сердце! Будто пропасть впереди, черная дыра судьбы. Дыра в моем пространстве, арлекинский фокус-покус. Мальчик мой, почему я не успел тебе сказать самого главного, самого-самого, почему я не нашел таких слов? Денис, я люблю тебя с каждым днем все больше – и тогда, и сейчас, и: мне страшно. Хлебнул коньяку из фляжки, протянул Денису – он последовал моему примеру. Вот, стоим на палубе под российским флагом, пьем коньяк. Символично. Перед разлукой любая мелочь приобретает особый смысл, и паузы в разговоре двух любовников значат много больше, чем сам диалог. Просветы жизни.

– Ты чего такой грустный? Выше нос! Завтра погода разгуляется, возьмем лодку:

– Андрей, ты любишь меня?

– Конечно, я люблю тебя.

– Андрей, не уезжай: Ну пожалуйста, – у него на глаза навернулись слезы, – Андрей, я не могу без тебя: я: ты понимаешь: я жить без тебя не могу. Вот: Как же ты не понимаешь этого? Я же: – Денис быстро отвернулся, чтобы я не видел его слез. Мне захотелось тут же обнять бельчонка, но мне показалось, что матрос за штурвалом в рубке смотрел на нас. Я опять хлебнул коньяку, достал из рюкзака бинокль

– но, глядя на волжские поймы и утесы, я видел совсем другие берега и другие ландшафты. Я давно уже жил в будущем.

Мы перешли на корму и бросали чайкам куски теплого хлеба.

* * *

Рафик должен был приехать позже и дал мне ключи от дома: Боже, как я люблю этот дом с верандой, с потрескавшейся белой краской на перилах и рассохшейся лестницей, спускающейся в глухой чертополох запущенного сада. Здесь гнездовье и базар грачей. Ну просто пропасть грачей. Приехав, мы увидели мертвую огромную птицу на ступенях – окоченевшую. Надо бы отнести ее подальше, а лучше закопать в саду, но мне жутко: Дождь, дождь шпарит постоянно, ветер с реки промозглый. Дом на ветрах, сквозняки гуляют и скрипит палуба – кажется, что в одной из комнат можно найти штурвал, неуклюжий и огромный, повернуть бы его со скрипом, изменить курс – и дома, и жизни, и вообще все изменить, зарулить в секретную лагуну: Я рано проснулся уставшим и разбитым, заварил чай с мятой и раскрыл окно, чтобы было слышно дождь; солнце ударило сквозь сочную листву, аромат мяты поплыл по комнатам и, наверное, разбудил тебя: Я услышал, как наверху заскрипела дверь шкафа, и через минуту ты спустился на веранду в старом вытертом махровом халате – глаза заспанные, бледные губы, долго разминаешь сигарету и глубоко затягиваешься. Забавно смотреть, как ты пьешь чай: оставив сигарету в пошлой пепельнице (чьей-то невезучей терракотовой черепахе), берешь кружку обеими ладонями и, делая маленькие глотки, облизываешься и смотришь исподлобья, наморщив детский лоб, как грустная больная обезьянка.

Я веду тебя по комнатам, взяв за руку. Ты осторожно ступаешь босыми ногами и испуганно оглядываешься. Меня не покидает ощущение, что я украл тебя у мира, украл тебя вместе с детством и

игрушками, привез под вечер, как тать, в заброшенный дом с горящими окнами.

Дождь прошел. Черный ворон сидит на подоконнике и пытается рассмотреть нас сквозь стекло, любознательно наклоня голову. Такой огромной и жуткой птицы я еще никогда не видел. Я топнул по полу так, что окно задрожало, но птеродактиль не улетел, а, казалось, стал изучать нас с еще большим интересом.

Сей двухэтажный скрипучий корабль с флигелями и крутыми слуховыми окнами выплывал из березовой рощи с кладбищем, откуда-то из начала века; я почему-то был уверен, что конька на его крышу плотник поставил в девятьсот тринадцатом, потом дом перестраивался, менял облик и владельцев, фонтан перед фасадом с грязно-золотистой фигуркой амурчика был превращен в клумбу, а измельчавший от запущенности малинник давно перепрыгнул через забор. В глубине яблонь ржавел покосившийся шпиль маленькой беседки – настолько маленькой, что казалось, этот интимный уголок предназначался для детей, лилипутов или хондрострофики. Впрочем, и для этих категорий она уже была опасна, ибо стропила заметно накренились и пол, наверное, прогнул. Сад обрывался на косогоре, оттуда открывалась великолепная панорама Волги, деревушки в низине и березовой рощи.

В гостиной – мертвый угольный зев камина за потемневшей медной решеткой, жардиньерка из красного дерева, диван с выскочившими пружинами, прикрытыми потертой медвежьей шкурой, обшитой по краям синим бархатом; окно небрежно заклеено газетами изнутри и забито досками снаружи, но солнце пробивается сквозь щели, высвечивая золотую пыль в воздухе. Допотопная радиолла в углу и груда разбросанных пластинок: Шульженко, Лоретти, Поль Робсон, Вадим Козин, Утесов и прочий дорогой сердцу антиквариат сорокопята. Отдельной стопкой сложена коллекция речей Иосифа Сталина, и его же маленький, черно-белый портрет был приклеен к мутной и потрескавшейся амальгаме старого трельяжа; на трельяжном столике стоял

полупустой флакон духов «Красная Москва», почти превратившихся в уксус, черепаховый гребень и плюшевый медвежонок, которого вчера положил здесь Денис. На веранде – два новых шезлонга и складной садовый зонт. В старинной горке – остатки сервиза кузнецовского фарфора, электрический самовар и забытый кем-то кожаный изящный хлыстик, который обязательно будет задействован в наших играх.

Я люблю сидеть на веранде, это самое солнечное место в мрачном запущенном приюте; самовар ворчит, мятный дух щекочет ноздри, а за чистыми стеклами (качественно вымытыми бельчонком) буйствует жасмин. Головокружительный, незабываемый мой жасмин. Золотые тяжелые шмели с оранжевыми шариками пыльцы на лапках копошатся в сладких соцветьях. В полдень мы пьем сухое вино, вытянувшись в шезлонгах – я пишу свою повесть, бельчонок читает Новый Завет, а Сталин говорит об успехах социализма сквозь песчаное шипение граммофонной пластинки завода «Красный Октябрь». Мне нравится его медленная речь, его акцент кремлевского горца и как поразительно мастерски он делает паузы.

В полдень совсем разгулялось. Рыхлое мокрое небо прояснилось, и наконец-то я могу достать свою оптику, чтобы рассматривать облака. На западе появился очень редкий экземпляр: абсолютно розовый дирижабль с пучками солнечных прожекторов. Вообще, после дождя можно наблюдать довольно часто такие иллюзии. Я быстро поднимаюсь по деревянной лестнице в спальню за своей «Минойтой», молниеносно привинчиваю объектив с желтым светофильтром и ловлю драгоценный объект из окна второго этажа, пока дирижабль не расплылся – это чудо, потому что это неповторимо. Я успел. Если бы вы видели мое ликование! От счастья я поскользнулся на лестнице и едва не разбил камеру.

Новые слайды «Денисиады»: Денис в жасмине, в шортах и зеленой футболке, загорелый и ошеломляющий; Денис с хлыстиком и Новым Заветом в шезлонге широко расставил босые ноги, родинка на плече обворожительная; Денис в солнечных очках, с теннисной ракеткой;

Денис с воздушным змеем... Это поразительно, но любой снимок с Денисом получался каким-то особо высокохудожественным и эротичным – может быть, так говорит предубежденный любовник, эротоман Найтов, но мне так кажется.

К вечеру приехал Рафик с увядшим мальчиком из сферы новых предпринимателей, которых я сразу отличаю по хозяйской походке и польским свитерам. Глаза его сладкие и масляные, пожирают моего бельчонка, который прижался ко мне, а Увядший протягивает потную ладонь: «Будем знакомы, я Олег Мамонов». «Мамонов служит мамоне, – повторил я про себя, – что ж, пусть будет ему звонко...» Свою разьебанную «Тойоту» с западной свалки мои педерасты оставили около парома, потому что к этому разоренному дворянскому гнезду можно было подъехать только на танке. Рафик привез деликатесы из своего кабака, и мы устроили пышный банкет: копченая спинка лосося, устрицы, печеная индюшка с клюквенным соусом и аспарагусом, шампанское, водка и армянский коньяк. Перед пиршеством мы затопили камин обломками рояля, а когда Раф объявил, что у них в багажнике остался ящик водки и восемь бомб портвейна, я понял, что любовнички решили отдохнуть основательно. Я следил, чтобы мой лесной солнечный ребенок не пил ничего адского, но я не заметил, как напился сам... Помню, что полуголыми мы продирались сквозь колючий шиповник, с одним фонарем на всех, почему-то очень долго искали машину, чтобы извлечь драгоценный груз, и, наконец, когда все убедились, что «Тойоту» угнали деревенские пьяницы, мы вдруг ее обнаружили – серебряная допотопная акула стояла себе под луной перед спуском к парому. Олег и Рафик с победными криками бросились к машине, стали толкать ее и раскачивать, убеждаясь в материальности «миража в пустыне». Водка удесятирила их силы; в машине что-то хрустнуло, и она спокойно, плавно и гордо покатила под спуск, постепенно ускоряясь. Я глупо пытался удержать машину за бампер, но упал и разбил колено. Рафик запрыгнул на капот, но, когда увидел, что это может закончиться трагически, быстро спрыгнул и с пьяной

усмешкой перекрестил длинную акулу, летящую в неизвестность. Мамонов завыл как голодный волк, ведь, в конечном счете, именно он был обладателем развалины. Внизу, в кромешной тьме, что-то загрохотало, потом взорвался плеск воды. «Все. Пиздец», – прошептал Рафик. Спустившись к берегу, мы обнаружили, что «Тойота» нырнула в реку с дебаркадера, но здесь было мелко, и под луной, где-то в полуметре под поверхностью воды сверкала серебряная крыша. Паром был причален к другому берегу, и он мог покалечить потопленную машину, причаливая ранним утром к нашему берегу. Так что Олег с Рафиком остались дежурить у одинокого причала, по очереди ныряя в воду в попытке открыть багажник, а я возвратился на дачу, где смешно сопел в нашей постели мой курносый бельчонок. Я не стал его будить и беспокоить, но он сам повернулся ко мне во сне и обнял. Боже, как сладко он спит – сопит и улыбается во сне. Полная луна над верхушками мохнатых сосен в окне, рваная кромка леса как кардиограмма, чернильная бездна с редкими мигающими звездами: Я долго не могу заснуть. Надел халат, спустился в гостиную и стал вертеть ручку радиоприемника – весь мир живет, невидимый мир вокруг нас наэлектризован. Боже, почему так пахнет жасмином здесь? Почему так много жасмина под окном? Я выключил приемник и вышел из дома, сел на разошедшиеся ступени, обрывающиеся в чертополохе: Нет, не идет ко мне сон, как всегда. Шум ветра. Далеко ухает филин, и рассвет уже подмешивает молоко в теплую волжскую ночь; меня неудержимо влечет к реке, и ранний незадачливый рыбак наверняка был бы шокирован, встретив на своем пути мутное взлохмаченное существо в шелковом халате со звездами и в оранжевых пробковых сланцах. Я был похож на свалившегося с неба звездочета. Река звала меня, и я спустился к реке. Хмель иссяк, время пошло медленней, меня била дрожь, я задышался и покашливал; запинаясь о камни и корни, о корни и камни, дойдя до песка, я пошел вдоль кромки реки босиком, иногда содрогаясь от склизких прикосновений выброшенных волнами холодных водорослей. Вниз по течению,

откуда-то с нижнего Новгорода, шлепал пароход с золотыми шарами иллюминаторов и весь в гирляндах; там гремела музыка и отчетливо доносился женский пронзительный смех и гомон приглушенных голосов, безмятежные туристы пьют вино, флиртуют или просто бьют за борт от морской болезни, и меланхоличный капитан, усмехаясь, везет куда-то эту канканирующую компанию, там симпатяга-матрос подмигивает смуглому застенчивому подростку со строгой мамашей... Странно смотреть отсюда, с медвежьего островка, на кусочек другой, недоступно близкой жизни. Корабль счастливых сумасшедших на закате Вселенной. Но я чувствую близкие перемены, мое пространство съедено, выблевано, снова съедено и опять подкатывает к горлу. Если что и осталось у меня, так это только мой ушастый зверек с зелеными глазами.

Бельчонок спит в своей норке – в каком мире скитается? Там горят синие луны, кувыркаются ангелы в застиранных рваных джинсах, мотогонщики сбивают кометы, режут синтезаторы и эквилибристы взлетают на трапециях. И что по сравнению с этим мои грустные мимы с болотными фиалками и ночными незабудками, мои сентиментальные арлекины, пьянящие даже от кисленького аромата винной пробки?

Когда я возвратился, на сад уже тяжело осел рассветный туман, дышащий теплой прелью и бойким жасмином, птицы только-только начинали перекликаться, а безумный соловей уже всю заливался в кладбищенской белой роще. Земля дышала. Жасмин трясет тяжелыми каплями, белые лепестки опадают на деревянные ступени. Стекла на веранде запотели, и я пишу пальцем по стеклу: «Я тебя люблю, Денис». Спать не хотелось, но странная легкость была в теле, похмельная острота восприятия мира – краски ярче, запахи усилились. Как ранняя птица с распластанными крыльями, на подоконнике лежит твой раскрытый Новый Завет, в котором тоже шумел Гефсиманский сад, полный жасмина, кедра и мягких мхов. Я раскрыл завет наугад: «Смотрите, презрители, подивитесь и исчезните; ибо Я делаю дело во дни ваши, дело, которому не

поверили бы вы, если бы кто рассказал вам». В похмельной прострации я едва ли не целый час жевал эту цитату как умственную жвачку, пока моя рука сама не нашла на подоконнике рюмку с полувыдохшейся водкой; с тошнотворным комком в горле я залил в себя остатки горючего и занюхал апельсиновой коркой. Надсадно и нагло каркал ворон. Неожиданно я вздрогнул от вкрадчивого стука в окно веранды. Что-то мутное маячило за окном. Я протер ладонью запотевшее стекло и увидел нечто с виноватой, почти дебильной улыбкой.

Нечто было в солдатской форме. Стройбат, судя по лычкам. Солдатик с грязными выгоревшими волосами смотрел на меня, как дефективный ребенок, исподлобья, немного скосив глаза, что были явно косыми – один глаз на Марс, другой в Арзамас. Мы смотрели друг на друга как жители разных планет, и солдат заискивающе прохрипел, немного заикаясь: «Закурить не найдется?» Я открыл окно и протянул ему пачку. «А парочку можно стрельнуть?» Я кивнул. Нельзя было не заметить, что я не намерен вступать с ним в беседу, но солдатик переминался с ноги на ногу, не торопясь идти своей дорогой. Преодолевая сконфуженность, он произнес, почесывая затылок: «Мне бы еще пожрать чего-нибудь, хоть кусок хлеба и воды:» Не дожидаясь ответа, он протянул мне свою пустую флягу и просто просиял, когда я пригласил его в дом. Он не стал обходить веранду и резво перепрыгнул через подоконник. Я стал подогревать ему цыпленка, и он маниакально, голодными глазами следил за моим священнодействием. Я давно уже понял, с кем имею дело, и как-то неосознанно посмотрел на столовый нож с наборной ручкой. Пока солдат расправлялся с бедной птичкой, я осторожно осведомился:

– Сколько дней в бегах?

– Дней пять... А у вас тут можно денька два пересидеть?

Мне стало его откровенно жалко, и с этим вопросом я посоветовал ему обратиться к хозяину дома, если тот, конечно, не утонул по пьянке в Волге. Про себя я отметил, что, несмотря на глупое

выражение лица, этот беглец обладал неплохой фигурой, и разорванные на заднице штаны подзавели бы Рафика. Пианист был артистичной натурой, любящей экспромты, лирические отступления и сюрпризы. Рафику бы понравилось появление нового персонажа в его бездарном театре; на его месте я переспал бы с мускулистым солдатом с большим удовольствием, чем с мутным Олегом:

Мои комедианты не заставили себя долго ждать, и, уже издали заслышав победные крики, я понял, что операция «Акула» прошла успешно. Мокрые и решительно пьяные, они со звоном втащили в комнату ящик веселой водки. Рафик похлопал солдата по плечу:

– Ого, у нас новенькие!

Он откупорил бутылку. Олег едва держался на ногах и выглядел смертельно уставшим – на его лице заметнее проявились морщинки.

– Чудеса в Датском королевстве, – продолжал Рафик, галантно разливая по стаканам водку, – когда председатель колхоза узнал, что у нас в багажнике эликсир жизни, сразу же нашелся и трактор, и тракторист, и мужики какие-то похмельные прибежали. Слетелись буквально на запах как мотыльки. Правда, пришлось с ними поделиться, зато машина уже обсыхает на солнышке. Ну ладно, ей обсыхать, а нам не просыхать, да? А где твой принц, Андрюшка?

Денис появился на лестнице в своих застиранных до белизны джинсах и в красной майке. Карикатурный Раф, увидев моего мальчика, подполз к нему на коленях:

– Адонис, сущий Адонис, почему боги даровали любовь этого небожителя не мне, а этому чудовищу Найтову?!

Олег поднял Рафика за воротник:

– Не выпендривайся, дура, у нас гости! Не развращай моральный дух советской армии, а то сдам тебя военному трибуналу. Сегодня будем петь патриотические песни. Ты патриот или ты кто?

Солдат саркастически усмехнулся и, кажется, понял, куда попал. Денис вел себя невозмутимо: уселся на подоконник и стал грызть яблоко, с интересом рассматривая беглеца. Рафик переключился на гостя:

– Я рад вас видеть в моем разоренном имени, сударь! Чувствуйте себя свободно, мы люди простые, без претензий, странников любим, ибо сами же странники в этом расползающемся по швам мире. И компания у нас интернациональная – я наполовину татарин, Олег из русского купечества, этот (он кивнул на меня) – не поймешь кто, Денис вообще инопланетянин, а как вас величать и как вы оказались в столь гиблых местах?

Олег расхохотался, а солдатик опять усмехнулся по-шпански, загасил окурок на краю тарелки и пробормотал:

– С вами, я смотрю, не соскучишься. А я из части сбежал. Вот. Зовут меня Алексей. Стройбат. Ковырял лопатой сухую землю – бери больше, кидай дальше, а в перерывах траву на газоне зеленой краской красил: Избивали меня киргизы. Надоело быть животным и квакать в дерьме. Вы простите меня за вторжение, тут, я вижу, у вас свои дела...

– Да ладно, не извиняйся, солдат, – распахнул объятия Рафик, – здесь как у Гитлера в бункере, будем держаться до последнего патрона, пока водка не кончится. А водка не кончится, пока я жив...

Мы выпили за знакомство. Мои собеседники стали обсуждать армейскую службу, ударились в воспоминания, что мне было малоинтересно, но Денис внимал этим откровениям, затаив дыхание, как все подростки слушают рассказы дембелей о мнимых подвигах. Рафик хорошо знал законы гостеприимства и не забывал плескать в стаканы. Погода разгулялась, водка возвращала утраченное время, вселяла надежду, умиротворяла и бодрила. Рафик выдал очередной перл: «Похмелье – дело тонкое, главное – вовремя сменить батарейки». Мы раздражили Дениса своим химическим весельем, и он тоже стал требовать свою дозу, раскапризничался и дергал меня за рукав. Я сделал ему коктейль с томатным соком, размешав водку в пропорциях, рекомендуемых детям старшего школьного возраста.

Денис, Денис, не смотри в мои серые, косые от водки глаза. Водка бьет прямой наводкой... Пивка для рывка и водочки для обводочки... Держу бутылку за ствол, как ружье... Охотник, не забудь прицелиться

белке точно в глаз, что бы не испортить шкурки. Сколько же Белкиных должен отстрелять Найтов, чтобы хватило белок на боярскую шубу? Да хотя бы на шапку... Или на роман... Черт с ним, с романом – на сентиментальный рассказик для восьмиклассников... Вот облачаю свою любовь в шутовские одежды, заставляю ее гримасничать и плевать матом – это чтобы ты, читатель гребаный, не лез мне в душу, как карлик с фонарем под юбку respectable женщины. Пью за ваше здоровье! За здоровье! Чтобы хуй у вас стоял и деньги были!

Денис сидел в старом плетеном кресле и медленно потягивал свой коктейль. Рафик явно кадрил солдата, горя нездоровым румянцем. Солдат хватал пригоршнями черный виноград, сок стекал по его небритому подбородку. От изобилия плодов и напитков он, кажется, совсем потерял дар речи и так быстро пьянел, что через пару рюмок его можно было брать, как говорится, голыми руками и, что называется, тепленьким. Я хорошо знаю сценарий Рафика, и, видимо, он по-настоящему хочет сегодня заполучить солдатские шершавые ягодицы (это в том случае, если Алексей не будет способен на доминирующую роль). Рафик, как всегда, универсален: Олег вне игры. Олег увял, а мы счастливы и пьем его водку. Кажется, будет скандальчик. Олег ревнив, и этот добрый кот в польском свитере может показать когти. Как жалко Олега: Все еще надеюсь, что у них может получиться трио. Нет, Олег, скорее всего, не пойдет на групповик. Денис вдруг спросил: «Почему вы так много пьете?» Раф расхохотался и погрозил ему пальцем:

– Юноша, мы не пьем, мы лечимся. Только это, – он постучал вилкой по бутылке, – и это, – он разломил дольку дыни, – напоминает нам, что мы еще живы. А ты, Найтов, почему не потчуй своего ученика, а? Сегодня последняя встреча, друзья мои, вот мои плоть и кровь!

– Кто говорит, кто говорит! – вспыхнул Олег. – Какое святотатство! А еще в храм бегают, церковничают, свечи самые толстые покупает на свои кабацкие чаевые, молится усердно и глаза закатывает как

роковой герой немого кинематографа, так что все вокруг думают, мол, вот душа-пушинка, праведник в городе, пока отец Арсений сосредоточенно кадилом машет... Ха! Я тоже был как-то на исповеди, больше не пойду, после такие искушения начались, что не вылезал из спален... Мы все тут, кроме солдата, один способ гибели выбрали...

– Какой еще гибели? Какой гибели, дура? – вспыхнул Рафик и выбросил в окно обглоданную корку дыни. – Вот ты, Олег, ты можешь представить себя в постели с бабой? Ну?

– Ну не могу, ну и что?

– А вот и то, пидарас ты ебанный, что если бы тебя ангелы застали с бабой в постели за этим делом, то тебе это было бы записано как мужеложство.

– Какой ты все-таки кретин, Раф! Ты просто глупый. Глуп. Ты тупой. Ангелы... Записали... У тебя сознание мифологическое, как у ребенка. Да тебе же все равно – ангелы или бесы... Хочешь, я скажу, чего ты больше всего боишься? Не Бога, конечно, – парировал Олег, хлебнув из горлышка.

– Ну чего я боюсь, любовь моя, сладкий мой? – Рафик скривил влажные губы.

– Ты боишься постареть, Раф! Вот у тебя лысинка наметилась, вот это больше всего тебя терзает, а не страх Божий. Ты каждый день об этом думаешь, коллагеновым кремом свои морщинки разглаживаешь, зубы полируешь. Но ты все равно будешь стариком. И противным, я скажу тебе, стариком – визгливым старикашкой с ярким галстуком. И никто твои мощи не согреет в постели, и будешь ты слушать песни о любви и рассматривать журналы с мальчиками, вытирая слюну отдушенным платком. Уж лучше бы ты завел себе старуху:

Рафик взорвался:

– А я знаю, почему ты такой злой, Олег! И вот Андрей, наш психоаналитик, тоже это понял. Ты понял, Найтов, да?! Он меня ревнует! Это хорошо. Значит, любит. Ведь ты любишь меня, Мамонов?

У Олега задрожали руки, он растерянно посмотрел на Рафика, потом на солдата и проглотил слюну. Солдат опять усмехнулся:

– Я вне игры, ребята...

Пианист сделал вид, что не расслышал последней фразы, и, хлопнув в ладоши, сказал:

– Пора нам переместиться в пространстве и сменить декорации. Приглашаю всех в мой сад!

Рафик подошел к окну и вдохнул полной грудью свежий воздух, проспиртованный головокружительным жасмином. Несколько белых лепестков при легком дуновении ветра упало на ржавый подоконник. Солнце плавится в зеркалах, и сад дышит, сад живет! Боже, что за лето! Что за день! Просто благословенный день! В минуты такого пышного летнего солнцестояния, честное слово, не знаешь, что еще можно просить у Бога, точнее, просить – просто грех. Хочется только благодарить, благодарить, благодарить и благодарить: Денис улыбается, старается держаться ко мне поближе, и лето такое симфоническое, и облака такой небывалой белизны, как открахмаленная до хруста рубашка дирижера. Я нетвердой походкой последовал за моими друзьями в беседку, которая уже не казалась очень маленькой и хрупкой – там мы продолжили празднование жизни. Денис чувствовал себя так свободно, что даже сел ко мне на колени и обнял меня за плечо; его губы были вымазаны садовой земляникой, а в красной футболке и в темных очках он был похож на золотого рент-боя. Солдат тоже заметно расслабился и отошел к кустам крыжовника, чтобы справить маленькую надобность. Было слышно, как его горячая струя бьет по листьям. Рафик удивленно вскинул брови и прошептал мне на ухо:

– Боже, как я хочу этого солдата, ты просто не представляешь:

– Представляю, представляю, – заверил я пианиста, вставляя в фотоаппарат новую кассету. Мне опять стало жалко Олега, который совсем раскис и увял, точно окончательно смирившись со своей второстепенной ролью.

– Мамонов, зайчик, ну не ревнуй меня, – ободрял его Рафик, но Олег только сопел и опускал глаза. Тугодум от рождения, он со скрипом вертит жернова своих нелегких мыслей, глотая теплую водку с желчью и, может быть, слезами. Я тоже выпил свои эстафетные полстакана и занюхал веткой жасмина, которой заодно отмахивался от рыжих комаров. Очень полезная ветка оказалась в моих руках – многоцелевая, можно сказать. И, конечно, я не мог упустить шанс сделать еще один слайд с Денисом на фоне буйного жасмина, окрашенного закатным солнцем в нежнейший розовый свет. А пока мы пьем водку, шутим и смеемся; солдат сидит на перилах беседки, рука в кармане – катает свои шары (Раф не сводит с него своих подкрашенных блядских глаз). Какой прозрачный и звонкий день! Ветерок теплый, тихий: и Денис со мной, и я безумно счастлив... Бельчонок щекочет мне ухо сухой травинкой, спрашивает: «А ты можешь помнить этот день до самой смерти?» Да, я помню этот день, и буду помнить до самой-самой смерти, потому что после смерти я хотел бы опять оказаться в этой старой беседке, и я посажу тебя к себе на колени. Так будет, так обязательно будет, если и ты этого хочешь.

– А животные и птицы имеют ли душу? – спрашивает бельчонок.

– Да, они имеют душу.

– А мы с тобой, Андрей, грешники? Ведь когда парень любит парня, это ведь нехорошо, да?

– Да кто тебе сказал?

– В Библии написано.

– Вдвоем легче спастись и легче погибнуть. Бывает, один человек встретит другого – и через него спасается. Всякий, кто общается с тобой, приобретает своеобразный комплекс качеств, потому что ты прекрасен. Может быть, слишком прекрасен. Человек не должен быть одинок, но быть одиноким – нравственный подвиг в некоторых случаях, потому что это трудно, а для меня просто невозможно. Я хочу разделить жизнь с тобой, я хочу всегда быть с тобой...

– А за гробом мы встретимся?

- Без сомнения!
 - Ты бы и в ад меня с собой взял? – допытывается Денис.
 - Ну если только ты сам этого захочешь: Вообще-то, в аду компания интересная, – я пытаюсь пошутить, но Денис серьезен.
 - Ты что, взаправду веришь, что ад существует?
 - Ад существует, но ад будет закрыт, я тебе обещаю.
 - Ад будет закрыт! – восклицает Рафик, прислушивавшийся к нашему разговору. – Все слышали?! Найтов обещает, что ад будет закрыт! Пророк! Наконец-то я услышал приятную новость, которая может изменить всю мою жизнь! За это надо выпить, ребята...
 - Ну для тебя-то, Раф, ад специально откроют, – говорит Олег, – тебя там с музыкой встретят, с фонтанами твоей же горячей спермы, которую ты растратил не по назначению. И все твои не рожденные дети будут водить вокруг тебя хороводы.
 - По крайней мере, – замечает Рафик, – в аду, я уверен, много секса, а в раю секс запрещен.
 - Ты в аду козла будешь трахать, – добавляет Олег, – тебе все равно кого.
- Солдат сплюнул сквозь зубы и, хлопнув Рафика по спине, спросил:
- Ребята, а почему вы так помешаны на сексе? Секс – это такая ерунда!
 - Действительно, секс – не главное в жизни, это ерунда, – соглашается Рафик.
 - А ты только сейчас это понял? – говорит Олег.
 - ...Слушайте, мужики, – продолжает солдат, – хотите, я перед вами... эх-х-х... хотите? Вот ты, – он показал пальцем на Рафа, – ты у меня за щеку возьмешь?
- Рафик проглотил судорожно слюну и подмигнул мне. Стройбатовец стал путаться со своим широким ремнем и, не удержав равновесия, упал со ступеней беседки в заросли крапивы.
- Хорошо! Голой жопой в крапиву! Это Бог тебя наказал, – захолопал в ладоши Олег и выплеснул из стакана остатки портвейна солдату в лицо. Ни Алексею, ни Рафику столь вежливый жест не

понравился, и началась обычная пьяная разборка с выяснением, кто же кого уважает, а заодно и степени уважения. Устав примирять враждующие стороны, я посадил Дениса к себе на плечи и, покачиваясь, но балансируя, направился к дому.

В гостиной мы уютно устроились возле камина – обнявшись, смотрим на танцующий огонь. И я почему-то сознаю, что никогда, никогда больше не буду так счастлив, как сейчас. В общем, я был тогда трагически прав: многих обнимал я в этой жизни, со многими разделял свои чувства, эмоции и постель, порой был уверен в мимолетном порыве, что вот этот любовник навсегда и по-настоящему, но Денис был той самой мастер-программой, копии которой останутся только копиями. Наверное, это я был запрограммирован, но как убить эту память? Оглушаю ненадолго алкоголем, а дождливым похмельным утром воспоминания о потерянном рае еще невыносимей. Эта память не только в моей воспаленной голове, но в костном моем мозге, в печени, в селезенке – во всем теле, дрожащим перед прыжком в небытие. Сам себе кажусь лунным призраком – оттуда, с волжских берегов. Может быть, вся цель моей жизни и была – запечатлеть тебя? Прости, что этот снимок получился неудачно, у меня руки дрожали от волнения.

...Да, у меня руки дрожали от волнения, точно я знал, что это твой последний снимок: ты сидишь у камина и задумчиво смотришь на огонь, рождающий золотых саламандр.

Из сада доносится пьяная матерщина моих друзей. Невыносимо пахнет жасмином. Закатное солнце не оранжево-розовое, как вчера, а почти багровое – среди рваных черных зонтиков дождевых туч. В бутылке, которую я прихватил с собой в спальню, почему-то плавала мертвая пчела, и я безуспешно пытался выудить ее сухой травинкой. Перед тем как лечь в постель, мы изучаем с тобой разложенную на полу политическую карту мира, которую я вчера нашел у Рафика в сарае.

Потом мы забрались под клетчатый плед и положили с собой Ботаника Багратиона.

– Когда ты выпивши, твои поцелуи слаще, – говорит Денис. – Скажи, Андрей, если я повзрослею, ты меня уже не будешь любить?

Я попытался представить его взрослым мужчиной – и не смог.

– Ну что же ты молчишь? – допытывался бельчонок. – А хочешь, я ради тебя никогда не буду взрослым, хочешь?

Сначала мне сделалось смешно, а потом страшно. Я вдруг вспомнил Никиту и сеанс с Алевтиной. Мне стало страшно. Я выпил и закурил. Денис тоже попросил сигарету. Ночь была теплой и нежной, но Денис дрожал и прижимался ко мне. Снизу доносился смех и звон бутылок. Я зажег свечи и попросил Дениса почитать что-нибудь вслух из Завета.

– Что почитать? – спросил Денис.

– Раскрой наугад.

Я и сейчас слышу его тихий, бесконечно родной голос – с придыханием и немного картавым «р».

– «Когда я был с ними в мире, я соблюдал их во имя Твое; тех, которых Ты дал мне, я сохранил, и никто из них не погиб, кроме сына погибели... Ныне же к Тебе иду и сие говорю в мире, чтобы они имели в себе радость мою совершенную. Я передал им слово Твое, и мир возненавидел их, потому что они не от мира, как и Я не от мира. Но молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла; они не от мира, как и я не от мира:» Андрей, мы с тобой после смерти увидимся? – в который раз спрашивает Денис.

– Конечно увидимся. Там много обитателей, и одна из них для нас. Смерть это только сон; вот сейчас мы заснем, а утром проснемся, и снова будет солнечный день, и жасмин, и лодка, и мы наши яблони пойдем сажать, а потом яблони вырастут, и я сварю тебе яблочное варенье.

Денис обнял меня, положил голову мне на грудь, и мы безмятежно уснули под стрекотанье сверчка, живущего за книжной полкой.

...Утром меня разбудил изрядно опохмелившийся Рафик – дунул мне в ухо, и когда я протер глаза, поспешил поделиться своей телячьей радостью:

– Андрюшка, сукин сын, а солдата я все-таки заделал вчера. Всю ночь его жарил! Он у меня кричал, пока я его резьбу сворачивал. Давно я так не работал:

– Тише, Дениса разбудишь, – остановил я его красочный речевой поток.

Мы спустились в гостиную. Голова раскалывалась, масляные пятна плавали перед глазами... На краешке моего похмельного бокала дрожала зеркальными крылышками стрекоза; в открытые окна веял свежий, полевой, умиротворяющий ветерок, играющий с занавесками. Благодать была разлита вокруг, хотелось обнять куст жасмина или просто упасть в высокую траву, ощутив великое блаженство. Водку я запил клюквенным морсом. Утихла дрожь в руках, и я даже смог побриться не порезавшись. Нет, выглядел я на удивление свежим, чего нельзя было сказать про Олега, который шлепал по кухне в каких-то безразмерных семейных трусах, прихрамывал и издавал глубокие вздохи.

– Ты что мучаешься? – спросил его Раф.

– Конечно, я мучаюсь... Сначала телесные травмы, потом душевные. Спал как собака – в гостиной, у самой двери, бля... Кстати, пианист, чья это кровь на моем надувном матрасе? – Раф удивленно вскинул брови. – Он что, девственницей был? Ты ему целку разорвал? Меня променял на солдатскую жопу! – не унимался Олег.

Откровенно говоря, я давно уже устал слушать их бытовые перепалки. Казалось, весь дом лихорадило от этих семейных сцен – сервант дрожит рюмками, камин проглатывает крепкий мат, провода под штукатуркой искрятся как оголенные нервы. Какого черта к нам принесло этого беглого солдата? Послать надо было его подальше с самого начала, по-христиански послать – накормить, напоить и распрощаться, у нас тут не странноприемный дом... Да чего уж теперь!

Я надел свой халат и включил радио. Солдат вышел из комнаты Рафика, исподлобья посмотрел на меня и, на ходу застегивая брюки, прошел в туалет. Он выглядел крайне растерянным, за завтраком опускал глаза и только криво усмехался на тупые шутки Рафика. Он очень это переживал. Бог знает, что творилось в его душе. Облако тягостного молчания временами зависало над столом, и каждый чувствовал себя не на своем месте. Денису также передалась всеобщая неловкость, и я решил поскорее отправиться на прогулку. Олег хотел пойти с нами, но я дал ему понять, что наш поход – особенный, ведь сажать яблони – акт действительно сакральный и только для посвященных. Это наши с Денисом яблоньки.

Я облачился в старые джинсы, накинул брезентовую куртку на голое тело, надел рваную соломенную шляпу и темные очки. Дениса рассмешил мой вид, и он сказал, что я похож на деревенского супермена. Взяв саженцы, ведро и ржавую лопату, мы отправились своей благословенной дорогой, где каждое дерево узнавало нас и каждый камень считал наши шаги. С биноклем наперевес, в выцветшей красной футболке Денис шел впереди – и не шел, а почти танцевал, подпрыгивая и тут же оборачиваясь – какое впечатление производит на меня его легкость? Ты, как всегда, прекрасен и грациозен. Ты видишь, как я люблюсь тобой?!

В березовой роще я едва отыскал знакомый родник – трава так высоко поднялась, что я нашел его случайно, по журчанию. Пытаясь затушить свой внутренний пожар, я жадно целовал живой ручеек. Вода ледяная и вкусная. Песчинки скрипят на зубах. Я зачерпнул воды в лодочку ладоней, и Денис не устоял перед таким соблазном: мы стоим друг перед другом на коленях, и я пою моего мальчика из своих ладоней: Где сейчас это лето?.. Денис обнял меня и поцеловал. Мы упали в траву, в прохладную, свежую траву, и небо над головой качнулось перевернутой чашей. Впервые мы совершили полный обряд любви под открытым небом. Когда я закинул его ноги к себе на плечи, Денис засмеялся: «Нет-нет, сделай это по-другому, а то кто-нибудь увидит – ноги из травы торчат!» Денис кусал губы. Когда я

кончил, то с удивлением обнаружил, что он почти плачет. «Не смотри на меня, это пройдет сейчас», – сказал бельчонок заикаясь и стал умываться у родника. Его худые плечи вздрагивали. Я подошел сзади, провел сухой травинкой по его загорелой шее. Он съежился от щекотки, улыбнулся и обрызгал меня водой; мы опять обнялись и повалились в траву... я слизываю капли с твоих плеч, ты смеешься и отбиваешься от меня, потом я скольжу языком по твоему животу и опять стал расстегивать твои джинсы... Красная футболка в измятой траве, а лето вокруг наполнено такой музыкой, таким светом! Сколько вокруг знаков, которых мы не умеем читать, сколько благодати и покоя разлито: Вот ходил, наверное, в этих лугах какой-нибудь отрок Варфаломей, и было ему Видение. А я? Разве я жду каких-то особых знаков Божьего благоволения? Не жду я ничего, я просто хочу остановить мгновение. Вот лежим мы в траве, скоро кончается век, мир идет к закату, и время наше похоже на безвременье. В каких садах и полях ты потерялся, Андрей Найтов? В каких глубинах евразийского материка искать тебя – того, счастливого, пьяного от любви, с длинной травинкой в руке и в соломенной шляпе? Счастливый, ужасный грешник. Не беспокойся сейчас ни о чем, это потом тебе все расскажут и объяснят, ты просто будь самим собой, спокойно и свободно выполняй свою функцию, собирай свою пыльцу.

Наверное, уже полдень, потому что деревья не отбрасывают теней. Трудно сказать, сколь долго мы пролежали в ослепительном блаженстве, но из этого гипнотического состояния нас пробудила невесть откуда появившаяся огромная лохматая собака. Сначала я подумал, что этот монстр прыгнул на нас откуда-то с дерева, но вспомнил, что собаки на деревьях, все-таки, не живут – ну разве что какие-нибудь особые, экзотические породы (существуют же летучие лисицы!). К счастью, пес был с ошейником, он побегал вокруг нас кругами, обнюхал (Денис испуганно прижался ко мне, но я и сам испытывал жуткий страх перед собачьим семейством после встречи с почти игрушечными волками на волжском льду). Особенно

сосредоточенно пес обнюхал лежащую в траве футболку Дениса, а потом стал жадно лакать воду из родника; бельчонок попытался подобрать свою футболку, но монстр зарычал и принялся лаять. Этот глупый глухой лай окончательно разрушил гармонию очарованной местности – даже птицы умолкли. Собака села напротив нас, и всякое наше движение принуждало ее лаять. Мы сидели не шелохнувшись в ожидании чуда. Спаситель не заставил себя долго ждать – послышался шорох травы, пес завилял хвостом, и мы увидели Арсения. Лесной призрак Приднестровья был в охотничьем настроении: двустволка перекинута через плечо, военные галифе, кирзовые сапоги, грязная армейская рубашка.

– Вот так встреча! – он развел руками и ослепительно улыбнулся. – Кого только не встретишь! А я вот, видите, спозаранку сегодня вышел рябчиков пострелять.

– Ну и как, подстрелил кого-нибудь? – спросил Денис, пришедший в себя после всей пытки. Он схватил было свою футболку, но пес опять зарычал. Денис отдернул руку и умоляюще посмотрел на Арсения.

– Цыц, Буян, это свои! – приструнил собаку фермер, и та, завиляв хвостом, снова принялась нас обнюхивать. Арсений расстегнул кожаный ягдташ и показал нам двух подстреленных перепелок:

– Вот, весь улов. На один ужин. Но дрови в них, наверное, больше, чем мяса... А вы тут отдыхаете, я смотрю?

– Яблони идем сажать. На утесе посадим, возле церквушки.

Арсений понимающе покивал и стал умываться из родника. Я отважился даже погладить Буяна. Денис спросил, какой он породы.

– Порода? Смесь бизона с носорогом, – рассмеялся Арсений, – глупый пес, но верный. У меня их два было, другой был умнее – жаль, медведь его по весне задрал, теперь вот этот дурак остался. Так и в жизни, да? Только дураки выживают.

Я не стал с ним спорить.

– А Рафик что делает? – спросил Арсений с затаенным интересом. – Пьет опять?

– Пьет. Компания в усадьбе веселая. Солдат какой-то беглый появился, – ответил я равнодушно.

– Беглый? – Арсений насторожился и посоветовал: – Вы все-таки будьте поосторожнее в этой глухомани, к нам на четыре деревни участкового нового прислали.

– Бабушек на печках охранять?

– Бабушек – не бабушек, а прежнего мента пристрелил кто-то. Всякое бывает.

Он попросил закурить и почему-то разоткровенничался со мной – видимо, так соскучился по живому человеческому разговору, что не скрывал своих эмоций, как делал это обычно.

– Тоскливо мне здесь, Андрей. В город я хочу, к людям. Но отец опять захворал, скотины все больше, с колхозом надо за технику расплачиваться: Ну представь, я в Приднестровье воевал, а теперь коров дою! Солдат, бля: Сопьешься тут с тоски. На хрена мне все это? Ну не лежит у меня здесь сердце, не всю же жизнь под корову залезать и грядки окучивать! Не по душе мне. Тошно. Эх, бля: – он обхватил голову руками и глубоко задумался. Очнувшись, Арсений как будто застеснялся самого себя и, притушив окурок о подошву сапога, сказал: – Ну ладно, поговорим еще за жизнь. Я сейчас загляну в ваше поместье, все равно мне по пути. Кстати, вчера я самогону нагнал – первачок, как слеза. Теперь моя очередь угощать!

В который раз я подивился, что такой приземленный парень с ухватистой силой, воплощение чистой мужественности, делил постель с увядающим Рафиком: Невероятно. В этом мире что-то очень изменилось – ошибка в секторе, контролирующем души людские. Уже совсем другое время, другой космос. Я многого еще не понимаю. Я не понимаю некоторых людей, а значит, не понимаю себя, потому что познать себя невозможно без постижения других. Еще много предстоит выучить. Мой урок не окончен. Еще долго до звонка.

Сажаем яблони у церкви. Удивительный вид открывается отсюда, с утеса. Простор. Просто-о-о-о-р!!! Вечный покой. Чайка почему-то

кружит над нами. Копнул я землю ржавой лопатой, а земля живая и теплая: что-то звякнуло под заступом: Ого! Монетка! Почистил краешком куртки – две копейки 1892 года! Приятно-тяжеленькая монетка. Отдаю Денису со словами: «Вот и восстановилась связь времен». Действительно, замкнулась какая-то цепь событий длиною в несколько сотен лет. Кто знает? Денис, как оказалось, все знал. Посадим мы наши яблоньки. Пусть себе растут. Я воткнул лопату в землю, вытер вспотевший лоб рукавом и вот, обняв колени, смотрю, как плывет по Волге пароходик. Денис сел рядом и спросил, подбросив монету:

– Орел или решка?

– Орел.

– Нет, решка: Решка, – Денис сразу как-то погрустнел и задумался. На глаза навернулись слезы. Но через мгновение он странно улыбнулся – загадочная полуулыбка, как у Сфинкса... Моя любовь тоже с улыбкой Сфинкса.

«Моя любовь с улыбкой Сфинкса, моя любовь с улыбкой Сфинкса,» – повторял я про себя, мысленно спускаясь вниз по каменным ступеням своего подсознания. В движении была многоплановость, потому что тот, кто спускался вниз по ступеням, представлял, что поднимается вверх – то есть я шел вниз по лестнице, ведущей вверх. Я знал, что в конце пути меня кто-то ждет, как в конце всякого пути нас обязательно кто-то ждет, иначе зачем существует само понятие пути? Фигура ожидающего статична, ибо мы идем только в представлении ожидающего. Младенец приходит в мир с плачем и со сжатыми кулаками, как бы готовясь к испытаниям и говоря: «Весь мир мой». Но уходим мы с разжатыми ладонями, показывая, что ничего, абсолютно ничего не берем с собой. Я помню себя еще в утробе матери, но более сознательно – с четырехлетнего возраста; я бежал тогда сквозь мою четвертую осень и зачем-то подумалось: «Ты запомнишь этот миг. Тебе четыре года, и впереди у тебя потрясающая, захватывающая и удивительная жизнь!» Я также хорошо помню, что незадолго до появления на свет я где-то обитал

– там было много света и радости. Более того, я смутно припоминаю, что я выбирал своих родителей и место рождения. Жизнь не казалась мне борьбой, хотя все вокруг постоянно учили меня за что-то бороться. Нет, нет же, жизнь – это прогулка по лесной тропинке в солнечный полдень, это облака и бабочки, перезвон колоколов над вечным покоем. Жаль, что тех колоколов Святой Руси уже не услышать... И стоял я когда-то в растерянности на волжском утесе, где полуразрушенная церквушка, разбитые бутылки на отеческих надгробьях и обломки полевого шпата с отпечатками доисторических раковин моллюсков. Стоял я на ветру, весь промокший портвейном и водкой, надо мной кружилась и всплакивала безумная чайка. Я смотрел, как шлепает по реке неуклюжий кораблик, солнце садится за лес на противоположном берегу, где дымит кирпичный завод, подгадивший вечерний пейзаж, и непередаваемая, великая грустная радость была в душе, я думал о самом главном, а о чем – попробуй теперь объясни! И знаешь, чего мне хотелось тогда, Денис? Потеряться в этих застенчивых местах, вычеркнуть себя из своей же повести, прикинуться полным придурком и остаться работать на деревенском пароме. Знаешь ли, Денис, что гораздо спасительнее быть незаметным, чем знаменитым, гордым и надменным? Ученый цинизм – вот что бы я внес в список смертных грехов; громкие люди не привлекают любви пространства и не вписываются в русский пейзаж, они как бы иностранцы, какими бы патриотами не являлись. Россия наша стеснительна, застенчива и, к сожалению, слишком доверчива. Живи в простоте сердца, и не обманешься.

«Жизнь – это прогулка по солнечной тропинке?» – спросил Денис и засмеялся. Мы возвращаемся в усадьбу по солнечной тропинке, взявшись за руки. Мы идем навстречу солнцу. На полпути останавливаемся у колодца – ты вслед за мной раздеваешься по пояс, и мы окатываемся ледяной водой. Вода сверкает в ведре, и я обливаю тебя чистым серебром.

Прими мое крещение.

Прими мое серебро.

Лето, лето вокруг, полное полевых цветов, шмелей и стрекоз! Мне хочется сплести тебе венок из ромашек, но я забыл, как плести венки, а когда-то умел в детстве: Тогда, хотя бы, погадаю на лепестках «любит – не любит».

– Любит! Любит! – кричит Денис и прыгает от восторга, когда последний счастливый лепесток я кладу себе на язык и проглатываю.

...Дом встречает нас распахнутыми дверями и окнами. Мои алкоголики сидят в беседке, пьют и что-то темпераментно обсуждают. И Арсений с ними, ружье его опасно висит на оленьих рогах в гостиной – только бы не выстрелило под занавес. Мне захотелось спрятать стволы, учитывая непредсказуемость июньского пьянства и то, что перегревшийся Рафик находится в равнобедренном любовном треугольнике. Бедный Олег!.. Но я оставил эти мысли. Мы заперлись в спальне и опять предались любви.

Сейчас я скажу парадоксальную фразу: с Денисом мы занимались любовью в каждой стране, на каждом континенте, потому что мы лежали на полу, и под нами пестрела разноцветными лоскутками политическая карта мира: я целовал тебя в Америке, а фонтан оргазма хлынул где-то в Африке, но несколько горячих капель упало и в Европу. Амстердам вообще затопило. Катастрофа!

...Изможденный, ты заснул, укрывшись пледом, поджав под себя коленки, обеими руками обнимая Ботаника Багратиона – я хотел сделать снимки, но кончилась пленка...

...кончилась пленка...

...кончилась пленка...

Другой кассеты у меня, увы, не оказалось. Хлынул ливень, в небе застучали барабаны и зазвенели медные оркестровые тарелки. Где-то далеко прогрехотал гром: Хочу быть взят на небо в теле, минуя физическую смерть. Разве такое возможно? Конечно, возможно, ведь Господь Всемогуш! Эх, склеить бы здесь, в садовой столярке, огромный воздушный шар-монгольфьер, посадил бы я с собой в

гондолу Дениса, Рафика, Олега, Арсения, Ботаника Багратиона, Гелку для балласта... Прихватили бы мы с собой вино, свежесрезанные розы и хризантемы из сада, чучело Мура, фотокамеру, бинокль Сваровского, коллекцию старых пластинок и ворвались бы в грозовые тучи с шарами, искрами и со смехом, под взрывы хлопушек моих небесных арлекинов – к Богу, в Парадиз! И навсегда бы осталось загадкой исчезновение пятерых небесных странников, потому что не было свидетелей и некому было бы свидетельствовать.

...Капельки дрожат на матовой, темной чайной розе; я раскрыл цветной зонтик и вышел в сад босиком; в луже плавают обитые лепестки жасмина... меня колотит озноб, и мускулистый ветер вырывает зонтик. Хлопнуло окно за спиной, зазвенели стекла... Мои небожители все еще сидят в беседке, и я присоединяюсь к их компании. Рафик в милицейской фуражке. Вино разлито на клеенке, мертвая оса в винной луже. Раф спрашивает, где я потерял Дениса. Отвечаю, что он устал и заснул. Пианист наливает мне в захватанный стакан красного вина. Вино сладкое и крепкое, какое-то церковное вино, с мутным осадком. От этого пошла губы у всех яркие, точно покрашенные. Арсений притихший и совсем незаметный, несмотря на свою природную громкость и громоздкость; он смотрит мне в глаза и почему-то улыбается – Боже, у этой чистой мужественности совсем женские глаза! Глаза лунные с затмением. Наверное, я ему нравлюсь. Солдат пьян вдребезги, обнял меня и спрашивает:

– А ты что, тоже гомосексуалист?

Мне становится смешно, и я задаю ему ответный вопрос:

– А ты?

– Сказать по правде, мужики, – почесал затылок Алексей, – я однажды... с полковником. У меня как-то не сложились отношения с чурками, так он меня однажды к себе домой забрал... Ну, напоил, конечно... Все говорил, что ему одиноко, ну и... того... проснулись мы утром в одной постели, – солдат скривил рот и сплюнул сквозь зубы. Раф присвистнул, надвинул на глаза козырек. Арсений громко расхохотался.

– Хорошо сидим! – сказал Олег и достал из-под стола трехлитровую банку желтоватого самогона, принесенного приднестровским героем.

– В этих местах летучих мышей много, – почему-то замечает Арсений, разливая по стаканам ядерную смесь, и добавляет: – Я в эту банку пузырек женьшеневой настойки вылил, так что давайте, выпьем за вечную молодость.

Олег, притушив в винной луже окурок, замечает: «От женьшеня лица бывают желтыми». Но дозу свою выпил залпом, поморщился, занюхал хлебной коркой.

Рафик начал пошлить:

– Самогон лучше всего занюхивать несвежими трехдневными трусами, и лучше всего солдатскими... Эх...

– Слушай, пианист, – говорит Олег, – я знаю о твоей слабости к некоторым фетишам. Ты лучше отойди вон в кусты, утоли страсть вручную, а потом возвращайся:

– Ну прости, не ревнуй меня, Мамонов, – кокетливо произнес Раф, надевая на него свою фуражку. Олег просиял, глубоко вздохнул и так посмотрел на Рафика, что всем стало очевидно – Мамонов в этот момент все простил Рафику на сто лет вперед.

И вдруг, в этом запущенном саду, в старой беседке с облупившейся краской, в неизвестной губернии и волости, я опять почувствовал себя гостем из далекого будущего. Та шестая часть географического пространства, называемая Россия, почти уместилась у меня на ладони как полевая ромашка или бабочка-капустница, и только лирическая память связывала меня с самим понятием «Родина»: облетающий жасмин, поцелуй украдкой, дождь в окно, чайка над кормой парохода, лоскутная кукла арлекина в детской спальне, горящий петушиный гребешок ночного такси, кружка с отбитой ручкой и надписью «100 лет дома Романовых», привкус крови и дыма, запах полыни... и Бог знает, что еще летает в моих клубящихся облаках... все только пар, явившийся на время и туманности звезд.

Покачиваясь, я пришел в дом, затопил камин и понял, что безнадежно счастлив, вот сейчас, в данную минуту. Мне захотелось пригласить всех на свой особый праздник, но я, как бы не старался, не объяснил бы гостям смысл этого праздника, суть которого была понятна только мне. Это мы с Денисом посадили сегодня яблони – замкнулся круг, и мы не знаем, кто соберет наши плоды. Мне захотелось бросить в камин свой свежий заграничный паспорт и все стихи, написанные мной.

«Оранжевые шарики пыльцы на лапках мохнатых шмелей – мое лучшее лакомство. О, континентальный завтрак арлекина! Слизну капельку с чайной розы. Амброзия в геометрии сада! Но только не надо больше бросать беспрецедентных фраз о летучих мышах! Я страсть как боюсь мышей, особенно летучих – они же из ада прилетают, чтобы высасывать мой мозг... Мне и так больно – игла шиповника саднит в левом полушарии. Наконец-то мой поэт немного опомнился, уж лучше бы ему вообще не трезветь, никогда не трезветь, ибо странен мир безалкогольный. Неадекватен нашему истинному восприятию, скажем так. Падают мои сады в твой стакан, Найтов, пей до дна, до развоплощения: Слышишь звон моих колокольчиков? Ах, какой звон: Приготовил тебе спальню в вольных широтах: цветы полевые у изголовья, свет вечерний в окнах. И так легко тем, так мирно, покойно, игрушки на полу. Боюсь огня. Потому что ты не пройдешь сквозь огонь, а кто-то пройдет – и не заметит: Не мне, к глубокому сожалению, распутывать твои кармические узлы. Не слишком ли много? Твоя память – бусы, рассыпанные в густой траве. Всадник едет навстречу солнцу. Страшно мне открывать ларец с саламандрами – ой, сгорела вся меморабиля! Красный-красный арлекин».

Я проснулся на восходе солнца. Мой мозг представлял собой миниатюрную модель земного шара, и, безо всякого сомнения, шла ядерная война между двумя сверхдержавами: Россия в левом полушарии, а Америка в правом. В аптечке на кухне я нашел парацетомол и, когда головная боль утихла, уединился в беседке с

карандашом и тетрадкой. Я слышал смутную интересную мелодию, которая стала приобретать очертания живого текста. Это были белые стихи. Белые, как свежеевыстиранные облака. Дождь расходился, барабанил по ржавой кровле моего ветхого убежища; я вдыхаю полной грудью эту терпкую влажность, утреннюю свежесть, круто настоящую на жасмине, разбавленную детскими слезами, стихами, дешевыми романсами. Вся жизнь – как дешевый романс, но я сам его сочинил. Вот теперь и подпеваю темы ангелам: «Отцвели уж давно хризантемы в саду:» Мне бы проспаться, раскаяться, причаститься и пропариться с березовым веничком в жаркой бане.

Последнее было неплохой идеей, несмотря на дигидролизацию наших физических тел. Но всем нужен был простой обряд очищения и преображения. Я натаскал из сарая березовых поленьев, разогрел котел; потихоньку мое колдовство раскочегарилось, каменка поспела, и приделок, превращенный Рафиком в баню, основательно прогрелся сухим прозрачным паром, пахнущим живым жаром, сосной и прошлогодними травами (пучки чистотела и золототысячника подвешены под закопченным потолком). В этом священном жаре мои абстинентные привидения наверняка обретут очертания и будут лояльно благодарны заправскому банщику за предоставленную возможность второго рождения. Крепкий деревенский пар рассеивает осадок тяжелых сновидений, прогоняет бесов, веселит и просто омолаживает. Когда все было приготовлено к священнодействию, в саду замелькала апельсиновая бейсболка Дениса – слава Богу, он проснулся раньше остальных, и, пока все дрыхнут, мы сможем спокойно вкусить все откровения русской бани.

Раздеваю тебя и ввожу за алтарь последнего лета. Расплавленный янтарь в деревянных ковшах. Вода бьет ключом в медном котле. Ветер гудит в дымоходе. Солнце плавится в запотевшем зеркале с потрескавшейся от жары и влажности амальгамой. Паутинка трещинок превращала зеркало в антикварное полотно, и с этой древней картины мне улыбалось ушастое заячьеподобное существо с веснушками – мой Денис. Навсегда Денис. Хлещу себя

распаренным березовым веником. Ты жмуришься от удовольствия, распластавшись на деревянной полати. Березовый листок приклеился к раскрасневшимся ягодицам, как переводная картинка. Я испытываю эрекцию и почему-то стесняюсь этого. Встав на колени, ты играешь с моим членом, но этот музыкальный этюд помешал завершить солдат, неожиданно распахнувший дверь в наш интимный театрик. Алексей присвистнул и уставился на нас. У него были какие-то собачьи, голодные глаза. Я окропил его водой с веника, как нечистого духа, – он извинился и исчез. Когда же, после вкрадчивого стука, появилась опухшая рожа пианиста, я закрыл дверь на щеколду, и мы продолжили сеанс белой магии. Здесь, над раскаленным жертвенником, все печали, сомнения и тревоги обращались в легкий пар, и в душе не оставалось ничего, кроме чистой-чистой любви, ошеломленного вдохновения и, вот именно, ангельской легкости. Облака мои, облака мои... Облачение мое чистое, мир мой наоборотный. Изнанка облаков. Наволочки белые. Аромат чистотела щекотал ноздри – так Богу приятны жертвенные курения. Плеснул я из ковша на каменку, и мы пропали в золотистых лесах другого детства, другой истории: Сосновая игла в сердце.

Родник души.

...На лавке в предбаннике делаю тебе массаж с репейным маслом, а потом с полотенцами вокруг бедер мы выходим в сад, и наши распаренные тела дымятся в утренней прохладе. Я завернул тебя в дикий махровый халат, заварил чай с мятой. Пьем чай на веранде с земляничным вареньем.

Из бани теперь доносятся смех и крики моих клоунов. Только один Арсений не принимает участия в их римской оргии – стучит молотком в садовой столярке.

В полдень мы устроились в шезлонгах под яблонями: ты читаешь Новый Завет, а я строчу третье послание к мистеру Н. Алкоголики режутся в карты в беседке. Усадебная летняя тень достигла своего климакса, и все как будто заняты своим, единственно важным и совсем необязательным делом, даже бабочка-капустница на

одуванчике – сидит на своем месте; и все идет по плану того писателя, который давно уже сидит в аду и строчит эти страницы. Зачем он это пишет? Кому? Как алхимик в поисках флагагона, хочет обратить свое прошлое в золото? Но нет же этого, нет сожалений об утраченном времени, но есть живая плазма любви – свет ее неиссякаемый, и боль утрат сменяется чувством великой благодарности, слагается новая сильная молитва в бесстрастной страсти. Я многому научился, но не научился бояться Бога. Божьего страха – вот чего мне не хватает. Настоящего, дремучего божьего страха, священного трепета перед колодцем бездны. Жизнь была только лирическим отступлением от: я не знаю от чего: Но пропустят ли на райской таможне мою духовную контрабанду?.. На минуту я оказался совсем в другой реальности, в другом саду, уставленном горящими свечами – листья на деревьях были багровыми, трава черной, и сердце мое звенит как колокольчик; слышен дождливый звон и других колокольчиков, и я узнал звук Дениса – его тональность, его кларизм... Очнувшись, я протянул Денису руку – он протянул мне свою, бросив в траву Книгу. Ток его прикосновения пробежал по моему телу, и я захлебываюсь от счастья. Господи, я счастлив. «Денис, пожалуйста, принеси мне из дома стакан воды:»

Бельчонок несет стакан воды на железном подносе – медленно, на вытянутой руке, балансируя, привставая на цыпочки, потому что он босой и иногда наступает на острые камешки. Стакан наполнен до краев, и мальчик старается не расплескать воду, сохраняя при этом грациозность походки. Даже в движениях он гениален. Гениален в простом. Но неожиданно грянул выстрел. Стакан разлетелся вдребезги. Денис испуганно отскочил в сторону, поднос упал со звоном на камни. Даже птицы умолкли, а встревоженные грачи, сбившись в стаю, полетели куда-то на другой берег... Мне не понравилась опасная шутка – это Арсений выстрелил из окна кухни, не удержавшись от искушения продемонстрировать свою тупость и меткость; он хохотал, а меня била дрожь. Я никогда не думал, что могу взрываться таким отборным матом: Рафик с Олегом

присоединились к моему красноречию, а солдат равнодушно улыбался. Арсений начал извиняться:

– Простите меня, мужики, но я с такой дистанции и муху на лету собою. Из шалости я это сделал, простите. Я тебе, Андрей, сам воды сейчас принесу:

Я отказался от всех его услуг. На Денисе все еще не было лица, и я объявил всем, что мы сейчас же собираемся домой. Рафик, для которого вся жизнь была его театром, тут же в ответ сорвал с клумбы розу, прижал ее скорбно к груди и опустился перед нами на колени, вымаливая отсрочку; я оставался непреклонен, бельчонок пожимал плечами, но меня поколебать в этот момент могло только живое явленное чудо или гарантия загробной встречи с Денисом – и, представьте себе, чудо свершилось! Точнее, произошла пародия на чудо (как и все в моей жизни) или античудо – неожиданное и курьезное, – и я в который раз пожалел, что в моей камере кончилась пленка. Мы все моментально забыли о выстреле и застыли как расставленные в летнем саду восковые фигуры. Сначала мы услышали то ли вой собаки, то ли крик раненной чайки, или и то и другое вместе с завыванием мартовского кота: в распахнутые ворота въезжала Гелка, ее вез на садовой тележке совершенно пьяный мужик в клетчатой кепке, в котором позже я с трудом узнал местного паромщика. Гелка размахивала бутылкой и пыталась что-то петь, но распевала явно не она, а рыжий дьяволенок, вселившийся в нее с самого рождения – в этом я ничуть не сомневаюсь, потому что люди так завывать просто не могут. Гелка была в темных очках, а коротко подстриженные волосы, обработанные резиновым гелем, торчали во все стороны как ржавая проволока; даже одета моя заводная кукла была агрессивно: морская тельняшка, кожаная куртка, вытертые джинсы, тупоносые туфли на высокой платформе (возвращенное ретро шестидесятых), и только бусы из мелкого речного жемчуга – единственное прикосновение женственности. Гелку заносило в стороны. Паромщик едва удерживал равновесие, и рыжая визжала на виражах. Наконец это скрипучее средство передвижения

врезалось в крыльцо, и Гелка хохоча выпала из тележки как младенец из коляски; она отряхнулась и спросила сорванным голосом:

– Кто в этом тереме живет? Почему меня с музыкой не встречают? Я вам подарки привезла! Где подарки, мужик? – обратилась она к паромщику. Тот бросил к нашим ногам кожаную дорожную сумку. Раф встал теперь перед Гелкой на колени со своей розой, актерски декламируя:

– Царица! Царица! И не вдова, и не увидит скорби! Добро пожаловать в мое имение, – он протянул ей цветок.

Гелка выбросила розу:

– Рыбой пахнет!

Рафик сконфузился и надолго потерял дар речи. Рыжая вытряхнула из сумки свои сокровища: шелковые галстуки, кожаные ремни, подтяжки с диснеевскими персонажами, станки для бритья «Жилетт», несколько флаконов одеколона «Минотавр», сигареты, зажигалки, две бутылки смирновской водки и, как она сказала, «специально для Найтова», – настоящий фонтанный «Паркер» с золотым пером. Я оценил этот подарок по достоинству, но возникает вопрос – откуда приплыли эти царские дары, ранее Гелка не отличалась купеческими замашками... Позже, в гостиной, когда нас совсем развезло у камина, Гелка прошептала мне на ухо: «Это от моего рэкетира привет. Они с ребятами „фонарь“ обчистили, ну и мне откололось в качестве компенсации за сексуальную благотворительность...» Я не удивился. Я давно уже ничему не удивляюсь. И вот, пишу теперь это повествование – украденной ручкой об украденном детстве. Все – один к одному – по трансцендентным законам: все в моей жизни ворованное, даже жизнь моя украдена у кого-то, песня лебединая украдена, Россия уворована... И напоследок украду самого себя, во сне, туманным дождливым утром, положу в отсыревший мешок с полевыми цветами. Разве это смерть?

Быстро стемнело. Гелка колдует над рюмкой: «Я маленькое озябшее существо с огромными глазами. Я люблю кошек. Я люблю вино. По-настоящему люблю вино: сладкое, церковное, крепкое. Наверное, это просто жажда Чаши. Господи, не пронеси эту Чашу мимо. Я хожу по скользкой крыше с изломанным зонтиком... Ветер тучи нагоняет, ветер тучи нагоняет, и небо мертвое и синее, ты только взгляни, Найтов...» Я обнял Гелку.

Она грустно улыбнулась и прижалась ко мне – слабая, маленькая, дрожащая. Листок мой осиновый.

Горлышко коньячной бутылки выпачкано губной помадой.

Раф опять завел пластинку с романсами, а мы сидели с рыжей на крыльце. Она много курила, долго и отрешенно смотрела мне в глаза, как дети смотрят в ночное небо и спрашивают, есть ли жизнь на Луне; я не смог бы ответить ни на один из ее не прозвучавших вопросов, Гелка понимала это и, кусая от досады губы, беспомощно сжимала мои руки, потом оттолкнула меня и убежала в темноту сада – мокрая ветка жасмина ударила меня по лицу. В гостиной смех Рафика и дурацкий романс:

...опустел мой сад,
вас давно уж нет...

Я прыгнул в дом через открытое окно веранды. Умылся холодной водой, зачем-то повязал ворованный галстук, вошел в гостиную и по-гусарски залпом выпил что-то очень крепкое из граненого стакана. Мне заплодировали. Я по-клоунски раскланялся, пожелал всем спокойной ночи и поднялся в спальню. Бельчонок спал, обнимая Багратиона – он надел на него мою майку и спортивные трусы. Это меня рассмешило. Все-таки, я не осознавал степень своего опьянения и, пытаясь расстегнуть джинсы, рухнул на пол как сброшенный с пьедестала памятник уходящей эпохи. Денис

выпрыгнул из постели и, еще не понимая, что произошло, испуганно захлопал глазами – он был похож на шахматную фигурку, загнанную в самый угол поля. В зеленом свете ночника комнатка превратилась в тесный аквариум, и мой мальчик подплыл ко мне, чтобы помочь мне раздеться... В постели мне сделалось дурно. Я основательно проблевался на расстеленную карту мира, затопив всю Европу – непредсказуемо, но по-свински. Денис взял на себя все обязанности ночной медсестры. Мне было стыдно и смешно, мозг пребывал в абсолютной нирване, а тело тяжело как мешок с говном: Как мне хотелось оставить это грузное мускулистое тело, сбросить его с себя как надоевшую одежду и вылететь в окно – в лунном свете, в теплую, жасминную летнюю ночь, ощутив радость новой, вечной свободы. Наверное, я давно бы поступил так, если бы не Денис. Я люблю его. До конца, до безумия, до полного развоплощения... Я ревную его даже к самому себе – ничего подобного я раньше не испытывал. Это дух, живущий в нас, любит до ревности. Я ревную Дениса (страшно вымолвить) даже к Господу Богу! Любовь моя, любовь моя с огромным пушистым хвостом, в павлиньих перьях, исколотая шипами последних роз, танцует под дождем с цветным зонтиком.

Нет, не было нам покоя в ту ночь. Гелка прилетела из сада на свет нашего ночника как бабочка; из ее длинного и сумбурного монолога я понял только то, что она просится к нам в кровать и, указывая на Ботаника Багратиона, обещает, что будет так же спокойна. Гелка настаивала и принялась целовать мне ноги. Я отбрыкивался и отпινывался от нее, но она все-таки устроилась на полу и претворилась спящей. В конце концов, это был ее выбор. Я сбросил ей Ботаника для компании. Узнав, что на нем мои трусы и майка, она завизжала от восторга и отдалась в его плюшевые объятья. Но это были опасные объятья, потому что утром я обнаружил, что Ботаник мертв... Смешная Гелка, она всадила в его тряпичное сердце столовый нож! Это был симптоматичный акт – вся ее любовь ко мне, давно перешедшая в ненависть в лабиринтах женской души, нашла такой способ самовыражения. Я только усмехнулся и подмел

просыпавшиеся опилки. Рыжая дрожала и извинялась, Денис обнимал Багратиона и начинал заштопывать «рану».

Я вышел в сад. Упал в траву. Пианист, пьяный с утра, жарит шашлык и рассказывает мне о своей любви к солдату... Мне смешно. Мне смешно, потому что Рафик пьян ужасно и язык его заплетается.

Что произошло в тот последний день? Ворон как-то надсадно и долго каркал на шпиле, когда к воротам на раздолбленном «Урале» подъехал участковый мент в фуражке набекрень, из-под которой выбивались его пышные кудри. В сущности, комическое существо – мне сразу же захотелось приколоть ему на фуражку розу или пион и попросить сыграть что-нибудь на довоенном туберкулезном баяне. Ну, например, вальс «На сопках Манчжурии». Но деревенский ментяра был явно не в музыкальном настроении. Он неуклюже спрыгнул с седла и походкой заводного солдата направился к дому. Участковый пинком распахнул входную дверь. Раф оторопел и с шашлычным вертелом побежал за непрошеным гостем. Когда я вошел в гостиную, то увидел, что Рафик оттаскивает участкового от солдата и кричит:

– Я повторяю, товарищ сержант, что я солдата вам не отдам, он на моей территории. Если бы вы в лесу его поймали – другое дело, а сейчас я прошу вас покинуть мой дом, куда вы вошли без разрешения. У вас даже ордера на арест нет, так? Предъявите мне ордер:

Гелка кричит с лестницы, перегнувшись через перила и потрясая бутылкой:

– Этот дом считается территорией непальского посольства, здесь вам не Россия. Уябывай, сержант, не ломай нам кайф.

Но он сопел, вцепившись в солдата, не сдавался и оттолкнул Рафика в угол комнаты. Пианист загремел на пустые бутылки, сжимая в побледневшем кулаке оторванный погон.

Участковый снял с ремня наручники, а мне пригрозил пальцем:

– Вы, вы все здесь укрываете дезертира... И за оскорбления, за оторванный погон ответите, и за вооруженное сопротивление

блюстителю правопорядка, – при этом он указал на шашлычный вертел, лежащий на полу. – Пидарасы! Я знаю, чем вы все здесь занимаетесь. Я обещаю, что этот притон будет ликвидирован в ближайшее время!

Гелка изумленно вскрикнула и с лестницы вылила на сержантскую фуражку содержимое своей бутылки. Участковый покраснел от негодования, выругался и, выкручивая Алексею руки, потащил его к двери: Но в дверях вдруг появился Арсений со вскинутым ружьем. Его покрасневшие, залитые вином глаза были холодными и злыми – Бог знает, что творилось в его голове. Может быть, он все партизанил где-то в своем внутреннем Приднестровье и повиновался законам лесного бандитского братства. Сержант оторопел и выпустил Алексея. Солдат сел в кресло, опустив голову. Мент снял фуражку, вытер рукавом вспотевший лоб и заискивающе-ласково произнес:

– Арсений, а ты как оказался в этой гнилой компании, а? Ты же наш мужик... Ты... это... опусти ружье-то. Я вижу, что ты не в себе. Мы же с отцом твоим познакомились... Да я тебя прошу, убери эти стволы.

Монументальный Арсений почему-то вздрогнул и опустил ружье. Далее все произошло в какие-то секунды: участковый схватился за кобуру и вдруг крикнул как утка. Глубоко вздохнув, он почему-то растеряно улыбнулся, и когда милиционер медленно повернулся ко мне спиной, я увидел, что ему в спину всажен нож – почти по самую рукоятку. Нож с наборной ручкой, которым Рафик еще полчаса назад рубил мясо на шашлык.

Сержант опустился на колени, правой рукой он все еще держался за кобуру. Когда же он почти вытащил свое табельное оружие, Арсений оглушил его прикладом. Сержант упал и больше уже не поднимался – он только хрипел, икал и вздрагивал.

Денис, выбежавший из спальни на дикий визг Гелки, стоял наверху лестницы – испуганный, растерянный, прижимая к груди книгу. Я увел его обратно в нашу комнату. Он плакал, отбивался от меня, бился головой о стенку кровати. Я как мог сдерживал его и успокаивал.

Когда Денис немного пришел в себя и сам прижался ко мне, я хлебнул водки из горлышка и объявил, что мы срочно уезжаем домой. Бельчонок молчал, долго смотрел в окно и вытирал кулаком последние слезы. В саду вовсю пели птицы, пышно цвело, и небо было таким спокойным, как будто ничего не произошло, а только душа этого сержанта гуляет по саду, удивленная освобождением, и пытается завести мотоцикл с коляской... Нет, хорошее лето все-таки выдалось!

Но момент пробуждения не наступил, и тело убитого человека не испарилось после позитивных медитаций и раскаяния. Не могу поверить, что мой Рафик убил человека. Даже звучит странно: «Рафик убил человека». В гостиной они сейчас сидят и обсуждают как избавиться от тела, что делать с мотоциклом. Наивные: Когда я увидел, что у ворот остановился военный уазик, я понял, что ситуация больше не поддается контролю.

В уазике их было пятеро или шестеро, и двое из них побежали к дому. К ним навстречу вышел Рафик, он едва держался на ногах. Они о чем-то говорили в саду, но я слышал только выкрики пианиста: «Это частные владения... я не приглашаю вас в дом... да, солдат был вчера и ушел рано утром... нет, я не знаю его имени и не могу пригласить вас в дом... этот мотоцикл участковый оставил вчера... я не знаю... я ничего не знаю...» Но они о чем-то все-таки договорились, и один из солдат направился с Рафиком в дом, а другой возвратился к машине. Когда же они подошли к крыльцу, я услышал оглушительный выстрел. Даже стекла зазвенели и умолкли птицы. Стрелял приднестровский герой с веранды. Сопровождающий солдатик был только ранен. Державшись за плечо, он побежал назад к машине, но второй выстрел в спину свалил его наповал – парень упал около беседки в кусты крыжовника. Мне почему-то показалось, что второй выстрел был даже громче – лепестки жасмина осыпались на крыльцо.

Гелка ворвалась к нам в спальню, глаза ее были безумны. Она заикалась: «Андрей, Денис, бежим отсюда, смотрите какую они тут

свору устроили!..»

Машина отъехала от ворот, и через минуту кто-то из-за забора крикнул в мегафон: «Обещаем, что всем вам будет пиздец, если не сложите оружие. Выходите из дома по одному и руки за голову. Иначе мы будем стрелять на поражение».

– На поражение? Что это значит? – спросила Гелка. Я буквально затолкал под кровать ее и Дениса, приказав им не высовываться ни при каких обстоятельствах, а сам спустился в гостиную.

Арсений выглядел как Рембо: голый торс, сигарета в зубах, патронташ вокруг бедер, любовно поглаживает стволы своей двустволки. Наверное, он был глуп.

Раф размахивает пистолетом, вытащенным из кобуры участкового, но сам он бледный и жалкий. Предупреждает меня: «Не подходи к окнам!» Олег забился куда-то в угол, присосался к бутылке, а проклятый солдат подает всем стаканы со словами: «Ну что, мужики, выпьем перед полетом:»

– Да вы все с ума сошли! Это же все по пьянке! Надо сдаваться, хватит играть в героев, нас же всех тут распишут через минуту! – сорвался я и умолк, потому что пианист выплеснул мне в лицо водку и выпалил:

– Слушай, Найтов, возвращайся в спальню. По пьянке или нет, но нам отступать некуда. Видишь, как моя комедия разыгралась! Последний акт, Найтов. Я дождусь занавес:

Арсений похлопал меня по плечу. Рафик запел: «Врагу не сдается наш гордый „Варяг“» и завел пластинку с романсами, врубив полную громкость.

Из сада грохнули выстрелы.

– Это пока предупредительные, – спокойно предупредил Арсений и захрустел огурцом, которым закусил свои боевые полстакана.

Вдруг, в этот момент, когда, казалось, ситуация накалена до предела и нестерпимо пахнет жасмином, смертью и порохом, я почувствовал крайнее безразличие к происходящему. Мне стало смешно и горько, и мои друзья показались мне чужими и

посторонними мужиками, точно я был героем из совсем другой пьесы, по нелепой ошибке попавшим в бездарный фарс с клюквенной кровью и бутафорскими выстрелами. Боже, почему так нестерпимо разит жасмином?

– Почему у тебя в саду так много жасмина? – спросил я Рафика шепотом.

– Что? – он не понял вопроса.

– Почему жасмина так много?

– А? Какого еще жасмина?

«Минута на размышление!» – орал мегафон. Арсений выстрелил по направлению этого металлического голоса, и в ответ из сада по окнам гостиной сыграли хорошую автоматную очередь. Посыпались стекла. Олег, закрыв голову руками, лег на пол и закричал:

– У нас здесь женщины и дети!

– Я знаю, что ты женщина, – оборвал его солдат. – Раф, дай мне пистолет, я посеку их с кухни:

Я пожал плечами, допил свою водку, взял с полки книгу Бунина, возвратился в спальню, лег на кровать и спокойно стал читать вслух. Денис выглянул из своего убежища, но я опять затолкал его под ржавые пружины. Началась настоящая перестрелка. Бойня.

Чтобы проверить серьезность намерений атакующей стороны, я подполз к окну с Ботаником Багратионом и выставил его ушастую голову в клетчатой кепке. Моментаально голова покатила по полу, рассыпая опилки. Пули разнесли застекленный офорт над кроватью. Парусник.

Денис, несмотря на мои протесты, подполз ко мне и, обняв, долго смотрел мне в глаза. Он поцеловал меня в губы и сказал: «Я люблю тебя. Навсегда. Прости меня».

Он сказал: «Я люблю тебя навсегда. Прости меня.» И вдруг встал в полный рост. Точнее, как-то подпрыгнул. Я не успел удержать его.

Я не успел.

Я ничего не понимал.

Неведомой силой его отбросило на кровать. Как куклу. Он даже не вскрикнул, а просто вдруг упал на кровать от сильного толчка – как кукла.

Я подумал, что этого не может быть, потому что так не бывает, потому что я ничего не понимал: я видел брызги на подушке, маленькие капли и побольше. Видимо, кто-то раздавил спелую вишню. Почему Рафик не сменил нам наволочки? Разве так принимают гостей? Он хороший, Рафик, только совсем ребенок, как и все мы. Мы дети все-таки. Мы совсем недавно сбросили крылья, когда немного повзрослели. А Денис никогда не повзрослел. Он никогда не постареет, он навсегда Денис, и я его вечный любовник, и скоро вырастут наши яблони, и мы будем срывать тяжелые, сладкие яблоки:

Яблоко – это плод. Плод – не обязательно яблоко. Плод это плод. Все дает плод. Жизнь дает плод. Ничего не цветет напрасно, потому что цветение – предвосхищение плода. Кажется, время обеда: Где же шашлыки, обещанные Рафиком?

Пластинку в гостиной заело?

хризантемы в саду...
хризантемы в саду...
хризантемы в саду...
но любовь все живет...
но любовь все живет...
но любовь все живет...

...Вот, стою у окна и смотрю в сад. Почему не стреляют? Вот же, я стою у окна! Нужно поставить в саду шезлонги с веранды, я буду читать ему Книгу, а на ночь расскажу ему сказку о мальчике, который склеил огромный воздушный шар, пригласил всех своих друзей, и все они полетели на каникулы в Австралию. И даже родители не

узнали, что дети улетели в Австралию, ведь они никому не сказали об этом. Скоро в нашем географическом пространстве наступит осень, будет больше дождей и грусти, точнее – грустной радости, будут капать свечи на церковный бархат, и мы будем стоять перед Господом на коленях, и Господь все простит нам на много лет вперед, потому что если не Он, то кто же еще простит? Ты пойдешь в школу, и я куплю тебе новые ботинки, ведь те, старые, совсем уже пошарпаны. Смешные у тебя ботинки, сколько дорог они протопали вместе со мной! Гелка, где мой бинокль? Кто эти люди?

* * *

Денис, мальчик мой, я не одинок в своей осенней скорби. Кто не испытывал этой боли? Но в моей душе есть место и для грустной радости. Самой грустной радости на свете. А моя грусть? Что моя грусть? Это как первый дождь на свежую могилу. Я снова научусь жить и верить, я построю новый мир, я проснусь по новым небом, Денис, но я всегда, слышишь, всегда буду любить тебя.

Ты видишь, я окончательно и безнадежно повзрослел, врос могучими корнями в землю. Прости меня.

Арлекины забыли, как делать настоящие чудеса, и стали показывать просто фокусы.

Я знаю, что там, в твоём раю, в том месте без пространства и времени, там просто хорошо. И много света. Я знаю.

Ты всегда со мной – в свежести жасмина и в благоухании свежих роз, что я купил в киоске аэропорта перед отлетом на новую землю. Это не отъезд, а именно перелет, скачок, прыжок, прорыв. Ты был в моей жизни, чтобы научить меня любить. Я же не научил тебя ничему. Но ведь ты был счастлив со мной, правда?

Что осталось? Жасмин облетает на гранит: Конфетные бумажки, театральные программки прочно забытых спектаклей, бутылка со слезами арлекина, сквозняки в комнатах и плюшевый мишка в моем

в пилотном кейсе. Мальчик, высветивший мою жизнь театральным прожектором. Мне бы выплакаться в твой колючий свитерок, что до сих пор пахнет тобой. Мне бы снова оседлать свой мотоцикл и мчать от Либры к Аквариусу. Наши опалы. Наши Аметисты.

...Той осенью мы вернулись с Гелкой в то невеселое поместье. Жасмин совсем облетел. Исполняя странную, последнюю волю пианиста, мы сожгли дом дотла. Буквально – до тла. Так что сгорела вся параферналия, вся меморабилия. Ничего не осталось, кроме воспоминаний. Это было жертвоприношение. Да о чем я пишу – ты же все знал... Ты сделал свой выбор, отказавшись взрослеть. Наверное, поэтому я никогда не мог представить тебя взрослым.

Ты – в своем плодоносящем детстве, с любимыми игрушками. А у меня осталась только память о потерянном рае. Но скажу в оправдание – я выполнил первое обещание (может, и не столь качественно, но ты же знаешь мою вечную поспешность и поэтическую косноязычность) – я написал нашу историю. Живи вечно.

Что касается моего второго обещания, то я его тоже почти выполнил, но пусть это останется между нами.

Я люблю тебя.

До встречи!

Твой Андрей.

22 апреля 1993 г.

Брайтон.

Дмитрий Бушуев

На кого похож Арлекин

